

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
**«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

Авакян Тамара Витальевна

**Социальное познание у подростков, оставшихся без попечения
родителей**

19.00.13 – Психология развития. Акмеология

диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук

Научный руководитель:

кандидат психологических наук, доцент

Воликова Светлана Васильевна

Москва, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1 ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ	14
1.1 Социальная и межличностная ситуация развития и формирование привязанности у детей-сирот.....	14
1.2 Мотивационная сфера и интерперсональные отношения у детей-сирот ..	26
1.3 Специфика подросткового возраста как важного этапа онтогенеза	37
ГЛАВА 2 РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ У ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ.....	42
2.1 Теоретические модели социального познания	42
2.2 Характеристика основных компонентов социального познания на основе многофакторной модели	47
2.3 Социальное познание в подростковом возрасте.....	51
2.4 Социальное познание у детей и подростков, оставшихся без попечения родителей.....	63
2.5 Коррекция нарушений социального познания	69
Выводы к главе 2.....	76
ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ У ПОДРОСТКОВ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ПОДРОСТКОВ ИЗ ПРИЕМНЫХ И КРОВНЫХ СЕМЕЙ ...	78
3.1 Задачи, гипотезы и организация исследования	78
3.2 Характеристика методического комплекса и обследованных групп	80
3.3 Исследование основных компонентов социального познания у подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей на основе многофакторной модели	87
3.4 Исследование социального познания у подростков с разным типом привязанности на основе многофакторной модели	98
3.5 Исследование выраженности симптомов эмоционального неблагополучия у подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей	104
3.6 Исследование связи компонентов социального познания и симптомов эмоционального неблагополучия у подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей	110
3.7 Связь факторов социальной и межличностной ситуации развития с компонентами социального познания и эмоциональным неблагополучием у подростков, оставшихся без попечения родителей.....	122

Обсуждение результатов	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	177
Список литературы	180
Приложения.....	205
Приложение №1. Примеры стимульного материала методики «Чтение психического состояния по глазам» (RMET)	205
Приложение №2. Примеры заполненных протоколов в методике «Определение понятий для другого»	208
Приложение №3. Исследование основных компонентов социального познания у подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей на основе многофакторной модели.....	213
Приложение №4. Исследование социального познания у подростков с разным типом привязанности на основе многофакторной модели	217
Приложение №5. Исследование выраженности симптомов эмоционального неблагополучия у подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей	222
Приложение №6. Связь факторов социальной и межличностной ситуации развития с компонентами социального познания и эмоциональным неблагополучием у подростков, оставшихся без попечения родителей.....	230

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и новизна исследования

Современная государственная политика в социальной сфере и демографическая ситуация привели к существенному снижению числа воспитанников, проживающих в организациях для детей-сирот. Тем не менее, в Федеральном банке данных содержится информация о значительном количестве детей, оставшихся без попечения родителей (Росстат..., 2019). Значительная часть из них - сироты подросткового возраста, которых труднее устроить в замещающую семью, поэтому вопрос их социальной адаптации остается актуальным.

Подростковый возраст является важным периодом развития социальной компетентности (Л.И. Божович, 2008; Н.Н. Толстых, А.М. Прихожан, 2017). Одним из факторов, способствующих успешной адаптации, является социальное познание (socialcognition), заключающееся в способности понимать психическое состояние других людей и свое собственное, воспринимать и интерпретировать намерения и действия окружающих, что является основой для взаимодействия с другими. Социальная компетентность детей и подростков существенно снижается в случае нарушений в развитии социального познания (Р. Fonagy, M. Target, 1996). Несмотря на большой интерес ученых к этой теме (Д.В. Люсин, Д.В. Ушаков, 2004; О.В. Рычкова, А.Б. Холмогорова, 2016; Л.А. Ясюкова, О.В. Белавина, 2017; S. Baron-Cohen, 1985; K. Dodge, 1986; P. Salovey, J.D. Mayer, 1990), относительно мало работ посвящено изучению социального познания у детей и подростков, проживающих в организациях для сирот (Е.А. Сергиенко (ред.), 2009; С.П. Елшанский, С.В. Мешалевская, 2009; О.Н. Егорова, 2013).

Формирование личности ребенка непосредственным образом связано с социальной ситуацией развития (Л.С. Выготский, 1984; Л.И. Божович, 2008;

Н.Н. Толстых, 2009) и межличностной ситуацией развития (А.Л. Венгер, 2014). Ограниченность контактов, постоянное нахождение в коллективе сверстников, частая смена персонала детских домов (В.И. Слуцкий, 2000; А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, 2007; И.С. Арон, 2013), отсутствие опыта жизни в семье или его непродолжительность (М.К. Бардышевская, 1995; М.А. Чупрова, 2007), частая смена учреждений (Н.М. Иовчук, 2009) накладывают существенный отпечаток на развитие личности ребенка и его дальнейшую социализацию. Несмотря на реорганизацию детских домов, согласно постановлению №481 Правительства РФ, полученный ребенком институциональный опыт продолжает играть негативную роль даже при переходе ребенка в замещающую семью (В.К. Зарецкий, М.О. Дубровская, В.Н. Ослон, А.Б. Холмогорова, 2002; Ч. Нельсон с соавт., 2019; М. Rutter, 2010). Ранее показано, что интерперсональное взаимодействие детей-сирот характеризуется повышенным страхом отвержения, поверхностностью контактов (И.А. Залысина, Е.О. Смирнова, 1985; В.С. Мухина, 1995; Н.Н. Толстых, 2007; 2009; М.А. Чупрова, 2007; Н.С. Смирнова, 2008; Е.А. Поляков, 2009; И.Ю. Кулагина, 2011; Т.И. Шульга, Д.Д. Татаренко, 2013; А.В. Махнач, А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых (ред.), 2015; А.Г. Самохвалова, 2018), что указывает на существенные искажения в понимании сиротами намерений и действий другого человека.

Отечественными авторами изучались особенности формирования привязанности у детей-сирот раннего и дошкольного возраста (М.К. Бардышевская, 1995; Ю.А. Михайлова, 2004; Р.Ж. Мухамедрахимов (ред.), 2008; Н.Л. Плешкова, 2010), и у детей, проживающих в кровных семьях (Г.В. Бурменская, 2011; Е.В. Куфтяк, 2019). Показано, как опыт депривации в раннем возрасте влияет на привязанность в дальнейшем (Н.В. Сабельникова, 2014; Ч. Нельсон с соавт., 2019; М. Rutter, 2010). Говоря об успешности социальной адаптации, нельзя не учитывать последствия, которые могут возникать в связи с ненадежными типами привязанности. Тем не менее, в

подростковом возрасте нарушения привязанности и отсутствие опыта взаимодействия с широким социумом ввиду опыта длительной институционализации могут быть особенно разрушительными.

Таким образом, опираясь на обширные эмпирические исследования, свидетельствующие о специфике личностного развития детей-сирот (А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, 1990; 1991; 2007; В.С. Мухина 1991; 1995; М.И. Лисина, 1997; Н.Н. Авдеева, 2009; 2011), можно предполагать, что развитие вне семьи приводит к дефицитарности процессов социального познания, которые становятся барьером на пути к адаптации в новых социальных ситуациях, что особенно значимо в подростковом возрасте. С этим связана необходимость его более подробного и детального исследования у подростков-сирот, как одной из наиболее уязвимых социальных групп. Важно также проведение более полного и комплексного исследования различных факторов и компонентов социального познания, которые выделяются в разных моделях социального познания современными исследователями (Е.А. Сергиенко, 2015; А.Б. Холмогорова, 2016; P. Fonagy, M. Target, 1996).

Объект исследования: социальное познание у подростков, оставшихся без попечения родителей.

Предмет исследования: компоненты социального познания (способность к ментализации и децентрации, социальная мотивация) у подростков, оставшихся без попечения родителей, и их связь с факторами, определяющими социальную и межличностную ситуацию развития сирот.

Цель исследования: исследовать компоненты социального познания и их связь с факторами, определяющими социальную и межличностную ситуацию развития подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей.

Задачи:

1. Провести анализ теоретических и эмпирических работ, посвященных социальному познанию и его нарушениям у подростков, оставшихся без попечения родителей.

2. Опираясь на проведенный анализ теоретических и эмпирических данных продумать программу и сформировать комплект методик для эмпирического исследования социального познания у подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей.

3. Исследовать компоненты социального познания у подростков, оставшихся без попечения родителей, и их связь друг с другом, а также с эмоциональной дезадаптацией в виде симптомов депрессии и тревоги.

4. Исследовать и сравнить уровень развития компонентов социального познания с учетом типа привязанности у подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей.

5. Исследовать связь факторов, определяющих социальную и межличностную ситуацию развития, с уровнем развития различных компонентов социального познания у подростков, оставшихся без попечения родителей.

6. Обсудить полученные результаты и сформулировать выводы и практические рекомендации по результатам исследования.

Основная гипотеза исследования: уровень развития социального познания, включая три его компонента (способность к ментализации и децентрации, а также социальную мотивацию) ниже у подростков, оставшихся без попечения родителей, чем у подростков из приемных и кровных семей, что связано с неблагоприятными факторами, определяющими социальную и межличностную ситуацию развития подростков-сирот.

Частные гипотезы:

1. У подростков, оставшихся без попечения родителей, ниже способность к пониманию психического состояния других людей (ментализация), они меньше способны к осознанной смене позиции (децентрация), у них более выражена негативная социальная мотивация. Все указанные компоненты социального познания связаны между собой.

2. Тип привязанности взаимосвязан со способностью к ментализации и децентрации, а также с социальной мотивацией подростков, оставшихся без попечения родителей.

3. Выраженность симптомов эмоционального неблагополучия у подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей связана с показателями социального познания.

4. Такие неблагоприятные факторы социальной и межличностной ситуации развития, как отсутствие опыта жизни в семье, возраст изъятия из семьи, опыт возвращения из приемной семьи, длительность проживания в учреждении, количество перемещений из учреждения в учреждение связаны с дефицитом развития социального познания у подростков, оставшихся без попечения родителей.

Теоретико-методологическую основу исследования составили положения культурно-исторической теории о роли социальной ситуации развития как определяющей развитие психики в онтогенезе (Л.С. Выготский, 1984; Л.И. Божович, 2008), теория привязанности Дж. Боулби (Дж. Боулби, 2003; 2006), положения о развитии личности в условиях депривации (А.М. Прихожан, Н.Н. Толстых, 2007; 2009), многофакторная комплексная модель социального познания (А.Б. Холмогорова, 2012; 2016).

Методы исследования

Исследование компонентов социального познания: А) ментализации: «Чтение психического состояния по глазам» (S. Baron-Cohen, 2001), опросник «Торонтская шкала алекситимии» («TAS-20-R», G.J. Taylor et al., 2003; адаптирован Е.Г. Старостиной и др., 2010). Б)

децентрации: «Определение понятий для другого» (А.Б. Холмогорова, 1983).
В) социальной мотивации: «Краткая шкала страха негативной социальной оценки» («BFNE», М. Leary, 1983), «Шкала социального избегания и дистресса» («SADS», D. Watson, R. Friend, 1969; обе шкалы валидизированы Е.Н. Клименковой, А.Б. Холмогоровой, 2016), «Шкала социальной ангедонии» («RSAS», M. Eckblad et al., 1982; валидизированы О.В. Рычкова, А.Б. Холмогорова, 2013). **Для оценки выраженности симптомов эмоционального неблагополучия**: «Шкала детской депрессии» («CDI», М. Kovacs, 1992; валидизация С.В. Воликова, О.Г. Калина, А.Б. Холмогорова, 2011), «Шкала личностной тревожности» (А.М. Прихожан, 1980-1995г.). **Для оценки факторов социальной ситуации развития**: анализ личных дел подростков, оставшихся без попечения родителей, и «Тест привязанности» (С. Hazan, Р. Shaver, 1987; адаптирован А.Б. Холмогорова, 2011).

Математическая обработка данных осуществлялась с помощью компьютерной программы SPSS Statistics Version 21. Использовались статистические критерии Манна-Уитни, коэффициент корреляции Спирмена, двухфакторный дисперсионный анализ, регрессионный анализ.

Организация и эмпирическая база исследования

Было обследовано 196 подростков. Основная группа («подростки-сироты»); 70 чел., это подростки, оставшиеся без попечения родителей и проживающие в организации для детей-сирот (44 мальчика, 26 девочек. Возраст: 10 - 17 лет). Все подростки без интеллектуальных нарушений, посещающие общеобразовательную школу (68,6%; 48 чел.) или колледж (31,4%; 22 чел.). Большинство обследованных подростков юридически относятся к группе социальные сироты, то есть изъяты из семей в разном возрасте – 92,9% (65 чел.), остальные подростки, никогда не проживавшие в семье, относятся к группе сироты – отказники – 7,1% (5 чел). Возраст изъятия из семьи – от 1 года до 15 лет. Группа сравнения («подростки из приемных

семей»): подростки-сироты – 21 чел., проживающие в приемных семьях не менее 1 года (9 мальчиков и 12 девочек 10 - 17 лет). Из них социальных сирот – 85,7% (18 чел.), сирот – 14,3% (3 чел.). Они учатся в массовых образовательных школах (81%; 17 чел.) или в колледжах (19%; 4 чел.) и не имеют интеллектуальных нарушений. Другая группа сравнения («подростки из кровных семей»): 105 подростков, воспитывающихся в кровных семьях (71 мальчик и 34 девочки 12 - 17 лет), учащиеся общеобразовательных школ (78,1%; 82 чел.), а также студенты колледжа (21,9%; 23 чел.).

В начале обследования родители или законные представители подписывали разрешение на участие подростка в психологическом исследовании. Психолог тестировал подростков в микрогруппах или индивидуально. Каждый ребенок заполнял бланки методик, при этом психолог давал пояснения, если ребенку было что-то непонятно. При сравнении исследуемых показателей группы уравнивались по половому и возрастному составу.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечивается теоретическим анализом изучаемой проблемы, необходимым объемом выборки, наличием групп сравнения, методическим комплексом, отвечающим целям и задачам работы, подобранными в соответствии с характеристиками выборки и задачами исследования методами статистической обработки данных.

Научная новизна исследования состоит в изучении социального познания подростков, оставшихся без попечения родителей, на основе многофакторной модели социального познания, включающей в себя операциональный (способность к ментализации), рефлексивный (способность к децентрации) и мотивационный компоненты (негативная социальная мотивация в форме социальной тревожности). Получены новые данные, которые описывают связи между компонентами социального познания и факторами социальной и межличностной ситуации развития

подростков, оставшихся без попечения родителей, включая тип привязанности.

Теоретическая значимость исследования: Получила дополнительное обоснование многофакторная модель социального познания, были показаны тесные связи выделенных в ней компонентов. Получены дополнительные данные о вкладе факторов социальной и межличностной ситуации развития в развитие социального познания у подростков. В частности, в качестве важного фактора, определяющего уровень развития социального познания, обоснована роль привязанности.

Практическая значимость исследования: Сформирован и апробирован пакет психологических методик для выявления нарушений социального познания у подростков-сирот. По результатам исследования выделены основные направления психологической помощи детям и подросткам с дефицитными или искаженным социальным познанием при учете их специфической социальной и межличностной ситуации развития. Полученные данные могут стать основой для создания профилактических программ, направленных на предупреждение нарушений социального познания, а также способствующих его развитию. Результаты исследования могут быть использованы как при подготовке потенциальных кандидатов в школе приемных родителей, так и при обучении специалистов, работающих в сфере социального сиротства – для снижения рисков возвратов, повышения уровня адаптированности детей-сирот, в том числе переходящих на воспитание в приемную семью или под опеку. Полученные результаты могут быть использованы специалистами, осуществляющими сопровождение приемных семей и работающими с подростками-сиротами.

Апробация работы проводилась в ходе заседаний кафедр клинической психологии и психотерапии и кафедры социальной психологии развития. Результаты диссертационного исследования представлялись на

конференциях («Научная школа Л.С. Выготского: традиции и инновации», «Молодые ученые – столичному образованию»).

Результаты исследования внедрены в практику работы психологической службы ЦССВ «Наш дом» г. Москвы, а также применяются в учебных программах факультета Консультативной и клинической психологии ГБОУ ВО МГППУ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. У подростков-сирот, проживающих вне семьи, ниже показатели всех компонентов социального познания по сравнению с подростками из кровных семей. Подросткам, оставшимся без попечения родителей, сложнее понять психическое состояние другого человека и выразить свои собственные чувства (способность к ментализации), что связано с повышенной личностной и социальной тревожностью. У подростков-сирот хуже развита способность к децентрации: им трудно сознательно сменить позицию и посмотреть на ситуацию глазами другого человека. У них более выражена негативная социальная мотивация, что проявляется в снижении удовольствия в ситуациях общения и использовании стратегии избегания. Показатели всех трех компонентов социального познания связаны между собой.

2. У подростков-сирот с ненадежным типом привязанности ниже показатели социального познания, чем у сирот с надежной привязанностью. Они хуже понимают психическое состояние других людей и собственные чувства (ниже уровень ментализации), а также испытывают больший дискомфорт при социальном взаимодействии, стремясь к его избеганию. У них также выше уровень эмоционального неблагополучия по сравнению с подростками-сиротами с надежным типом привязанности.

3. Сформировавшийся тип привязанности является важным фактором развития социального познания. Нарушения привязанности, как у подростков-сирот, так и подростков, проживающих в кровных семьях,

оказывают негативное влияние на способность к пониманию собственных чувств и психического состояния других людей (ментализацию) и социальную мотивацию. Подростки с ненадежным типом привязанности демонстрируют наиболее низкие показатели социального познания и выраженные симптомы эмоционального неблагополучия из всех обследованных групп.

4. Неблагоприятные факторы социальной и межличностной ситуации развития (возраст изъятия из кровной семьи, опыт возвращения из приемной семьи, количество перемещений в течение жизни, количество лет, прожитых в учреждении) взаимосвязаны с социальным познанием подростков-сирот. Указанные неблагоприятные факторы в сочетании с нарушенной привязанностью оказывают негативное влияние на все компоненты социального познания (способность к ментализации, децентрации и социальную мотивацию) у подростков-сирот.

ГЛАВА 1 ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

1.1 Социальная и межличностная ситуация развития и формирование привязанности у детей-сирот

Введенное Л.С. Выготским [13] понятие *социальной ситуации развития* является центральным для понимания психологических изменений, происходящих на разных возрастных этапах. Эта качественная характеристика позволяет понять развитие личности в онтогенезе. Л. И. Божович [8] подчеркивала, что система отношений ребенка с другими людьми, требования, которые к нему предъявляются, и особенности, сформировавшиеся в результате его прошлого опыта, определяют процесс формирования личности, формируют внутреннюю позицию ребенка, его потребности, которые в дальнейшем приводят к развитию новых качеств. Структурно социальная ситуация развития состоит из объективного и субъективного компонентов [8]. Первый компонент представлен той объективной реальностью, в которой находится ребенок, требованиями, нормами и правилами, которые предъявляет к нему социальное окружение [8]. Субъективный компонент выражается в отношении и восприятии самим ребенком той объективной реальности, в которой он находится: «переживание» (Л.С. Выготский) или «внутренняя позиция» (Л.И. Божович) [8; 13]. Л.И. Божович, в том числе на примере воспитанников школы-интерната, делает вывод, что формирование личности происходит в результате соотношения объективной реальности (места в системе социальных отношений) и особенностей, сформировавшихся в прошлом опыте ребенка [8].

Исследователи выделяют объективные составляющие социальной ситуации развития детей-сирот [69; 78]. К ним относятся: более регламентированный распорядок жизни, при котором самостоятельный

выбор, личная ответственность и принятие решений самим ребенком отходят на второй план, постоянное пребывание в коллективе взрослых и сверстников, частая смена взрослых в окружении ребенка, переводы ребенка в другую организацию, что затрудняет установление постоянного, близкого доверительного контакта, минимизация индивидуального подхода, эмоциональная упрощенность взаимодействия [69; 78].

Н.М. Иовчук подчеркивает, что возраст изъятия из кровной семьи, проживание в интернатном учреждении и их частая смена приводят к пагубным последствиям для развития эмоциональной сферы, которые, однако, не относятся к проявлениям психической патологии, а формируют общие психологические черты детей-сирот [26].

Государственная стратегия в области сиротства привела к снижению количества детей, проживающих в учреждениях [48]. Постановление Правительства РФ №481 "О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей" от 2014г. внесло серьезные изменения в существовавшую систему учреждений [48]. Постановление регламентирует основные требования к проживанию детей: условия, максимально приближенные к семейным, помещения, оборудованные по квартирному типу, проживание в малочисленных (не более 8 человек) группах, совместное проживание братьев и сестер, а также детей с разным уровнем развития и др., что действительно меняет традиционную систему проживания детей-сирот. Согласно этому документу, дети помещаются в учреждение *временно*, а именно на период подбора и устройства в замещающую семью. К сожалению, реальность такова, что временный характер может затягиваться на несколько лет, а то и до наступления совершеннолетия ребенка. Существуют категории детей, которым трудно быстро подобрать замещающую семью. Например, подростки, или дети и подростки, возвращенные из приемной семьи, или с большим количеством

братьев и сестер, или отягощенные соматическими и/или психическими патологиями. Таким образом, несмотря на положительные изменения, в реорганизации учреждений, значительная часть детей и подростков продолжают проживать в организациях для детей-сирот. По данным официальной статистики в 2020 году число детей-сирот, воспитывающихся в институциональных условиях, составило 44,2 тыс. человек [5]. При этом исследователи отмечают, что даже после помещения ребенка в замещающую семью, институциональный опыт и пережитые травмы продолжают играть негативную роль [3; 24].

Проживание в учреждении приводит к тому, что личность ребенка-сироты развивается по особому пути. А.М. Прихожан и Н.Н.Толстых выделили специфику психического развития ребенка, лишенного родительского попечения, указывая на формирование у детей-сирот таких личностных черт и стратегий поведения, которые качественным образом отличают их от детей, воспитывающихся в семьях [53].

А.Л. Венгер [10] предлагает рассматривать индивидуальное развитие и поведенческие трудности через анализ межличностной ситуации развития, которая отражает систему взаимоотношений конкретного ребенка с членами ближайшего окружения (родители, школьные учителя, друзья и т.д.), в отличие от социальной ситуации развития, которая отражает общие закономерности развития в том или ином возрасте. Поведенческие проблемы автор описывает через разнообразные психологические синдромы, выделяя в структуре каждого из них, в том числе, характер межличностных отношений ребенка с окружающими, что важно для дальнейшей коррекционной работы [10]. Таким образом, подчеркивается, что качество взаимоотношений влияет на развитие ребенка и его социальное функционирование. Одной из наиболее влиятельных теорий, описывающих способность к выстраиванию близких, доверительных отношений является теория привязанности. Подчеркивается,

что система привязанности берет на себя ведущую роль на раннем этапе аффективного развития [149].

Термин «привязанность» связан с концепцией Дж. Боулби, разработанной им в середине 20 века [7]. Работая с детьми, воспитывающимися в приютах, Дж. Боулби обратил внимание, что они имеют много эмоциональных проблем, в частности, трудности в установлении близких и доверительных отношений с окружающими людьми. Он предположил, что эти трудности связаны с отсутствием тесной эмоциональной связи между ребенком и матерью. Те же проблемы он наблюдал у детей, которые воспитывались в семьях, но в какой-то момент были надолго разлучены с матерью. Дж. Боулби вводит понятие «привязанность» для описания глубокой, устойчивой, эмоциональной связи между матерью и ребенком. Система привязанности, по Дж. Боулби, заложена генетически и обеспечивает ребенку выживание. В первый год жизни, в результате взаимодействия матери (или фигуры, ее замещающей) и младенца формируется рабочая модель – система представлений о себе и о другом, т. е. о том человеке, который заботится о младенце. В дальнейшем рабочие модели стабилизируются, превращаясь в «репрезентации привязанности», глубинные структуры самосознания, через которые человек начинает воспринимать себя и окружающий мир. В связи с этим вводится понятие качества привязанности, которое связано с содержанием рабочей модели. Дж. Боулби выделял безопасную и небезопасную привязанность. Если ухаживающий взрослый адекватно реагирует на сигналы младенца, обеспечивает ему надежную и безопасную эмоциональную базу, отвечает потребностям ребенка, то можно говорить о формировании безопасной привязанности. Напротив, если ухаживающий взрослый игнорирует потребности младенца или реагирует неадекватно (например, проявляет агрессию), то есть не обеспечивает младенцу потребность в привязанности, то можно говорить о формировании привязанности небезопасного типа.

Была разработана классификация типов привязанности: надежная, ненадежно-избегающая, ненадежно-амбивалентная [89]. Так же была обнаружена группа детей, которых невозможно было отнести ни к одному из трех указанных выше видов привязанности, поэтому в дальнейшем был выделен дополнительный тип – ненадежно-дезорганизованная привязанность [158]. В одном из метаанализов [115] (общий размер выборки 4792 ребенка) показана связь плохого обращения и опыта жестокого обращения с возникновением, как небезопасной, так и дезорганизованной привязанности. Однако часть исследователей (см. обзор S. White и соавторов [210]) предлагает с осторожностью относиться к выделению дезорганизованного типа привязанности и рекомендуют не злоупотреблять им в диагностических целях, особенно когда речь идет о конкретных случаях, связанных с защитой детей.

Традиционно в теории привязанности внимание уделялось изучению детей, разлученных со своими матерями (дети, проживающие в приютах или находящиеся на длительной госпитализации без матери). В случаях, когда связь между ребенком и матерью оказалась нарушенной, Дж. Боулби стало использоваться понятие «материнской депривации» [7].

В целом под психической депривацией чаще всего понимают состояния, возникающие при неудовлетворении основных психических потребностей. Подчеркивается, что перечисленные ниже виды депривации встречаются совместно, а не изолировано [35]. Выделяют 4 типа депривации: *сенсорная* (снижение количества стимулов, воздействующих на органы чувств, сниженная изменчивость стимулов) *когнитивная* (меняющаяся структура внешнего мира, отсутствие возможности предвосхищать, влиять на происходящее), *эмоциональная* (невозможность создания близкого, эмоционально-личностного контакта или прерывание ранее созданного контакта) и *социальная* (ограничение в возможности усваивать социальные роли) [35].

Масштабное эмпирическое исследование воспитанников чешских учреждений (666 детей от 7 до 15 лет) позволило выделить несколько типов депривированных детей, в зависимости от сформировавшейся у них стратегии взаимодействия с окружающими [35]. Исследование проводилось с учетом подробного анамнеза ребенка (возраст поступления, характеристики кровных семей, тип сиротского учреждения, данные развития и наблюдения в раннем и дошкольном возрасте) и позволило выделить несколько типов детей. «Социально гипоактивные» дети характеризуются незаинтересованностью к общению с людьми, пассивны и апатичны; «в целом гиперактивные» дети постоянно находятся в движении, беспорядочны, не могут сосредоточиться, постоянно в поисках стимулов; «социально гиперактивные» дети постоянно ищут внимания, стремятся к контакту, вне зависимости от того, кто за человеком перед ними, ищут ласку, телесный контакт; «социально провоцирующие» дети выбирают в качестве объекта внимания одного взрослого, используя при этом любые способы для сохранения контакта с ним, в том числе непослушание, дурачества; «хорошо приспособленные» дети не испытывают проблем с адаптацией и взаимодействием.

Зарубежные исследования в основном сосредоточены на изучении формирования привязанности детей-сирот к замещающему родителю. Это связано с традиционно иным подходом в политике западных стран по отношению к сиротам, которые в силу разных обстоятельств и причин не могут проживать в кровных семьях. За рубежом наиболее распространенными формами замещающей заботы являются усыновление и помещение ребенка в приемную (фостерную) семью. В связи с этим дети-сироты либо вообще минуя помещение в специализированное учреждение, либо размещаются в них на достаточно короткий промежуток времени. Обзор исследований (25 статей, N=791 детей раннего возраста) показал, что дети с опытом жестокого обращения, по сравнению с нормой, чаще формировали ненадежную

привязанность [95]. Подчеркивается, что значительная часть детей, воспитывающихся в приемных семьях, пережили в прошлом травматический опыт, что отражается на их дальнейшем развитии и социальном функционировании [132]. Показано, что помещение в семью приводит к улучшению качества привязанности [101; 173; 178]. В одном из мета-обзоров было показано, что дети-сироты, помещенные в семью в возрасте до 1 года, успешней формируют надежную привязанность, в отличие от детей-сирот, помещенных в семью после 1 года [204]. При этом дети, помещенные в приемную (фостерную) семью, чаще формировали надежную привязанность по сравнению с детьми, не имеющими замещающей семьи; наиболее высокие показатели надежной привязанности наблюдались у усыновленных детей [204]. Помещение в приемную семью в раннем возрасте способствовало уменьшению признаков расстройства привязанности (обследование детей проходило в возрасте 30, 42, 54 месяцев и в 8 лет) [191].

Эти данные подтверждают что возраст, в котором ребенок пережил разлуку, влияет на развитие привязанности. По мнению Дж. Боулби основы привязанности закладываются в возрасте от 0 до 3 лет, но первый год жизни выделяется как самый существенный по своему влиянию [7]. Значимость раннего возраста доказывается даже при обследовании подростков. Авторы показывают, что ранняя депривация может сказываться на привязанности и в подростковом возрасте [142].

Дезорганизованный тип привязанности может формироваться у детей, помещенных в детский дом в новорожденном и младенческом возрасте. Также в сравнительных исследованиях детей-сирот и детей из семей можно найти данные о том, что у детей из сиротских учреждений больше нарушений привязанности, дезорганизованной активности [45]. Эти результаты подтверждаются зарубежными и отечественными исследованиями [6; 41; 82].

Группа ученых под руководством Макйкла Раттера в лонгитюдном исследовании изучала последствия ранней депривации на дальнейшее развитие [185]. С помощью различных методов в возрасте 4, 6, 11 и 15 лет исследовались дети-сироты из Румынии, усыновленные в британские семьи в возрасте до 42 месяцев и дети, усыновленные из Великобритании в возрасте до 6 месяцев. Авторы описали основные характеристики, составляющие «депривационный синдром» как следствие раннего опыта институционализации, которые наиболее выраженно наблюдались у детей, имеющих более длительный опыт депривации (более 6 месяцев). К этим характеристикам относятся когнитивные нарушения, квази-аутизм, невнимательность/гиперактивность, паттерн расторможенной привязанности [147; 185]. Расторможенная привязанность в поведении проявлялась в виде трудностей установления социальных границ (стремление к физическому контакту с незнакомыми людьми, задавание неуместных вопросов и навязчивое поведение в отношении незнакомых людей, готовность уйти с ними) [147]. В возрасте 15 лет у этих подростков было обнаружено, что поведенческие и эмоциональные нарушения, а также проблемы со сверстниками связаны с «депривационным синдромом» [147; 185].

Результаты другого более чем 10-ти летнего лонгитюдного исследования детей-сирот под руководством Ч. Нельсона, Н. Фокса и Ч. Зина подтвердили, что ранняя депривация приводит к тотальным нарушениям в развитии, и в частности негативно сказывается на развитии и созревании мозговых структур [45]. Показано, что более раннее помещение в приемные семьи (до 2 лет) хотя и приводит к скачку в интеллектуальном развитии и снижению симптомов тревоги и депрессии, но не уравнивает их со сверстниками, с рождения живущими в семье.

В отечественной школе близкими по смыслу к идеям теории привязанности можно считать исследования М.И. Лисиной, посвященные генезису развития общения в детском возрасте [36]. А именно, потребность в

признании и поддержке, доброжелательном отношении взрослых, которая, согласно возрастной периодизации, является онтогенетически более ранней и доминирующей на протяжении первых 6 месяцев жизни ребенка [36]. Подчеркивается, что ситуативно-личностное общение с внимательным, заботливым взрослым обеспечивает младенцу чувство безопасности, тесно связано с эмоциями является необходимым источником развития [31; 36]. Изучение комплекса оживления экспериментальным путем (в частности, у детей из домов ребенка) подтвердило эту связь [39]. Было обнаружено, что полугодовалые дети, которые воспитываются в семье, стремятся разделить свои переживания с матерью [39]. Дети из дома ребенка не устанавливали подобных связей с персоналом учреждения. Желание разделить свои переживания с близким взрослым предшествует возможности разделять переживания другого человека, является важным этапом в формировании этой способности [39]. Хотя целью работы являлось изучение аффективно-личностных связей детей, речь идет, в том числе, и о развитии эмпатических способностей. Таким образом, наглядно показано, что ранний депривационный опыт и отсутствие значимого взрослого тормозит развитие аффективной сферы. Исследуя тип привязанности у младенцев из домов ребенка, авторы выявляют (наряду с ненадежными типами) «условно-надежную» привязанность – поведение этих детей, по сравнению с семейными детьми, носит противоречивый характер, они менее инициативны во взаимодействии со взрослыми [2].

В диссертационном исследовании М.К. Бардышевой изучались компенсаторные формы поведения и типы привязанности у детей дошкольного возраста, воспитывающихся в доме ребенка [6]. Сравнивались две возрастные группы детей-сирот: младшего дошкольного возраста (3-4 года) и старшего дошкольного возраста (5-6 лет) с опытом жизни в семье и с рождения воспитывающихся в институциональных условиях. В результате было выделено 6 групп детей: «избегающие» (7%), «цепляющиеся» (7%),

дети с «недифференцированными привязанностями» (>50%), «амбивалентные» (10%), «социально-тревожные» (10%), «гармоничные» (15%). В первые три группы попали только те дети, которые никогда не проживали в семье, а в группы «социально-тревожных» и «гармоничных» детей попали исключительно дети с ранним опытом проживания в кровных семьях. Группу детей «амбивалентного» типа составили как дети с опытом проживания в кровной семье, так и дети никогда в семье не проживавшие. Для детей, которые с рождения проживают в институциональной системе, (первые три типа в классификации) не характерно формирование глубокой замещающей привязанности к своему взрослому, для них характерно использование более примитивных защит и стратегий поведения. Кроме этого, для детей из данных групп характерна более низкая степень адаптации к условиям проживания в детском доме. Опыт тотальной эмоциональной депривации не способствует формированию базисного чувства безопасности и доверия к миру, повышает уровень тревоги и приводит к использованию наиболее примитивных защитных механизмов, сильно дезорганизует поведение. Дети, которые имеют ранний опыт отношений с матерью, сохраняют способность к формированию замещающих привязанностей [6]. Эти результаты подтверждаются и в других исследованиях, например, в исследовании Н. Л. Плешковой [51]. Взаимодействие персонала дома ребенка с воспитанниками не способствует формированию надежной привязанности [1].

Продолжив линию исследования детей-сирот, с рождения воспитывающихся в институциональной системе, Ю.А. Михайлова изучала общие закономерности развития эмоциональной сферы детей из дома ребенка от рождения до 4 лет [41]. Исследование было продолжено М.А. Чупровой, и на момент обследования эти дети были в старшем дошкольном и младшем школьном возрасте (5-9 лет) [82]. В раннем возрасте активность детей направлена на поиск объекта привязанности, подавляя и подчиняя себе

другие виды активности (исследовательское и игровое поведение), а учитывая, что у ребенка нет возможности выстраивать привязанность по отношению к одному взрослому, функцию объекта привязанности начинает выполнять группа сверстников (без выделения конкретных ее членов). Эта тенденция сохраняется и дальше: даже если ребенок выделяет кого-либо из взрослых, это отношение трудно назвать поведением привязанности, кроме этого, привязанности к группе или к кому-то из сверстников так же не формируется [41; 82]. Дети-сироты с опытом жизни в семье стремятся к установлению контакта, ищут внимания и доброжелательного отношения со стороны взрослого, сохраняют привязанность к кому-то из прошлого окружения (родители, родственники), а также формируют привязанность к сверстникам, компенсируя невозможность формирования привязанности к взрослому [82].

По мнению британских и румынских ученых, у детей с опытом проживания в учреждении более 6 месяцев чаще встречаются психические заболевания, когнитивные нарушения, а в подростковом возрасте возрастают эмоциональные нарушения, сохраняющиеся даже после усыновления и получения адекватной заботы. Авторы делают вывод, что длительная ранняя депривация связана с этими сохраняющимися негативными последствиями и во взрослом возрасте, по сравнению с детьми с опытом институционализации менее 6 месяцев [192]. Сравнение детей, воспитывающихся в учреждениях, с детьми, которые были переданы из учреждений в приемные семьи [45], подтвердило, что когнитивное развитие детей, продолжающих проживать в учреждении, было ниже как по сравнению с детьми из приемных семей, так и с детьми, которые с рождения проживали в кровной семье.

Лица с ненадежно-избегающим типом привязанности воспринимают социальные контакты как потенциально опасные и, следовательно, предпочитают избегать их [149]. Ненадежная привязанность связана с более низкой социальной компетентностью со сверстниками [138].

Метаанализ 32 исследований (общая выборка 4614 детей) связи привязанности с проблемами интернализации [139] показал, что дети с ненадежной привязанностью обнаруживали больше проблем, в частности, избегающая привязанность была связана с большей выраженностью социальной изоляции. Метаанализ 46 исследований (общий размер выборки – 8907 детей) обнаружил умеренные связи привязанности с тревожной симптоматикой [114]. Наиболее сильные связи обнаружились между тревогой и амбивалентной привязанностью. Авторы также отмечают, что связи были сильнее для испытуемых подросткового возраста, в частности, когда тревога и привязанность измерялись с помощью самоотчетных анкет.

Небезопасная привязанность у подростков предсказывает депрессивную и тревожную симптоматику, а при амбивалентном типе привязанности эти показатели опосредованы дисфункциональными отношениями и низкой самооценкой [153].

В исследовании Е.В. Куфтык с соавторами [33] изучались показатели психического благополучия у младших школьников (10-12 лет) в зависимости от типа привязанности, сформированного к матери. Например, у мальчиков с ненадежной привязанностью обнаружилось больше коммуникационных и поведенческих проблем, а меньшее количество проблем со сверстниками у младших школьников связано с проявлением со стороны матери эмоциональной чуткости [33]. Другие обнаруженные нами отечественные исследования [73; 86], проведенные на подростках, сфокусированы на оценке привязанности к матери и связи с развитием Я-концепции. Однако используемые в данных работах методики для оценки привязанности невозможно применить для обследования подростков-сирот, поскольку в настоящий момент (даже при наличии опыта проживания в семье) они воспитываются в учреждении. Г.В. Бурменская [9] подчеркивает, что на личностное развитие оказывает влияние сформированный ранее тип привязанности к матери, но предлагает не рассматривать эту характеристику

в качестве неизменной. Она ставит вопрос о необходимости исследования динамики привязанности, которая с помощью активной позиции самого подростка, развития у него самоотношения и субъектности предположительно может меняться. Так, были получены данные о привязанности 101 подростка (средний возраст 15,9 лет), которые были повторно опрошены спустя два года [90]. Исследовались также характеристики взаимодействия между членами семьи, уровень депрессивности подростков, финансовый статус семьи и привязанность матери. Несмотря на значительную стабильность привязанности, влияние стрессоров в виде запутанных взаимоотношений с матерью, симптомов депрессии, бедности приводило к снижению безопасности привязанности, что свидетельствует в пользу возможности изменения этой характеристики в период подросткового возраста. Также надо отметить, что травмирующий опыт, эмоциональное пренебрежение мешают формированию безопасной привязанности, которая, далее, влияет на способность к эмпатии и ментализации [149].

Таким образом, анализ литературы показывает, что у детей-сирот чаще выявляются нарушения привязанности в виде ненадежной и дезорганизованной форм. Также важно отметить, что преобладающее число исследований посвящено изучению специфики и нарушениям привязанности именно у *детей-сирот*. Подростки-сироты остаются мало изученной категорией, мало работ фокусируется на исследовании подростковой привязанности и последствий при нарушениях ее формирования у подростков-сирот.

1.2 Мотивационная сфера и интерперсональные отношения у детей-сирот

Отечественными авторами проведено большое количество исследований, направленных на изучение детей и подростков в условиях

семейной депривации [17; 37; 43; 53; 55и др.]. Важным фактором адаптации детей-сирот к социуму выступает опыт их межличностных отношений со сверстниками и взрослыми. Исходя из данных, рассмотренных в предыдущем параграфе, отсутствие отзывчивого взрослого, который оказывает эмоциональную поддержку и заботится о ребенке, отрицательно влияет на развитие и дальнейшее социальное функционирование [112; 179].

Авторы говорят о сужении временной перспективы у воспитанников детских домов [32; 83]. Для них характерна тенденция жить сегодняшним днем, будущее в картине мира отражено слабо, ограничивается ближайшими событиями, представления о будущей жизни мало дифференцированы, неструктурированы. Подростки-сироты воспринимают течение времени как медленный процесс, слабо насыщенный событиями. Бродяжничающие подростки-сироты (социальные сироты, убегающие из детских домов и приютов) 12-15 лет характеризуются нереалистически завышенной, слабо дифференцированной самооценкой, ориентированы на развлечения, не задумываются о своем будущем. Преобладающие у подростков-сирот мотивы связаны с удовлетворением гедонистических потребностей (получение удовольствия; такие подростки инфантильны, стремятся избежать напряжения, уходить от проблем) и эгоцентрических потребностей (стремление к самоутверждению, высоким достижениям) [32]. Духовно-нравственная мотивация (увлеченность, развитый познавательный интерес, любовь, привязанность), находящаяся на первом месте в мотивационном профиле подростков из семей, у детей-сирот представлена в меньшей степени.

В одном из исследований показано, что ценностные ориентации детей-сирот тяготеют к конформистским – воспитанность, аккуратность, ответственность, честность, в то время как у подростков из семей преобладают ценности образованности, независимости и широты взглядов [18]. Выделение этих ценностей указывает на стремление подростков-сирот

не выделяться, соответствовать нормам, положительной внешней оценке, и в целом указывает на недостаточную развитость самосознания.

Кроме того, увеличение срока пребывания в доме ребенка негативно влияет на психическое развитие детей вне зависимости от их изначального уровня развития. Были обследованы две группы детей из домов ребенка (родившиеся в срок, родившиеся преждевременно) в возрасте 3 месяцев, а затем в возрасте 9 месяцев [81]. В возрасте 3 месяцев общий показатель психического развития у недоношенных детей был значимо ниже, чем у детей, родившихся в срок. Однако к 9 месяцу жизни статистически значимых различий в оценке психического развития между группами получено не было. Длительность проживания в учреждении также негативно сказывается на взаимодействии ребенка с матерью при попадании в семью [50].

Чем сильнее депривирован ребенок, тем он менее инициативен в общении, менее эмоционально вовлечен в контакт, проявляет меньше сопереживания сверстникам [11;37]. Например, сравнивались дети, помещенные в семьи, но имеющие ранний опыт жизни в учреждениях (основная группа) с детьми без опыта жизни в учреждениях, на момент обследования возраст детей составлял от 5 до 8 лет [3]. Было показано, что дети с опытом пребывания в институциональной системе имеют больше проблем экстернализации – в частности, проявляют агрессивное поведение и испытывают трудности в соблюдении установленных правил, отчего сильно снижается продуктивность взаимодействия со сверстниками.

В.С. Мухина [43] описала особый психологический феномен, который заключается в разделении детьми-сиротами мира людей на «своих» («мы») и «чужих» («они»). К чужим, как правило, относятся люди, находящиеся вне стен учреждения, как взрослые, так и другие («домашние») дети. По отношению к «чужим» дети-сироты часто демонстрируют агрессию, враждебность, обособляя себя. Но одновременно с этим внутри группы «мы» тоже обнаруживается обособленность и агрессия, направленная на «своих».

Это объясняется дефицитарностью и искаженностью потребностью в принятии и любви. Дошкольники-сироты, в отличие от детей, которые живут в семьях, не стремятся привлекать внимание сверстников к совместной деятельности, игнорируют предложения сверстников вступить в контакт, эмоционально менее вовлечены во взаимодействие, чаще отказывают в помощи, негативно или демонстративно реагируют на действия сверстников [11], не стремятся разделить с ними свои переживания [23]. Т.Н. Счастливая [75] отмечает, что для детей-сирот чаще характерна попытка оказать содействие (то есть помочь предметно), чем сопереживание, воспитание в условиях депривации приводит к отчуждению, обособлению себя от других людей.

Доминирующая потребность в получении внимания приводит к социальной направленности в сторону взрослых. Подростки-сироты в большей степени обнаруживают потребность в хорошем отношении, заботе, поддержке и теплоте со стороны окружающих людей [15], причем потребность в близости, теплом отношении и внимании доминирует и во взрослом возрасте [59]. Так, в одном из немногочисленных исследований выпускников учреждений (в возрасте до 70 лет) и их отношений со значимыми другими показано, что, даже вырастая и принимая на себя новые социальные роли (например, обзаведясь собственной семьей), выросшие дети-сироты не полностью принимают на себя роль взрослых, субъективно чувствуют себя нуждающимися в заботе и поддержке [59]. Если в рассказах взрослых людей, выросших в семьях, доминирующие роли начинают занимать собственная семья (муж/жена, дети/внуки), то в историях выросших выпускников (также имеющих собственные семьи) намного чаще продолжают упоминаться взрослые люди, оказавшие когда-то помощь, внимание, содействие в их жизни [59].

Дети-сироты ориентированы на внешнюю оценку, желают быть замеченными взрослыми [53], чувствительны к внешней оценке со стороны

педагогов, их негативная оценка извне подкрепляет негативное отношение к себе и способствует снижению самооценки. В 13-15 лет эти трудности усиливаются: сохраняется значимость внешней оценки, повышен страх самовыражения и веры в собственные силы.

Особенности межличностной ситуации развития сирот отражаются не только на взаимодействии со сверстниками, но и в специфике отношений воспитанников со взрослыми. В статье М.Ю. Кондратьева [29] дано достаточно подробное описание того, как выстраиваются отношения сирот с педагогами учреждения. Подчеркивается негативное влияние частой сменяемости воспитателей, которое приводит к тому, что ребенок с одной стороны не стремится к установлению глубоких отношений, а с другой, - продолжает испытывать еще больший эмоциональный голод. Дети-сироты одновременно испытывают тревогу и враждебность по отношению к взрослым: с одной стороны беспокойство ребенка о том, является ли он нужным, значимым для взрослого, любят ли его; с другой, - неприятие взрослого, подозрительность и злобность в контакте, амбивалентное поведение [53]. Возможностей для выстраивания теплых, эмоционально-насыщенных отношений мало; ребенок оценивается с позиции своего поведения (легкого или трудного), послушности. Даже с учетом изменений, произошедших в системе учреждений, к воспитателю предъявляется огромное количество формальных требований, кроме этого, заботящиеся взрослые постоянно меняются. Фокус внимания воспитателей смещается с потребностей и нужд ребенка на соблюдение им режимных моментов, акцент ставится на проступках и плохом поведении ребенка, чем на его достижениях и успехах, инициатива взаимодействия исходит от взрослых, инициатива ребенка не поощряется, познавательная активность часто подавляется большим количеством запретов, во многом связанных с соблюдением регламента и правил учреждения. Ребенок ощущает себя как объект выполнения правил, а не как отдельная личность [61]. В уже упоминавшейся

статье М.Ю. Кондратьева отмечается, что если в школе ребенок из семьи оказался в ситуации, в которой реально виновен, родители все равно остаются к нему благосклонными и оказывают поддержку. В то время как по отношению к ребенку из детского дома, оказавшемуся в аналогичной ситуации, воспитатель чаще занимает позицию школьных учителей, и вместо поддержки дополнительно фрустрирует [29]. Не вызывает сомнений, что описанные особенности взаимодействия не способствуют коррекции ненадежной привязанности, а в некоторых случаях, напротив, подтверждают и закрепляют неадаптивные убеждения детей и подростков относительно взаимодействия с окружающими.

Таким образом, модель отношений с людьми, представления о взрослом, семье носят искаженный характер. В одном из исследований было показано, что дошкольники-сироты воспринимают взрослого как агрессивного, запрещающего; стремление слушаться продиктовано страхом наказания, а не эмоциональной связью с ним [61]. Схожие результаты обнаруживаются и у подростков-сирот: представления о другом человеке противоречивы, слабо дифференцированы – с одной стороны, преобладают характеристики, указывающие на важность и дефицит теплых, близких, доверительных отношений; с другой, - партнер воспринимается как враждебный, авторитарный [15].

Контакты со сверстниками характеризуются поверхностностью [43]. Для подростков-сирот характерно снижение потребности во взаимодействии с другими (65,65%), что проявляется в пассивности внутри коммуникации и связано со слабым позитивным отношением и разделением интересов сверстников и окружающих. В этом же исследовании показано, что 16,5% сирот присуща эгоцентрическая стратегия коммуникации – речь идет о преобладании своих собственных потребностей в системе отношений с другими, игнорировании интересов и нужд окружающих [84]. Такая стратегия может указывать на дефицитарность внимания и заботы в более

ранние периоды онтогенеза, что приводит к несформированности коммуникативной потребности личности.

В исследованиях А.Г. Самохваловой [65; 66] показано, что подростки-сироты и подростки из приемных семей, по сравнению с подростками из кровных семей обнаруживают больше коммуникативных трудностей (в частности, низкий уровень эмпатии и сочувствия, нежелание вступать в контакт, раздражительность, рефлексивные трудности и др.), а для их преодоления используют менее конструктивные способы взаимодействия с окружающими (например, манипулятивное поведение, проявление агрессии, ложь и др.).

Подростки без опыта жизни в детских учреждениях (находящиеся под родственной опекой) высоко оценивали свои способности в установлении близких, доверительных отношений с другими людьми, в отличие от подростков с опытом жизни в учреждении (находящиеся в приемной семье не менее 5 лет), которые отмечали обратное [83]. Это согласуется с данными других исследований. Так, подростки-сироты в качестве наиболее трудных маркировали ситуации общения (как со сверстниками, так и со взрослыми), они испытывают больше напряжения в контакте, в то время как подростки из семей отмечали трудности в предметно-практической деятельности, особенно учебной [4; 15].

Специфическая социальная ситуация развития – проживание вне семьи – стигматизирует ребенка-сироту. При этом, ярлык «детдомовский» может использоваться как взрослыми, так и сверстниками. Дети и подростки из детских домов нередко становятся социально изолированными среди одноклассников, а истории их жизни могут обсуждаться другими людьми (в том числе взрослыми) и становиться поводом для слухов. Чаще всего сироты до последнего стараются скрывать свой социальный статус (как в школе, так и в колледже). В связи с этим, нам кажутся важными исследования, подтверждающие связь социальной тревожности с виктимизацией со

стороны сверстников, которая выражается в распускании слухов, сплетен и различных манипуляций с отношениями («relational and reputational victimization») [например,189]. Подростки начинают уделять больше внимания интерперсональным отношениям, становятся более чувствительными и могут острее реагировать на возникающие в общении трудности, воспринимая их как дополнительные стрессоры.

Все вышеперечисленное приводит к дефициту социальных навыков, отмечаются трудности в понимании взаимоотношений между людьми [17]. Дети-сироты менее направлены на других людей, в меньшей степени заинтересованы в качестве контакта с другим человеком, не стремятся к пониманию внутреннего мира другого, устают от взаимодействия с окружающими [53]. Отношения часто носят агрессивный или зависимый характер, используются неадекватные формы для взаимодействия с окружающими [15; 53; 83]. Так, в одном из диссертационных исследований делается вывод, что проблемы взаимодействия и межличностного контакта порождают большое количество агрессивных реакций, кроме того, для подростков-сирот характерен более высокий уровень тревожности и суицидальные тенденции [52].

По сравнению с подростками из семей, подростки-сироты характеризуются более низкой самооценкой, не верят в собственные силы, чувствительны к внешней оценке, чувствуют себя не в безопасности, а желание нравиться учителю сохраняется и в подростковом возрасте [18]. В представлениях о себе преобладает чувство вины, негативное самоотношение [83]. Показано, что подростки-сироты испытывают больше напряжения в общении в связи с повышенным эмоциональным дискомфортом, неприятием себя и окружающих, неосознаваемыми негативными чувствами по отношению к партнеру; кроме того, они с большей тревогой и раздражением реагируют на разлад отношений; в конце концов, эти дети ограничивают контакты, стремятся избегать взаимодействия [15].

Подростки-сироты оценивают ситуации общения (в особенности со сверстниками) как наиболее трудные, в отличие от детей из семей, которые, в первую очередь, в качестве трудных называли ситуации предметно-практической деятельности, учебы [4]. Данные другого исследования показывают, что подростки с институциональным опытом демонстрируют большую потребность в защите, высокие показатели тревоги, ожидание неприятностей, снижение самооценки, особую чувствительность в оценке своей привлекательности для других людей. В отношении привязанности также были получены достоверные различия: если подростки без опыта жизни в детском доме обнаруживали потребность в глубокой и прочной привязанности, то во второй группе подростки демонстрировали потребность в большом количестве контактов, не претендующих на близость и глубину. Подростки без опыта проживания в институциональной системе обладают более сохранными характеристиками в эмоционально-личностной сфере, по сравнению со своими сверстниками, получившими опыт воспитания вне семьи [83].

В диссертационном исследовании Н.С. Смирновой изучалась мотивация общения у подростков из социально неблагополучных семей и подростков-социальных сирот [70]. Направленность личности на взаимодействие с другими людьми рассматривается через понятие «мотива аффилиации», который включает в себя два компонента: страх отвержения и стремление к принятию, их выраженность зависит от прошлого опыта отношений ребенка, формируя у него определенные ожидания. Человек с более выраженным стремлением к принятию испытывает при взаимодействии с другими доверие и комфорт и в меньшей степени склонен избегать общения. Человек с выраженным страхом отвержения, напротив, чувствует себя неуверенно, напряжен в контакте, испытывает больше тревоги. У подростков из неблагополучных семей и социальных сирот мотивационная сфера характеризуется более выраженным страхом

отвержения. По сравнению со своими сверстниками из благополучных семей, они чаще ожидают неуспеха в установлении отношений с другими, склонны испытывать меньше доверия к людям, характеризуются более узкой социальной сетью. Предшествующий травматический опыт у подростков из неблагополучных семей (а социальные сироты так же относятся к этой группе, так были изъяты из кровных семей ввиду ее дисфункциональности) способствует усилению страха быть отвергнутым, формирует у подростков убеждение о том, что на других людей нельзя полагаться и ожидать от них социальной поддержки.

По данным исследования А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых [53] показано, что в конфликтных ситуациях подростки-сироты склонны к обвинениям – причины фрустрации видят во внешних обстоятельствах или других людях; при этом характерны реакции самозащитного типа («Не Ваше дело!») или фиксации на удовлетворении своей потребности («А ты заработай денег и купи!»). Возможно, это связано с трудностями смены позиции, невозможностью отойти от эгоцентрической позиции (с настойчивостью требовать удовлетворения потребности), сложностью в распознавании и непереносимости собственных эмоций, дефицитом социальных навыков.

Подобные ответы характерны для воспитанников интерната и в общении со сверстниками – подавляющее большинство это обвиняющие реакции самозащитного типа. Для сравнения, школьники из семей демонстрируют более широкий диапазон возможных реакций, а так же используют конструктивные реакции, в которых берут на себя ответственность и самостоятельно пытаются найти выход из фрустрирующей ситуации.

Интересные результаты обнаружались в составленных подростками автопортретах. В сочинениях подростков 7-8 классов из обеих групп выделилась категория отношений с окружающими людьми, однако, с

существенными отличиями. Подростки-сироты значимо реже по сравнению со школьниками из семей упоминали темы «оценки себя как друга» (12% против 83%) и «умению понимать других людей» (6% и 66% соответственно). Интересно, что и к теме общения сироты обращаются значительно реже сверстников из семей. К сожалению, в тексте не дается подробной оценки по данному параметру, однако, само по себе более редкое обращение к данной теме является важным диагностическим показателем. Большинство учеников массовой школы рассуждают на тему своего умения или, наоборот, трудностей в понимании другого, способности встать на его место, обладанием теми или иными качествами, необходимыми для дружбы и взаимодействия с другими людьми. Подростки из школы-интерната не обращаются к этим рассуждениям (причем в подгруппе 7 классов эта тема вообще не встречается). Подростки-сироты акцентируют свое внимание на том, удастся ли им ладить с людьми, а так же выражают свое отношение к другим, не проявляя интереса к качеству контакта или уникальности личности другого. Авторы указывают на недостаточное развитие интимно-личностной стороны общения сирот, что нехарактерно для данного возраста, поскольку тема дружбы в подростковом возрасте является одной из доминирующих.

Совладающие стратегии подростков-сирот менее эффективны. Они чаще используют избегание, отвлечение от проблем, ориентацию на эмоции [15; 47], не склонны к поиску социальной поддержки, а если и ищут ее, то не у окружающих взрослых, а у наиболее сильных авторитетных детей [4]. В конфликтных ситуациях подростки-сироты склонны к обвинениям, трудностям смены позиции, сложностью в распознавании и непереносимости собственных эмоций, дефицитом социальных навыков, проявлению враждебности [53].

Таким образом, недостаточное количество общения со взрослым, постоянный поиск внимания, принятия и заботы со стороны взрослого

приводят к обеднению в сфере общения, недоразвитию коммуникативных навыков, возрастанию тревоги, трудностям построения отношений со сверстниками. Неудовлетворенность потребности в общении и положительной оценки со стороны взрослого усиливает тревогу, враждебность указывает на неадекватность форм взаимодействия с взрослым. При встрече с незнакомыми людьми воспитанники тянутся к взрослым, стремясь получить поддержку, и сторонятся сверстников. При этом коммуникативных навыков не хватает ни для адекватного общения с взрослыми, не для налаживания контактов с ровесниками. Все это еще больше усиливает тревогу, углубляет эмоциональные нарушения. Общение становится источником стресса, не приносит удовлетворения и закрепляет стратегию избегания. Перечисленные интерперсональные трудности препятствуют процессу социализации, что наиболее ярко проявляется у выпускников учреждений для детей-сирот.

1.3 Специфика подросткового возраста как важного этапа онтогенеза

Вопрос о границах подросткового возраста до сих пор остается дискуссионным и в разных концепциях определяется по-своему. Так, Л.С. Выготский [13] выделял кризис 13 лет и последующий за ним пубертатный период (13-17 лет). Д.Б. Эльконин, развивая идеи Л.С. Выготского, в своей периодизации выделял младший (12-15 лет) и старший подростковый возраст (15-17 лет). Отечественный психолог А.В. Петровский в своей периодизации выделял эпоху отрочества (11-15 лет). В концепции Э. Эриксона подростковый период обозначается границами с 12 до 18 лет. А всемирная организация здравоохранения в качестве возрастных границ отмечает период с 10 до 19 лет. Несмотря на разнообразие периодизаций, чаще всего начало подросткового периода определяется 10-11 годами, а его окончание в 18 лет [31;76]. В современном мире период подросткового возраста, юности и в

целом взросления растягивается. Н.Н. Толстых подробно описывает эту тенденцию, а также приводит результаты эксперимента, показывающие, что современные подростки сильно отличаются от своих сверстников, взросление которых пришлось на середину или конец 20 века. В своей работе мы опираемся на возрастной диапазон, выделенный в учебнике А.М. Прихожан и Н.Н Толстых [76]. Так, начало подросткового периода обозначено возрастом 10 лет, а его окончание - 17 годами.

Подростковый период неслучайно многими авторами характеризуется как кризисный, ведь происходящие в это время перемены заключаются не только в физиологических процессах, связанных с половым созреванием, но и с качественными изменениями личности. Важным новообразованием подросткового возраста является рождающееся и развивающееся у подростка чувство взрослости, формирование «Я-концепции», углубление самопознания, интерес к своему внутреннему миру [8; 13; 31]. Продолжает свое развитие и мышление, все больше переходя от его конкретных, наглядных форм к абстрактному, словесно-логическому [8; 31].

В контексте нашей работы важным является преобладающее у подростков стремление к общению со сверстниками. Согласно возрастной периодизации Д.Б. Эльконина, ведущая деятельность подростка – интимно-личностное общение. И.Ю. Кулагина [31] отмечает, что подросток ищет такого друга, который может выслушать, обладает похожими взглядами, способен посочувствовать. Подросток стремится занять свое место в коллективе сверстников, оценка и мнение сверстников становятся в этом возрасте более значимыми, чем мнение взрослых [8]. Это подчеркивают и зарубежные авторы – отношения со сверстниками усложняются, выходят на первый план, подростки проводят меньше времени с семьей и более чувствительны к отношению к себе своих ровесников [195]. Для успешного развития межличностных отношений возникает необходимость развития социальных навыков, в том числе и способности к социальному познанию

[186], включая процессы ментализации и эмпатии [88]. В исследовании, в котором принимали участие дети и подростки (от 6 до 16 лет) было показано, что способность к распознаванию эмоциональных состояний по лицу улучшалась с возрастом [152]. При этом данные о том, развивается ли эта способность далее и во взрослом возрасте или полностью формируется в подростковый период, противоречивы [201].

Исследуя развитие самосознания подростков, Л.И. Божович с коллегами [8] отмечают, что в этом возрасте активно развивается способность к познанию другого человека, пониманию его особенностей. Подростку проще определить и описать качества другого человека, чем свои собственные, суждения о других более содержательны и конкретны, чем суждения о себе. В дальнейшем они используются как опора для описания себя. Одновременно с этим отмечаются трудности в умении посмотреть на ситуацию с точки зрения другого человека [8]. Р. Fonagy и М. Target [130] также подчеркивают, что самопонимание развивается через понимание других людей, в том числе и в подростковом возрасте, причем основой для этого является качество привязанности и взаимодействие ребенка с ухаживающим взрослым. В зарубежных исследованиях показано, что способность к децентрации развивается в подростковом возрасте [124; 197]. При этом в одном из исследований с помощью специальных игровых ситуаций было обнаружено, что подростки с более высоким уровнем способности к децентрации демонстрировали более высокий уровень доверия к другим, в том числе во время совместной деятельности [129].

Кроме того, отмечается и важность внешних оценок и суждений для формирования самосознания подростка, повышенная чувствительность к ним. В своей монографии Л.И. Божович [8] отмечает, что отсутствие единой оценки и рассогласованность мнений может запутывать подростка, с другой стороны, - именно эта рассогласованность толкает подростка на поиск самостоятельных суждений.

В контексте нашей работы важным становится восприимчивость подростка к негативным оценкам со стороны других людей и страх ее получения. Современные исследования показывают, что подростковый возраст в половине случаев является возрастом возникновения социальной тревожности, которая может сохраняться и превращаться в выраженное расстройство во взрослом возрасте [194].

Отдельно хочется отметить, что Л.И. Божович [8] подчеркивала, что не может быть единой и общей характеристики подросткового возраста, так как особенности условий (как в целом общества, так и индивидуальные) в которых протекает взросление подростка, слишком разнообразны. Таким образом, обращается внимание на условия, в которых воспитывается подросток – проживание в городе или деревне, кровной семье или детском учреждении, общеобразовательной школе или школе-интернате закрытого типа – говоря о специфике подросткового возраста нельзя не учитывать условия среды и те отношения со взрослыми и сверстниками, которые, складываются внутри этих условий.

Таким образом, как в фундаментальных отечественных исследованиях, так и в современных зарубежных источниках показано, что подростковый возраст является важным периодом социализации, возрастом, когда происходит активное освоение широкого социума. Эффективное решение этих задач невозможно без развития процессов социального познания, которому будет посвящена вторая глава данного обзора.

Выводы к главе 1

1. Проживание вне семьи негативно сказывается на развитии детей и подростков, оставшихся без попечения родителей (далее в тексте подростков ОБПР). Проживание в стенах учреждения сильно отличается от воспитания в семье, что позволило исследователям говорить об *особой* социальной ситуации развития детей и подростков-сирот.

2. Привязанность является одной из важнейших характеристик развития. Качество привязанности, сформированное в раннем детстве, обуславливает способность выстраивать отношения с окружающими людьми. Ненадежные типы привязанности связаны с трудностями в межличностных отношениях.

3. Дети-сироты чаще формируют ненадежную привязанность, а с рождения депривированные дети (которые никогда не проживали в семье) формируют специфичные паттерны поведения, которые трудно классифицировать как поведение привязанности.

4. У детей-сирот и подростков-сирот большое количество трудностей лежит в области межличностных отношений. У них сильнее выражен страх отвержения, хуже развиты коммуникативные навыки, они более чувствительны к внешней оценке. Общение вызывает больше напряжения по сравнению с детьми, которые воспитываются в семье. У подростков-сирот сохраняется потребность во внимании, заботе и поддержке со стороны взрослых, присущая более младшему возрасту.

5. В подростковом возрасте происходит активная социализация, на первый план выходит межличностное общение со сверстниками. Подростковый возраст сензитивен для развития способности к социальному познанию. Подростковый возраст уязвим для возникновения социальной тревожности, в связи с чем, развитие коммуникативной компетентности, умение распознавать психическое состояние других людей являются особенно необходимыми навыками.

6. Привязанность у подростков и, в частности, у подростков-сирот остается малоизученной, но важной темой. Тип привязанности характеризует качество интерперсональных отношений. А умение выстраивать отношения с окружающими людьми неотъемлемая часть процесса социализации. Требуется уточнить, связан ли сформированный у подростков-сирот тип привязанности с процессами социального познания.

ГЛАВА 2 РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ У ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ

2.1 Теоретические модели социального познания

Социальное познание является исследовательским подходом, корни которого лежат в области социальной психологии. Изучение процессов социального познания традиционно рассматривалось в русле когнитивной парадигмы, вводится специальный термин «социальные когниции». Постепенно изучение социального познания стало распространяться и на другие области психологии: клиническую, возрастную, общую. Большое количество теорий и моделей социального познания затрудняют задачу дать унифицированное определение этого термина, но в самом широком смысле «социальное познание» обозначает способность человека распознавать свое и чужое психическое состояние, включая эмоции, мотивы, действия других людей. Так или иначе, каждая из моделей пытается дать ответ на вопрос, каким образом, люди понимают намерения, мысли, эмоции окружающих людей.

Коротко остановимся на наиболее влиятельных моделях социального познания, и более подробно остановимся на модели социального познания, которая легла в основу настоящего исследования.

Модель SIP

Модель переработки социальной информации (social information processing, SIP) разработана К. Dodge [71; 120]. В данной модели понимание человеком другого человека рассматривается как последовательный поэтапный процесс обработки социальной информации. На первом этапе происходит декодирование социальных ситуаций, на втором – интерпретация полученных сигналов, на третьем – определение целей данной социальной ситуации, на четвертом создается ответ, реакция на социальную ситуацию,

наконец, на пятом этапе происходит выбор наиболее подходящего ответа и принимается решение о действиях в данной социальной ситуации. Нарушение процесса переработки информации может произойти на любом из описанных выше этапов. Данная модель стала широко использоваться в клинической и возрастной психологии, в частности, при изучении поведенческих нарушений у детей, агрессивного поведения [120; 121; 151].

Большое внимание уделялось изучению родительского стиля взаимодействия с детьми, наличия жестокого обращения и развития агрессивного поведения у детей в дальнейшем [209]. Делаются выводы, что наличие жестокого обращения в анамнезе является фактором риска для развития агрессивного поведения у детей в дальнейшем [121]. Показано, что жестокое обращение со стороны родителей, строгая дисциплина и проблемное поведение у детей опосредованы неадекватными сформировавшимися стратегиями обработки социальной информации у ребенка [209]. Обработка текущей социальной информации напрямую зависит от предыдущего опыта и той структуры знаний, которая сформировалась у ребенка. Обнаружено, что посредником между воспринимаемым насилием и симптомами социальной тревожности выступает особый когнитивный стиль («Social looming»), искажающий обработку информации таким образом, что нейтральные стимулы и ситуации трактуются как угрожающие [135]. Эти результаты согласуются с другими исследованиями, проведенными в рамках когнитивной модели как на младших подростках (449 девочек и 553 мальчика; средний возраст 13,4 года), так и на взрослых людях (70 мужчин, 88 женщин от 18 до 58 лет) [111; Error! Unknown switch argument.]. Например, если в опыте ребенка группа сверстников являлась враждебной, то с большей вероятностью он будет интерпретировать поступающую социальную информацию враждебно. Неоднозначный или нейтральный стимул будет оцениваться как враждебный, поэтому на этапе выбора ответной реакции на ситуацию

агрессивное поведение будет оценено ребенком как благоприятное решение [109Error! Reference source not found.]. Другими словами, социальные сигналы активизирует ранее сформированные когнитивные схемы, влияющие на обработку и выбор ответной поведенческой реакции. На выборке из 585 испытуемых было показано, что те дети, у которых сформированы враждебные структуры знаний (когнитивные представления), обрабатывают социальную информацию более предвзято, трактуют поступающие социальные сигналы враждебным образом и чаще демонстрируют ответное агрессивное поведение [109].

Модель ТоМ

Другая влиятельная модель изучения социального познания – «theory of mind» (сокращенно ТоМ), получившая в русскоязычном переводе название «модель/теория психического». «Модель психического» - это способность понимать состояние другого человека, отличать его от собственного состояния. Понимание различных ментальных состояний другого (намерений, мыслей, эмоций, чувств и др.) позволяет нам анализировать причины действий, прогнозировать поведение, то есть обеспечивает основу социального взаимодействия [71]. Модель theory of mind разработана S. Baron-Cohen - ведущим ученым Центра исследований аутизма в Кэмбридже.

В основе развития данной концепции лежат исследования приматологов, которые экспериментально исследовали у шимпанзе способность строить модель психического человека, демонстрируя обезьянам видеоролики с актером, находящимся в различных проблемных ситуациях [177].

Говоря о модели психического, нельзя не упомянуть исследования Ж. Пиаже, который в своей теории когнитивного развития выделил такое важное понятие как эгоцентрическая позиция. Она является важной характеристикой мышления ребенка дошкольного возраста. Ребенок рассматривает и анализирует окружающую действительность опираясь

исключительно на свою точку зрения, которая выступает в качестве абсолютной, он еще не способен встать на точку зрения другого человека. По мере развития ребенок проходит путь от эгоцентризма к децентрации, то есть становится способным оценить ситуацию с разных точек зрения, посмотреть на ситуацию глазами другого человека [67].

Для оценки способности к децентрации в рамках модели ТоМ была разработана методика «Ложное убеждение» («false belief task»). Показано, что если в 4-ех летнем возрасте дети чаще дают неверные ответы, то уже в возрасте 5-6 лет дают правильный ответ в 92% случаев [67]. Однако дети с ненормативным развитием, в частности с расстройствами аутистического спектра испытывают трудности в решении подобных задач и не справляются с ними [98]. Таким образом, в фокусе внимания исследователей оказался процесс распознавания мыслей и намерений других людей (mindreading).

Модель ТоМ развивалась, и наряду с изучением процесса «mindreading» стала изучаться способность распознавания эмоций других людей: имплицитная и эксплицитная ТоМ. Имплицитный компонент представляет собой симультанный, автоматизированный процесс обработки социальной информации, в то время как эксплицитный компонент основан на когнитивно-лингвистической обработке поступающих стимулов [71].

Возможность считывания сигналов человеческого лица имеет решающее значение для социального взаимодействия. Глаза играют важнейшую роль в передаче информации, поскольку они направляют внимание другого человека, что позволяет делать выводы о намерениях и психических состояниях партнера по общению - считывание взгляда другого человека анализируется быстро и автоматически [99;143]. Для оценки имплицитного компонента ТоМ у взрослых, страдающих расстройствами аутистического спектра, была разработана методика «The Reading the Mind in the Eyes» (сокращенно «RMEТ»), тестирующая способность распознавания базовых и сложных эмоциональных состояний по фотографиям, на которых

были изображены глаза [98; 99]. Впоследствии была разработана детская версия теста, состоящая из 28 карточек [99]. Обе методики широко используются в зарубежных исследованиях, как в клинических, так и неклинических группах испытуемых и будут рассмотрены ниже.

Модель социального интеллекта

Часть отечественных авторов изучают социальное познание в русле моделей социального [40; 71; 87] и эмоционального интеллекта [163], изучая, в частности, их соотношение с формальным интеллектом.

Так, в структурно-динамической теории социальный интеллект трактуется как способность, с помощью которой человек познает социальные феномены [71]. Суть данной модели заключается в том, что структура интеллекта формируется на протяжении жизни человека – это результат взаимодействия различных факторов [71]. Развитие социального интеллекта зависит от потенциала формирования интеллектуальных систем, личностных особенностей, направления сил человека либо на взаимодействие с другими людьми, либо на предметную работу. В рамках модели были разработаны специальные тесты [71]. Исследование, в котором участвовали 49 учащихся 10-11 классов общеобразовательной школы, обнаружило более высокие показатели социального интеллекта у девочек по сравнению с мальчиками по общему баллу, и по шкалам отношения с учителями и родителями, положительные корреляционные связи практического интеллекта с академической успеваемостью [71].

Другая модель изучения социального познания – концепция эмоционального интеллекта, разработанная Питером Сэловеем и Джоном Мэйером [163]. Согласно модели эмоциональный интеллект объединяет 4 способности: восприятие своих и чужих эмоций, умение использовать свое эмоциональное состояние для более эффективного решения поставленных задач (принятие решений, размышление), понимание и распознавание эмоций, умение называть и описывать словами эмоциональное состояние,

регуляция эмоций [163]. Среди отечественных авторов разработками в данной области занимается Д.В. Люсин – он выделяет в эмоциональном интеллекте две ключевых способности: понимание эмоций и управление эмоциями, описывает внутриличностный и межличностный эмоциональный интеллект, рассматривает его как динамическую характеристику, формирующуюся под влиянием различных факторов [71].

2.2 Характеристика основных компонентов социального познания на основе многофакторной модели

Концепция социального мозга, открытие «зеркальных нейронов», изучение роли окситоцина, изучение мозговой активности – изучение социального познания, поиски причин нарушений социального познания и психической патологии активно ведутся в русле биологической парадигмы [72]. Тем не менее, нейробиологические исследования не в состоянии дать исчерпывающие ответы на вопросы о развитии и нарушениях социального познания. Актуальной задачей становится создание интегративных моделей социального познания, которые учитывают, в том числе и социальные факторы.

Отмечается, что зарубежные исследователи все чаще обращаются к идеям Л.С. Выготского в поисках ответа на вопрос о природе процессов социального познания [72]. А.Б. Холмогоровой и О.В. Рычковой с опорой на теоретические положения культурно-исторической парадигмы разработана двухуровневая модель социального познания [63]. Регуляторный уровень включает в себя мотивационный и рефлексивный компоненты, а исполнительный уровень – операциональный и поведенческий компоненты. Коротко рассмотрим каждый из них [более подробно см.72].

Мотивационный компонент социального познания

Характеризует мотивацию личности к взаимодействию с окружающими. На одном полюсе открытость контакту, желание общаться с

другими, на противоположном, – попытки избежать взаимодействие. Ранее упоминалось исследование мотивов аффиляции (стремление к принятию и страх отвержения) у подростков из неблагополучных семей [70]. Страх быть отвергнутым тесно связан с таким клиническим явлением, как социальная тревожность. В качестве основного критерия социальной тревожности выделяется выраженный страх или беспокойство в ситуациях социального взаимодействия. При этом человек обеспокоен тем, что может быть оценен другими людьми негативно: подобные опасения являются ядром социальной тревожности. Реально исходящей опасности при этом нет, однако, интенсивный страх, испытываемый человеком, приводит к избеганию подобных ситуаций или переживанию сильного дистресса. Именно избегание становится основной стратегией совладания с тревогой, при этом оно может использоваться даже внутри тревожащей ситуации (например, избегание зрительного контакта). Постоянное избегание приводит к снижению учебной, профессиональной деятельности, ухудшению интерперсональных связей, а в конечном итоге может привести к полной социальной изоляции индивида [194]. При социальной тревожности существенно снижается качество жизни и общее функционирование (выполнение текущих дел, выполнение работы), серьезно нарушается ролевое функционирование, при этом основные затруднения лежат в области межличностных отношений и в ситуациях социального взаимодействия, обнаруживается коморбидность с другими психическими заболеваниями (тревожные, депрессивные, употребление ПАВ).

В описываемой нами модели вводится понятие негативной социальной мотивации общения, которое включает в себя выраженную социальную тревожность, а именно страх получения негативной оценки в свой адрес, субъективно испытываемый дискомфорт при взаимодействии с окружающими и отсутствие удовольствия от коммуникации и взаимодействия с окружающими людьми (социальная ангедония).

Рефлексивный компонент социального познания

Отражает способность человека к целенаправленному процессу ментализации, к умению оценить свои способы поведения в коммуникации, перестроить или изменить их при необходимости. Уделяется внимание механизму децентрации и учету чужой позиции – иными словами, анализируется умение посмотреть на ситуацию глазами другого человека, способность изменить свое поведение, общение, чтобы другой лучше понял. В рамках модели ТоМ этот компонент аналогичен эксплицитной ментализации.

Операциональный компонент социального познания

Отражает автоматические процессы, которые позволяют оценить, интерпретировать социальные ситуации, понимать и распознавать эмоциональные, интеллектуальные состояния других людей. В рамках модели ТоМ этот компонент аналогичен имплицитной ментализации.

Поведенческий компонент социального познания

Отражает привычные способы поведения, сформированные стратегии переработки информации. В частности, это те стратегии, которые преимущественно используются человеком при взаимодействии с другими людьми. Например, поведенческая стратегия у человека с выраженной социальной тревожностью – избегание взаимодействия.

В рамках дальнейшей разработки модели был проведен цикл исследований, в том числе посвященный развитию социального познания в подростковой популяции [72].

Изучение социального познания невозможно без учета тех факторов, которые влияют как на его развитие, так и на возникающие в процессе развития нарушения. В рамках многофакторной модели, которая может быть применена и для изучения социального познания, рассматривается 4 уровня: макросоциальный, семейный, личностный и интерперсональный.

На макросоциальном уровне учитываются факторы социальной среды. Это те правила, общественные нормы и ценности культуры, которые задают контекст развития социального познания в современном мире. В рамках предлагаемой модели рассматривается влияние современных технологий, посредством которых происходит общение людей друг с другом. Общение опосредованное техническими средствами во многом обусловлено развитием современных средств коммуникации, но не всегда личным выбором подростков [71]. В рамках данного исследования отдельно стоит подчеркнуть роль фактора социального сиротства, поскольку само проживание в неестественной для ребенка среде (в учреждении, а не в семье) не может не отражаться на развитии социального познания.

На семейном уровне важную роль играет тип привязанности, стиль коммуникации в семье, правила и нормы семьи. Как было показано в Главе 1, вопрос о качестве привязанности является одним из ключевых в понимании специфики и особенностей детей-сирот. Согласно данной теоретической модели, привязанность рассматривается как натуральная функция социального познания [71].

Индивидуально-личностный уровень учитывает черты личности, сложившиеся убеждения, особенности познавательной сферы и эмоционального развития. Важным остается вопрос о влиянии формального интеллекта на социальное познание [71].

Наконец, на интерперсональном уровне рассматривается качество социальной сети, социальная поддержка и удовлетворенность ею, широта социальных контактов.

Перечисленные факторы влияют на развитие компонентов социального познания и обуславливают его нарушения. В данном исследовании более подробно будут рассмотрены фактор привязанности, а так же макросоциальный фактор социального сиротства. Возраст изъятия из кровной семьи, возвращение из приемной семьи обратно в учреждение,

перемещения из учреждения в учреждение в течение жизни не могут не отражаться на способности выстраивать близкие отношения с окружающими людьми и процессах социального познания.

2.3 Социальное познание в подростковом возрасте

Эмпирические исследования социального познания в рамках модели социального и эмоционального интеллекта в подростковом возрасте

Обратимся к результатам исследований, выполненных в рамках модели социального и/или эмоционального интеллекта.

Большой цикл исследований, посвященных закономерностям развития социального интеллекта у детей и подростков, был проведен Л.А. Ясюковой и О.В. Белавиной и обобщен в монографии [87]. Отдельно хочется подчеркнуть, что авторами были проведены несколько лонгитюдных исследований детей и подростков (возраст 7-17 лет), основные результаты которых обобщены в монографии [87]. Мы подробнее остановимся на исследованиях социального интеллекта старших подростков и осветим общие выводы.

Под социальным интеллектом авторами понимается сформированная структура, с помощью которой для ребенка становится возможен анализ социальных ситуаций и адекватное поведенческое реагирование в них, понимание внутреннего состояния, намерений, особенностей, как других людей, так и своих собственных, что помогает выстраивать отношения с другими (как близкие, дружеские, так и формальные отношения в различных социальных ситуациях в социуме) [87].

Было показано, что в старшем подростковом возрасте (9 и 11 класс) показатель общего социального интеллекта и его компонентов возрастает [87]. Корреляционный анализ выявил положительную связь между уровнем

общего интеллекта и социальным интеллектом, как в 9, так и в 11 классе. Интересно, что единственный параметр социального интеллекта, не обнаруживший корреляционной связи с общим интеллектом – чтение пантомимики. К сожалению, хотя авторы пишут, что этот компонент обеспечивает «непосредственное близкое общение», они никак не объясняют этот феномен. На основании этих результатов авторы делают вывод о влиянии «общего когнитивного развития на становление социального интеллекта подростка».

В результате проведенных исследований авторы делают вывод о ведущей роли когнитивного развития и описывают этапы развития социального интеллекта в онтогенезе. Изначально коммуникативные навыки ребенка формируются вне интеллектуальной основы, на комплексе поведенческих стереотипов или свойств характера – применять термин «социальный интеллект» некорректно. Им еще недоступны задачи на коммуникативную тематику, потому что не сформировано понятийное мышление, хотя в реальной жизни они могут эффективно общаться. Этот период длится всю начальную школу - до 11-12 лет. Когда у подростка в полной мере сформированы операции понятийного мышления, возникает целостная интеллектуальная структура, которая, по мнению авторов, является основой для развития математических и лингвистических способностей и социального интеллекта. В случае слабого или среднего развития понятийного мышления, развитие социального интеллекта происходит на основе личного опыта взаимодействия с людьми – подросток не в состоянии объективно анализировать и обобщать информацию о людях и процессах коммуникации. В итоге формируется система представлений и мнений, а не собственно социальный интеллект. Таким образом, основные этапы выглядят так: 1) 7-9 лет – формирование коммуникативных навыков, оптимизирующих общение в ближайшем окружении; 2) 9-10 лет – первичное обобщение коммуникативного опыта на базе практического интеллекта; 3)

11-12 лет – расширение социального пространства, реорганизация представлений подростка о себе и мире, дестабилизация отношений с окружающими; 4) 12-14 лет – система социального взаимодействия начинает выстраиваться заново на той интеллектуальной основе, которая у него сформировалась.

Эмпирические исследования социального познания в рамках модели ТоМ

В рамках модели ТоМ для исследования уровня и особенностей развития способности к ментализации в зарубежных исследованиях широко используется тестовая методика «RMET» о которой мы уже упоминали.

Значительное количество исследований с использованием этой методики посвящено изучению развития способности к социальному познанию у детей группы нормы и детей с различными нарушениями психического развития. Например, изучалась способность к ментализации у детей с расстройствами аутистического спектра [100], с расстройствами шизофренического спектра [154] и были получены противоречивые результаты. Одна группа исследований доказала, что нормально развивающиеся дети и подростки лучше справляются с распознаванием эмоциональных состояний, чем их сверстники с расстройствами аутистического спектра [100]. В другом исследовании сравнение способности к пониманию эмоций, убеждений и намерений других людей у детей с аутизмом и детей условной нормы не обнаружило статистически значимых различий [175]. Также было показано, что дети с шизофренией и шизоаффективным расстройством выполняют тест «RMET» значительно хуже детей из контрольной группы [154]. Авторы делают вывод, что у детей с аутизмом развиваются базовые навыки ТоМ, однако, они не обобщают их, для использования в реальных ситуациях. Модель психического нормативно развивающихся детей развивается на основе приобретения собственного опыта, в то время как детей с расстройствами аутистического спектра

специально обучают распознавать ментальные состояния, но они не переносят эти навыки в реальную жизнь. Кроме того, тестовая ситуация дает ребенку время дать ответ через какое-то время, в то время как в реальной жизни требуется мгновенное реагирование на стимул [175].

Модель психического продолжает свое развитие на протяжении подросткового периода. В исследовании подростков трех возрастных групп: 10-12 лет, 14-16 лет и 19-23 лет было показано, что точность распознавания эмоциональных состояний увеличивается с возрастом [166]. Эти результаты согласуются с данными другого исследования, где обнаружили, что группа детей в возрасте 8-12 лет лучше распознает эмоции по фотографиям глаз по сравнению с группой детей 6-8 лет [100]. В другом исследовании изучали, является ли подростковый возраст периодом улучшения навыка распознавания эмоций. Выборку составили 67 детей и подростков (возраст 9-15 лет). Было показано, что с возрастом способность к распознаванию эмоций увеличивается. Отдельный анализ результатов выполнения теста «RMET» показал, что дети до 11 лет делают большее количество ошибок, чем дети старше 11 лет, что подтвердилось на статистическом уровне [199]. Дети раннего подросткового возраста, которые демонстрируют трудности поведения, хуже справляются с задачей на понимание эмоциональных состояний [188].

Исследования привязанности и ментализации у подростков показывают, что надежная привязанность связана с более развитой моделью психического [91], более точной ментализацией [141]. Исследование итальянских ученых было направлено на изучение связи между моделью психического и тревожно-избегающей привязанностью у подростков [143]. Выборку составили 402 подростка (234 мальчика и 168 девочек), которые были разделены на две возрастные группы: 14-16 лет и 17-19 лет. Для оценки модели психического использовалась версия теста «RMET», валидизированная на итальянской выборке. Для исследования привязанности

использовался тест Experiences in Close Relationships – Relationship Structures (ECR-RS), который позволяет оценить паттерны тревоги и избегания в отношении с матерью, отцом, друзьями и романтическим партнером, так же валидизированный на итальянской выборке. Тест представляет собой самоотчетный опросник, в котором нужно оценить степень согласия или несогласия с каждым пунктом по 7-бальной шкале. Оценка факторов пола и возраста на результаты выполнения теста на распознавание эмоций показала отдельное влияние пола (девочки справляются с заданием лучше, чем мальчики) и возраста (группа подростков 14-16 справлялась с заданием хуже, чем группа подростков 17-19 лет). Совокупного влияния факторов обнаружено не было. Было обнаружено, что снижение точности ментализации связано с тревогой, а не с избеганием, и что эта связь характерна для отношений с матерью у подростков 14-16 лет. Авторы объясняют данный результат возможной непоследовательностью в поведении матери, которая приводит к активации паттернов тревожной привязанности, усложняющих и затрудняющих процессы ментализации. Отсутствие подобной связи в более старшем возрасте (17-19 лет) может быть обусловлено появлением новых фигур привязанности, дающих новый социальный опыт, на который ориентируется подросток. Авторы подчеркивают важность разделения тревоги и избегания в поведении привязанности при изучении их связи с процессами ментализации [143].

Отечественные исследования развития модели психического у детей проведены под руководством Е.А. Сергиенко [67]. Была исследована возрастная динамика понимания обмана детьми от 5 до 11 лет [67], развитие понимания эмоций в дошкольном возрасте [58; 67], особенности понимания физического и ментального мира у детей в том числе, с расстройствами аутистического спектра [67]. В результате авторы выделяют уровни в развитии модели психического, которые демонстрируют ее постепенное усложнение. В 3-4 года представления о собственном психическом и

психическом другого человека у ребенка не дифференцированы, возможность прогнозировать последствия взаимодействия с окружающими затруднена и зависит от ситуации (уровень агента). В возрасте 5-6 лет происходит разделение ребенком собственной модели психического от модели психического другого человека (уровень наивного субъекта) [67]. Изучалось развитие феноменов модели психического с учетом социального фактора, а именно развития в условиях депривации [44]. Результаты будут изложены в соответствующем параграфе.

Эмпирические исследования социальной тревожности и способности к ментализации у детей и подростков

В современном обществе тревожные расстройства сильно распространены - показатель заболеваемости ими составляет около 16% [194]. Масштабное эпидемиологическое исследование (142405 респондентов в возрасте от 18 лет) показало, что распространенность социального тревожного расстройства («social anxiety disorder») во всех обследованных странах составляет 4% [194]. При этом в странах с высоким доходом распространенность выше (5,5%), чем в странах с низким и средним уровнем дохода (1,6%).

Большинство современных моделей носят интегративный характер, учитывающий ряд факторов, вносящих вклад в развитие социальной тревожности: биологические (генетические, нейрочувствительные), семейные (чрезмерный контроль, гиперопека, небезопасный стиль привязанности, родительская тревога), интерперсональные (виктимизация со стороны сверстников), травматические жизненные события (конфликты в семье, эмоциональное, физическое, сексуальное насилие), макросоциальные факторы (особенности культуры) [46; 212]. Тревожные люди проявляют предвзятость в обработке информации, сосредотачивая внимание на угрожающих стимулах и негативных оценках [97], интерпретируя неоднозначные стимулы как угрожающие [182].

Подростковый возраст является периодом уязвимости для возникновения расстройства: так, 50% случаев начала заболевания в среднем приходится на возраст 13-14 лет [194]. Показано, что с возрастом распространенность социальной тревожности увеличивается (6,3% в 13-14 лет, 9,6% в 15-16 лет, 10,4% в 17-18 лет) [110], что согласуется с данными более ранних исследований.

У социально-тревожных детей и подростков недостаточно сформированы социальные навыки, обнаруживается более высокий уровень эмоционального реагирования, дисфория, одиночество, общая боязливость [102]. Авторы отмечают высокую коморбидность социальной тревожности с другими психическими расстройствами [102;110;194]. Отрицательная интерпретация социальных ситуаций отмечается как клиническая особенность социально-тревожных подростков [155; 207].

В метаанализе, включающем в себя 43 исследования, рассматривался вопрос о связи социальной тревожности с плохим пониманием эмоций [172]. Была обнаружена сильная связь между клинически выраженной социальной тревогой и умением распознавать собственные чувства. В межличностном общении социальная тревожность была связана со снижением способности в распознавании сложных эмоций. Социально-тревожные подростки обладают более низкой способностью к децентрации при этом, наиболее низкий показатель связан с социальной тревожностью в середине подросткового возраста (14-16,5 лет) [176].

Дети с тревожными расстройствами с трудом справляются с грустными и гневными переживаниями, описывают эти эмоции как очень интенсивные и не уверены в том, что способны снизить их интенсивность. Показано так же, что дети с тревожными расстройствами, в частности с социальной тревожностью, используют менее адаптивные стратегии регуляции эмоций по сравнению с детьми из контрольной группы, при этом различий между группами родителей этих детей в плане эмоционального регулирования

выявлено не было [145]. Показано, что дети с высоким уровнем тревоги фиксируют больше внимания на гневных, сердитых выражениях лица [206]. Целью одного из масштабных метааналитических обзоров являлся поиск связей между тревогой у детей и подростков и эмоциональной компетентностью [162]. В результате анализа 185 исследований было выявлено, что тревожные дети и подростки менее эффективны в выражении и понимании эмоций, менее осведомлены и восприимчивы к собственным эмоциям, сообщают о низкой эмоциональной самоэффективности. В качестве стратегий совладания чаще используют поиск поддержки, избегание, экстернализацию и неадаптивное когнитивное преодоление.

Оценивалась способность распознавания эмоций по лицу у подростков [211]. Авторы предположили, что способность к распознаванию страха будет коррелировать с высокими показателями социальной тревожности. Выборку составили 64 подростка от 12 до 17 лет (43 девочки и 21 мальчик). Уровень социальной тревожности оценивался с помощью шкалы социальной тревоги Liebowitz. Способность к распознаванию эмоций исследовалась с помощью набора изображений. Отличительной особенностью данного исследования являлся набор стимулов - эмоции изображали не взрослые люди, а дети и подростки. Различий по полу по уровню социальной тревожности обнаружено не было. Девочки более точно распознавали эмоцию гнева (92,58% верных ответов против 88,28% у мальчиков). Социально-тревожные подростки в соответствии с гипотезой авторов хуже распознавали эмоцию страха (точность 90,55%) по сравнению со своими менее тревожными сверстниками (точность 96%). Также они часто интерпретировали как испуганные нейтральные (30,65%) и грустные (16,13%) лица, что сильно отличает их ответы от ответов подростков с низким уровнем социальной тревожности. Для других эмоций никаких различий больше получено не было.

Были найдены различия по полу, показывающие, что девочки с высокой социальной тревожностью хуже справлялись с распознаванием стимулов, изображающих страх, чем девочки с низким уровнем социальной тревожности. При этом девочки с высоким уровнем социальной тревожности чаще склонны оценивать как испуганные нейтральные лица, а девочки с низким уровнем, чаще приписывают эмоцию страха печальным изображениям. Среди мальчиков подобных различий обнаружено не было, авторы предполагают, что это может быть связано с маленьким размером выборки. Авторы используют это различие в качестве одного из возможных механизмов развития тревоги в подростковом возрасте. Неправильное восприятие стимулов, их неверная интерпретация может приводить к негативным социальным взаимодействиям и, тем самым, усиливать страх и использовать избегание в качестве копинга. Эти результаты согласуются с другим исследованием, в котором было показано, что подростки, у которых в детстве была диагностирована тревога, особенно социальная, имеют большую чувствительность к распознаванию страха, и идентифицируют большой диапазон изображений негативных эмоций, как страх [181].

В исследовании, где респонденту требовалось распознать эмоциональное состояние анимированного персонажа, не было обнаружено различий между мальчиками и девочками в неклинической выборке [153]. В клинической выборке единственное различие обнаружилось при идентификации чувства отвращения: девочки справлялись с задачей хуже, чем мальчики, часто распознавая его как «гнев». Авторы делают вывод, что гендер играет минимальную роль в распознавании эмоций.

Подростки с социальной фобией имеют меньше навыков в распознавании эмоций, изображенных на фотографиях лиц, по сравнению с подростками без расстройства. Кроме этого, подростки из экспериментальной группы сообщали о большем уровне тревоге по

завершению теста, чем их сверстники из контрольной группы. Наиболее выражен дефицит при распознавании счастья, печали и отвращения [190].

Стоит сказать несколько слов о связях социальной тревожности с нарушениями эмоциональной сферы, самооценки, а также о некоторых факторах социальной тревожности.

Высокий уровень социальной тревожности сказывается на самовосприятии подростков, снижает самооценку. Показано, что подростки с социальной тревожностью склонны к негативному восприятию своих отношений, как со сверстниками своего пола, так и противоположного, считают себя менее привлекательными, низко оценивают свои учебные достижения [117]. Социально-тревожные подростки реже воспринимаются как равные партнеры по общению, они менее предпочитаемы в группе сверстников и чаще становятся жертвами буллинга [126], как в живом общении, так и онлайн [134]. Негативная самооценка и негативное самовосприятие могут рассматриваться в качестве личностных факторов социальной тревожности, так как играют значимую роль в возникновении и сохранении ее симптомов [118].

Опыт плохого обращения и эмоционального пренебрежения в детском возрасте приводит к снижению уровня гормона окситоцина, формированию небезопасного типа привязанности, что приводит к трудностям социального функционирования во взрослом возрасте – страху и избеганию социальных ситуаций [168; 170]. Взрослые с опытом жестокого обращения, полученного в приемных семьях, демонстрировали более высокие показатели распространенности психических расстройств, в том числе тревожных [156].

Семейные факторы, среди которых родительский сверхконтроль [133], отвержение со стороны родителей [128; 154], критика и сравнение с другими со стороны родителей [49], тревожное расстройство у родителей [187] оказывают значительное влияние и повышают риск возникновения симптомов социальной тревожности у детей и подростков. В некоторых

исследованиях [127; 135] была получена связь между симптомами социальной тревожности, эмоциональным насилием со стороны родителей и виктимизацией со стороны сверстников. Например, в исследовании подростков (N=225; возраст 12-13 лет) показано, что эмоциональное насилие является фактором риска для возникновения симптомов депрессии и тревоги, и в частности выступает предиктором социальной тревоги. Подчеркивается, что искажения обработки информации (отрицательная оценка социальных сигналов, руминирование, зависимость самооценки от внешней оценки), так же связаны с социальной тревогой, снижают развитие социальной компетентности, регуляции эмоций и устойчивости самооценки.

Результаты сравнения клинической (102 человека) и неклинической выборки (30 человек) показали, что эмоциональное насилие и пренебрежение связаны с симптомами социального тревожного расстройства, в то время как с сексуальным насилием, физическим насилием или физическим пренебрежением подобных связей получено не было [148]. Подобный результат был получен в других исследованиях [106;170; 198]. Взрослые пациенты с тревожным расстройством, в отличие от группы условной нормы, чаще сообщали о травматическом детском опыте, при этом разлука с родителями и развод родителей оказались наиболее сильно связаны с социальной фобией [96]. При этом не удалось выделить определенный возрастной период (в диапазоне 0 до 15 лет), который был бы наиболее восприимчив к факторам риска в виде травматических событий [96].

На интерперсональном уровне большой вклад в развитие социальной тревожности вносит низкий уровень (или полное отсутствие) поддержки, признания со стороны окружающих, низкое качество дружбы в подростковом возрасте [128]. Поддержка родителей и сверстников, напротив, способствует снижению социальной тревожности и чувства одиночества в раннем подростковом возрасте [113].

Эмпирические исследования социальной тревожности и типа привязанности у детей и подростков

Исследования подтверждают, что в как детском и подростковом, так и во взрослом возрасте тип привязанности связан с показателями социальной тревожности [108; 160]. Показано, что наиболее сильно социальная тревожность связана с избегающим [160] и дезорганизованным типами привязанности [146]. Ненадежная привязанность в младенческом возрасте связана со сложностью в регулировании эмоций в дошкольном возрасте, прогнозирует формирование трудностей во взаимоотношениях в детском возрасте, что, в свою очередь, прогнозирует возникновение симптомов тревоги в подростковом возрасте [105].

Кроме того, подтвердилась гипотеза о связи избегающего типа привязанности с социальной ангедонией у взрослых людей условной нормы – для оценки использовались самоотчетные шкалы [202]. При этом не было обнаружено связей социальной ангедонии с полом, возрастом или настроением испытуемых на момент обследования.

Изучалась связь типа привязанности с тремя аспектами социальной тревожности: страхом в новых социальных ситуациях, страхом получения негативной оценки и общей обеспокоенностью в социальных ситуациях у детей (сначала в 9 лет, а затем в 11 лет). Оказалось, что амбивалентная привязанность связана со страхом в новых социальных ситуациях и общей социальной тревогой, но не со страхом получения негативной оценки [107]. Другое исследование подтверждает эти данные: обнаружено, что амбивалентный тип привязанности наиболее связан со всеми компонентами социальной тревоги в детском возрасте [107]. Интересно, что у взрослых пациентов с тревожными расстройствами чаще выявлялись амбивалентные паттерны взаимоотношений с другими [80].

У младенцев с помощью классической процедуры «Странная ситуация» оценивалась привязанность. Дальнейшее исследование показало,

что к 11 годам наиболее социально-тревожными оказались те мальчики, у которых сформировалась привязанность амбивалентного типа [97]. Дети с избегающим типом привязанности, испытывают меньше социальной тревоги в незнакомых социальных ситуациях. Авторы предполагают, что это происходит в том случае, если новая социальная ситуация не предполагает построения близких отношений, и в ситуациях, где речь идет о построении дружеских или романтических отношений, социальная тревога при избегающем типе привязанности возрастает.

2.4 Социальное познание у детей и подростков, оставшихся без попечения родителей

В главе 1 было показано, что взаимодействие с близкими взрослыми в младенческом возрасте, личностно-ориентированное общение, теплый эмоциональный контакт – необходимые составляющие для психического развития ребенка. При отсутствии такого контакта положительное самоощущение, субъектность образа-Я, открытость к людям не формируются, искажается дальнейшее развитие отношения к себе [1]. Маленький опыт совместно разделенных со взрослым эмоциональных переживаний и отсутствие вербализации этого опыта приводят к задержке развития эмоциональной сферы [23]. Подробное изучение механизмов развития эмоциональной сферы у детей раннего возраста проведено исследователями под руководством Р. Ж. Мухамедрахимова [42], где также подчеркивается значимость близких отношений с ухаживающим взрослым и качество привязанности.

Дети и подростки, изъятые из кровных семей (социальные сироты), попадают в учреждение в связи с невыполнением родителями своих обязанностей. Подавляющее большинство этих детей имеют опыт жестокого обращения: пренебрежение со стороны родителей, психологическое, физическое или сексуальное насилие, отсутствие надлежащей заботы.

Важная составляющая идентичности – ощущение себя нужным и важным для других людей, вызывающим у другого человека желание заботиться, проявлять интерес. Опыт эмоционального насилия и пренебрежения может приводить к формированию обратного ощущения, способствовать возникновению чувства незначительности и ненужности для других людей, такое ощущение себя опосредует одиночество и социальную тревожность [129].

В зарубежной литературе не так много исследований, посвященных непосредственно детям-сиротам в связи с качественно иной системой организации дальнейшего жизнеустройства изъятых из кровных семей детей. Однако большое количество зарубежных исследований посвящено детям и подросткам с опытом жестокого обращения. Дети и подростки ОБПР, часто имеют опыт жестокого обращения в кровной семье, что часто и бывает причиной изъятия ребенка из семьи. Поэтому обзор исследований о связи социального познания с перенесенным жестоким обращением здесь уместен. Опыт жестокого обращения приводит к задержке развития модели психического, такие дети испытывают больше трудностей при распознавании эмоций [161; 176]. Нейробиологические исследования показывают, что у детей с опытом раннего пренебрежения в ответ на предъявляемые стимулы с испуганными, гневными и грустными выражениями лица сильнее активируется миндалины, по сравнению с детьми, не имеющими подобного опыта [200].

V. Doretto и S. Scivoletto [122] проанализировав 12 исследований показали, что опыт пренебрежения в раннем возрасте способствует изменениям при восприятии эмоциональных выражений, результаты согласуются с обзором, проведенным G. C. da Silva Ferreira с коллегами [116].

Например, 80 дошкольников, подвергшихся жестокому обращению, были обследованы с помощью методики, в которой требовалось придумать

конец истории, облегчающий чьи-то страдания. В результате выявлены нарушения социального познания [157].

Сравнивалась способность к ментализации у дошкольников с опытом жестокого обращения, живущих в приемной семье (N=60), с их сверстниками без подобного опыта, проживающих в биологических семьях с низким доходом (N=31). Дети из приемных семей хуже понимали эмоции и обладали менее развитой моделью психического. Связей между продолжительностью пребывания в приемной семье, количеством переходов из семьи в семью, ментализацией и моделью психического обнаружено не было.

Дети, проживающие в учреждениях, в большей степени фокусируют внимание на гневном выражении лица, в то время как дети, помещенные в приемные семьи в раннем возрасте, больше фиксируются на счастливых лицах [203].

В исследовании, проведенном в Индии, сравнивался эмоциональный интеллект и способность к принятию решений у детей, воспитывающихся в детских домах (N=100), и детей, проживающих в кровных семьях (N=100). У детей-сирот были обнаружены более низкие показатели, как эмоционального интеллекта, так и способности принятия решений [180].

Дети, проживающие в учреждениях, обнаруживают дефицит в распознавании эмоций [104], особенно эмоции «счастье».

В статье коллективной монографии Е.А. Сергиенко [55] подробно рассматривает проблему последствий проживания в институциональной системе на развитие социального познания, делая обзор и приводя результаты собственных исследований. Например, в диссертационном исследовании, выполненном под руководством Е.А. Сергиенко, А.В. Найденова изучала модель психического и ее компоненты (распознавание обмана и эмоций) у детей-сирот [44]. Исследование проводилось в 3 этапа, всего было обследовано 89 воспитанников детских домов и домов ребенка возраста 5-9 лет (с опытом жизни в семье и попаданием в учреждение в

возрасте до 6 лет). Выборки детей-сирот сравнивались с контрольными группами детей, воспитывающихся в семьях. В результате исследования у детей-сирот был обнаружен дефицит в области понимания обмана и эмоций [44].

Дети-сироты (возраст – 9 лет) хуже распознавали обман (в области знаний, намерений и сложных эмоций), затруднялись при выделении его признаков. Им труднее дается понимание намерений другого человека. Однако обман относительно основных эмоций (радости, гнева, страха, печали) дети-сироты распознавали лучше, что объясняется специфическим сформировавшимся механизмом адаптации в условиях учреждения.

Понимание эмоций детьми-сиротами 5-6 лет характеризуется дефицитом представлений о том, что чувствуют другие люди (особенно в отношении страха и печали), затруднении в понимании ситуаций, в которых рассогласованы содержание и изображаемая эмоция. Они испытывали больше трудностей при распознавании страха, а также причинах возникновения страха и печали. Гнев им удавалось распознать на наглядном материале, а не на уровне словесного описания ситуаций. В рисуночном изображении радости, гнева, страха и печали также были выявлены особенности: более низкое качество рисунков, преобладание символических изображений, несоответствие изображенной мимики обозначаемой эмоции. Дети-сироты реже обращались к изображению человека. В случае изображения своих эмоций, человек как носитель эмоции появляется при изображении радости и гнева, при этом адекватная мимика нарисована только для гнева. В случае изображения эмоций других людей рисунок человека так же возникал при изображении гнева, но нарисованная мимика была неадекватна эмоции. Сопровождавшие рисунки рассказы отличались бедностью и дефицитом понимания психического другого человека.

Исследования показывают, что дети-сироты, которые никогда не проживали в семье, характеризуются более бедным эмоциональным

словарем и затрудняются вербализировать свой эмоциональный опыт, показатели эмпатии и сочувствия снижены [41], способность к ментализации отличается существенным недоразвитием [82]. Так, этой группе детей оказалось недоступно понимание сложных эмоций, а половина испытуемых затруднились идентифицировать базовые [82]. По сравнению со сверстниками из семей, у детей-сирот, которые с рождения проживают в учреждении, способность к распознаванию, дифференциации и пониманию эмоций значительно ниже [41]. Эти результаты согласуются с проведенными ранее исследованиями.

Для детей-сирот характерно фрагментарное понимание моделей физического и психического мира, что может объяснять трудности в социальном взаимодействии и стремление избегать социальных контактов.

Таким образом, у детей-сирот позже начинается переход от стадии агента к стадии наивного субъекта (стадии, когда ребенок способен отделять психическое другого человека от своего собственного), даже к 8-9 годам этот переход не достигается. Авторы делают вывод о дефицитности модели психического у дошкольников-сирот, отводя важную роль в становлении этой способности семейному опыту [67].

В одном из исследований показано, что подростки с девиантным поведением (ученики специализированной школы, группа риска общеобразовательной школы), отличаются более низкими показателями эмоционального интеллекта, по сравнению со своими сверстниками из общеобразовательной школы без склонности к девиантному поведению [16].

В другом исследовании изучался социальный интеллект учеников специализированной школы с помощью теста Дж. Гилфорда [19]. Подростки с девиантным поведением (среди которых были так же подростки-сироты) испытывают трудности в понимании и анализе ситуаций межличностного взаимодействия, прогнозировании последствий поступков, невербальном содержании взаимодействия, верной трактовке вербальных сообщений в

зависимости от контекста. Автор объясняет низкий уровень социального интеллекта исходя из социальной ситуации – неблагоприятная семейная обстановка, отсутствие адекватной заботы и методов воспитания, асоциальные группы сверстников; дефициты в адекватном социальном взаимодействии, в свою очередь приводят к девиантному поведению.

В рамках исследования старших подростков (15-17 лет), проживающих в семьях, детских домах и школах-интернатах, было показано, что более высокие показатели эмоционального и социального интеллекта характерны для старшеклассников из семей [20]. Подростки со статусом сирот хуже идентифицируют, понимают и управляют эмоциями. Интересно, что по уровню эмпатии у воспитанников школы-интерната и подростков из семей не было выявлено статистических различий. Авторы предполагают, что это является компенсаторной способностью: при трудностях понимания и анализа поступков людей, умения прогнозировать, опоры на невербальное общение, подростки из школ-интернатов предпочитают доверять своей интуиции, личным впечатлениям при взаимодействии с окружающими. При этом наиболее низкие показатели (в том числе эмпатии) были обнаружены у воспитанников детского дома. Эти подростки испытывают трудности в понимании, восприятии, обозначении, идентификации эмоций (как своих, так и чужих); обладают более низкими способностями к улавливанию общего настроения и сопереживанию. Основные защитные механизмы, которые используют подростки этой группы – отрицание, реактивные образования, интеллектуализация (рационализация) – приводят к искажению и ложной интерпретации поступающей извне информации, препятствуют адекватной оценке ситуации.

Таким образом, исследований специфики социального познания у подростков-сирот очень мало, а те, что имеются, преимущественно посвящены исследованиям эмоционального интеллекта. Поэтому остается

актуальной задачей исследовать социальное познание у подростков-сирот как многоаспектный и многофакторный феномен.

2.5 Коррекция нарушений социального познания

Формирование надежной привязанности как основа профилактики нарушений социального познания

Надежная привязанность является основой эмоционального развития детей, а в более взрослом возрасте позволяет выстраивать поведение, способствующее благоприятной адаптации в социуме, построению здоровых взаимоотношений с окружающими. Как уже упоминалось в Главе 1, развитие в условиях материнской депривации приводит к неблагоприятным последствиям, в частности к формированию ненадежных форм привязанности. Исследования обнаруживают связь ненадежной привязанности с различными психическими нарушениями, нарушениями развития, адаптации, нарушениями в построении близких отношений с окружающими людьми не только у детей и подростков, но и у взрослых [131;167]. У подростков с ненадежной привязанностью часто выявляются симптомы депрессии и поведенческие проблемы [153], а надежная привязанность выступает в качестве предохранительного фактора против развития тревожных и депрессивных расстройств, симптомов диссоциации, антиобщественного поведения [123]. Привязанность связана со способностью к социальному познанию. Надежная привязанность позволяет ребенку ощущать себя комфортно и безопасно, что в дальнейшем становится основой для развития социальной компетентности и уверенности в себе [196], связана с лучшей саморегуляцией и лучшим пониманием своего состояния, с большей устойчивостью переносить трудные жизненные обстоятельства [103]. Дети с надежной привязанностью лучше понимают и регулируют свое эмоциональное состояние, лучше понимают, в каком

эмоциональном состоянии находится другой человек, [184], лучше понимают амбивалентные эмоции и отношение человека к какому-либо событию, лучше понимают нравственный компонент в эмоциональном опыте [136]. Развитию надежной привязанности и способности к социальному познанию способствует взаимодействие, при котором родитель или взрослый, его заменяющий, в достаточной степени сосредоточен на потребностях ребенка, внимателен к эмоциональной сфере (как своей, так и ребенка), умеет делиться переживаниями, но при этом сохраняет баланс и не становится сверхвключенным, тревожно контролируя и анализируя каждое движение ребенка [137; 171].

Существует большое количество терапевтических и профилактических программ по формированию здоровой родительской позиции. Анализ эффективности программ по развитию привязанности проводился Wright В. и Edginton Е. [212]. Положительное влияние на развитие надежной привязанности у детей оказывали программы, направленные на психотерапевтическую работу с проблемами родителей, развитие эмоциональной саморегуляции родителей, развитие чуткости и умения адекватно понимать сигналы ребенка, умения сотрудничать с ребенком.

Большинство программ направлены на родителей детей раннего возраста, но также есть программы для родителей детей и подростков, в которых в качестве целей ставятся развитие социальных навыков, способности к социальному познанию. Например, в программе SOSTRA, где группы родителей проходят параллельно с группами для детей. Способность к пониманию своего состояния и состояния других людей развивается более успешно, когда дети участвуют вместе с родителями, сотрудничая с ними в выполнении заданий. Aram с соавторами [92] показали, что совместное чтение с детьми книг и их последующее обсуждение с использованием терминов, описывающих ментальные состояния (психическое состояние

героев, причины поступков героев и др.) способствует развитию социального познания у дошкольников.

Коррекция нарушений привязанности у детей-сирот

Как уже было показано, дети-сироты, находятся в зоне наибольшего риска по развитию ненадежных форм привязанности. Считается, что чем в более раннем возрасте ребенок будет помещен в замещающую семью, тем больше будет шансов на формирование надежной привязанности, при условии правильного поведения приемных родителей. Van den Dries с соавторами [204] сделали вывод, что дети, принятые в замещающую семью в новорожденном или младенческом возрасте, формируют надежную привязанность к приемным родителям, а дети, помещенные в приемную семью в более позднем возрасте, демонстрировали более нарушенную привязанность. Тем не менее, другие исследования говорят, что помещение в семью в более позднем возрасте может способствовать формированию надежной привязанности. Например, часть обследованных детей дошкольного возраста сформировали надежную привязанность, в течение года проживания в приемной семье [150]. Сабельникова Н.В. [64] обследовав детей и подростков, воспитывающихся в замещающих семьях, обнаружила, что большая часть детей и подростков сформировали надежную привязанность к приемным родителям, а они, в свою очередь, имели позитивный образ приемного ребенка.

Успешность адаптации ребенка к приемной семье и формирование надежной привязанности неразрывно связаны с готовностью и пониманием приемными родителями особенностей детей-сирот. Таким образом, психологическое сопровождение необходимо на всех этапах: подготовка будущих приемных родителей, знакомство с ребенком, переход и адаптация ребенка в новой семье. В нашей стране обучение будущих приемных семей проходит в формате прохождения специального курса школы приемных родителей (ШПР) и является обязательным условием для получения

заклучения о возможности принять ребенка в свою семью. К сожалению, стандартной государственной программой не предусмотрена индивидуальная психотерапевтическая работа кандидатов над собственным детским опытом, что несет за собой большое количество рисков по вторичному возврату ребенка-сироты в учреждение. Умение отслеживать собственные чувства и эмоциональная саморегуляция особенно необходимы для воспитания детей-сирот. Некоторые авторы в качестве важных критериев отбора будущих приемных родителей выделяют способность к ментализации, конструктивную переработку собственных потерь и психологических травм [205]. Британская комплексная программа помощи травмированным детям-сиротам предусматривает занятия по развитию рефлексии и преодолению эмоциональных нарушений у потенциальных приемных родителей [21]. На этапе сопровождения приемной семьи свою эффективность показывают программы, которые направлены на обсуждение актуального опыта жизни с приемным ребенком, обучение конструктивным родительским стратегиям, повышение родительской уверенности. Показано, что формированию надежной привязанности способствует авторитетный стиль воспитания [150], использование которого возможно, если родитель понимает поведение ребенка и его эмоциональное состояние. Приемные дети часто демонстрируют привычные формы поведения, которые помогли им выжить в кровной семье и закрепились у детей в качестве «эффективных». Приемным родителям требуется хорошо знать историю жизни ребенка, понимать о последствиях и влиянии травматического опыта, чтобы быть чутким и принимающим, что позволит помочь ребенку выработать новые приемлемые и адаптивные стратегии поведения, способствующие формированию надежной привязанности [93].

Программы, направленные на развитие социального познания у детей и подростков

Коррекция привязанности – не единственный способ развития способности к социальному познанию. Разработано большое количество программ для детей и подростков, направленных на развитие социального познания, которые в более традиционном варианте называются тренингами социальной компетентности или тренингами социальных навыков. Варианты таких программ, разработанных практическими психологами можно найти на тематических порталах (например, [22]). Несмотря на богатство выбора, сложно обнаружить комплексные программы социального познания, базирующиеся на конкретных теоретических моделях и апробированные на тех или иных группах детей и подростков. Поиск программ, ориентированных на детей-сирот чаще всего приводит к описаниям тренингов, направленных на социальную адаптацию в грядущей самостоятельной жизни.

Программы развития социальной компетентности в некоторых странах внедрены в структуру школьного обучения, поскольку помогают повысить социальную и эмоциональную компетентность, которые затем влияют на повышение успеваемости. Так, А. М. Aviles с соавторами [94] подчеркивают, что эмоциональные трудности детей и подростков обусловленные множеством факторов (среди которых проживание в неблагополучной семье, опыт насилия, подключение к ситуации социальных служб), не исчезают, когда ребенок переступает порог школы, поэтому подобные программы внутри школьного процесса доказывают свою эффективность и способствуют сохранению психического здоровья учащихся. Широкое распространение получила программа SEL (Social and emotional learning), развивающая навыки самосознания, управления эмоциями, эмпатии и межличностного общения, которая внедрена во многих школах США и показала свою эффективность. Программу проводят школьные учителя, прошедшие подготовку. География программы обширна и включает не только США, но и многие европейские страны, а также Бразилию и Японию.

Существуют отечественные комплексные программы развития социального познания. На основе теоретических представлений об эмоциональном интеллекте и модели психического коллективом авторов под руководством Е.А. Сергиенко [68] была разработана программа «Социально-эмоционального развития детей и подростков», направленная на развитие понимания социального мира. Она разработана для каждого возрастного периода, начиная с дошкольного возраста (4-7 лет), заканчивая старшим подростковым (15-17 лет), что подчеркивает ее уникальность, поскольку чаще всего отечественные программы не рассчитаны на такой широкий возрастной диапазон. Теоретическая и практическая части для каждого блока включают 5 разделов: «Восприятие и понимание эмоций», «Понимание ментальных состояний», «Понимание неверных мнений», «Понимание морально-нравственных правил и норм», «Социальные взаимодействия» [68], которые последовательно изучаются в течение учебного года. Практическая часть включает в себя большое количество наглядных материалов, в том числе специальную рабочую тетрадь для участников. Практические занятия включают в себя и совместные обсуждения (например, прочитанного стихотворения или рассказа с акцентом на эмоциональном состоянии героев), совместных игр (например, настольная игра с фотографиями людей, демонстрирующих разные эмоциональные состояния), творческих заданий (нарисовать эмоцию), совместных упражнений (например, изобразить эмоцию, чтобы другие ее отгадывали) и т.д. Отдельный интерес вызывают материалы для родительских собраний. Программа носит системный характер, включающий в себя всех участников образовательного процесса, поскольку авторами разработаны как материалы для учителей и детей/подростков-участников, так и для родителей. Важно отметить, что помимо разработки оригинальной программы, авторы уделяют внимание анализу отечественных и зарубежных программ, среди которых «Тропинка к своему Я» О.В. Хухлаевой, «Я, ты, мы» О. Л. Князевой, уже упомянутая

программа SEO, британская программа PATHS и программа MindUp, разработанная в США.

Подростки-сироты входят в группу риска по развитию эмоционального неблагополучия, как было описано в Главе 1. Подростки с нарушенной привязанностью и негативным прошлым опытом демонстрируют пограничные черты, такие как импульсивность, трудности саморегуляции, самоповреждающее и суицидальное поведение, что во многом связано со сниженной способностью к пониманию собственного эмоционального состояния. По мнению Р. Fonagy [130] трудности ментализации лежат в основе пограничного расстройства личности, выраженность которого в последние годы высока. Показано, что родители, чьи дети были отобраны из семей в связи с жестоким обращением, демонстрировали черты пограничного расстройства и дефицит эмоциональной регуляции [140]. Эффективным методом лечения пограничной патологии у взрослых является ДВТ (диалектическая поведенческая терапия). Рабочие протоколы подхода были адаптированы для работы с детьми и подростками и направлены на развитие социального познания [174]. Основные цели тренинга сфокусированы на развитии 4 групп навыков: осознанность, повышение толерантности к стрессу, эмоциональная регуляция, межличностная эффективность. Программа включает большое количество наглядных материалов, практических упражнений, ролевых игр, просмотр видеосюжетов. Продолжительность тренинга составляет 6 недель, в течении которых участники 2 раза в неделю посещают очные занятия, а также выполняют домашние задания. Далее авторами были разработаны рекомендации для родителей, направленные на создание благоприятной среды и способствующие реальному использованию детьми полученных в ходе занятий навыков. Важно отметить, что ДВТ-подход эффективен не только в профилактических целях, но в первую очередь как метод помощи подросткам с самоповреждающим и суицидальным поведением [165].

Таким образом, несмотря на внушительное количество программ коррекции и развития социального познания обнаруживается дефицит разработок, направленных на группу детей и подростков-сирот, учитывающих наличие их травматического опыта, специфику проживания в учреждениях.

Выводы к главе 2

1. Социальное познание – многомерный конструкт, описывающий способность к пониманию своего и чужого психического состояния (в том числе эмоций, мотивов, действий других людей). Существует большое количество моделей социального познания, каждая из которых рассматривает этот конструкт по-своему. Модель переработки социальной информации (SIP), модель психического (ТоМ), модель социального интеллекта являются наиболее разработанными и влиятельными.

2. Многофакторная модель социального познания включает в себя 4 компонента: мотивационный, рефлексивный, операциональный и поведенческий. С точки зрения многофакторной модели на развитие социального познания и его нарушений влияют макросоциальные, семейные, личностные и интерперсональные факторы. Социальная тревожность рассматривается в рамках мотивационного компонента. Повышение уровня социальной тревожности и снижение удовольствия от общения (социальная ангедония) отражают меньшую направленность на окружающих, которая оценивается как негативная социальная мотивация общения.

3. Социальная тревожность существенно снижает качество жизни, особенно в сфере межличностных отношений и ситуациях социального взаимодействия. Распространенность социального тревожного расстройства в мире высока, при этом, чаще всего начало заболевания приходится на подростковый возраст (в среднем 13-14 лет). Социальная тревожность у

детей и подростков связана с трудностями распознавания, регуляции и выражения эмоций, более низкой способностью к децентрации.

4. Привязанность рассматривается в качестве фундамента развития социального познания в онтогенезе. Более развитая способность к ментализации связана с надежным типом привязанности. С социальной тревожностью связан ненадежный тип привязанности. Во многих исследованиях показано, что амбивалентный тип привязанности связан со всеми компонентами социальной тревоги, часть исследований обнаруживает связь с избегающим типом привязанности.

5. Дети с опытом жестокого обращения демонстрируют нарушения в развитии социального познания, испытывают трудности в распознавании эмоций, обладают менее развитой моделью психического. Травматический опыт, в частности эмоциональное насилие и эмоциональное пренебрежение в детском возрасте связано с высоким уровнем социальной тревожности во взрослом возрасте.

6. Исследования детей-сирот обнаруживают дефицит в области распознавания эмоций, обмана, понимания чувств и намерений других людей. Идентификация, понимание и управление эмоциями дается им хуже, чем сверстникам из семей. Исследований специфики социального познания у подростков-сирот очень мало, поэтому остается актуальной задача исследовать социальное познание у подростков-сирот как многоаспектный и многофакторный феномен.

7. Существует большое количество коррекционных программ, направленных на коррекцию и развитие социального познания. Тем не менее, обнаруживается дефицит разработок, ориентированных на группу детей и подростков-сирот.

ГЛАВА 3. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ У ПОДРОСТКОВ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ И ПОДРОСТКОВ ИЗ ПРИЕМНЫХ И КРОВНЫХ СЕМЕЙ

3.1 Задачи, гипотезы и организация исследования

Задачи исследования

1. Провести анализ теоретических и эмпирических работ, посвященных социальному познанию и его нарушениям у подростков ОБПР.
2. Опираясь на проведенный анализ теоретических и эмпирических данных продумать программу и сформировать комплект методик для эмпирического исследования социального познания у подростков ОБПР и подростков из приемных и кровных семей.
3. Исследовать компоненты социального познания у подростков ОБПР, и их связь друг с другом, а также с эмоциональной дезадаптацией в виде симптомов депрессии и тревоги.
4. Исследовать и сравнить уровень развития компонентов социального познания с учетом типа привязанности у подростков ОБПР и подростков из приемных и кровных семей.
5. Исследовать связь факторов, определяющих социальную и межличностную ситуацию развития, с уровнем развития различных компонентов социального познания у подростков ОБПР.
6. Обсудить полученные результаты и сформулировать выводы и практические рекомендации по результатам исследования.

Часть исследователей [26] рассматривает социальную ситуацию подростков ОБПР, как особую и связывает с этим ряд психологических характеристик, отличающих эту группу от сверстников, воспитывающихся в

семье. Привязанность определяет качество отношений с окружающими. Показано, что у детей-сирот чаще формируются ненадежные типы привязанности [2; 6; 51]. Однако исследований привязанности у подростков-сирот нами обнаружено не было. Многочисленные исследования показывают, что подростковый возраст является периодом активного развития социального познания [124;130; 152]. Показано, что у сирот, в отличие от детей из семей, обнаруживается больший дефицит распознавания эмоций других людей [44]. Дети и подростки с опытом жестокого обращения испытывают больше трудностей ментализации [149], обладают более выраженными симптомами тревоги [168; 170], в частности, у них выше уровень социальной тревоги [135]. Ненадежная привязанность связана с развитием способности к ментализации [91; 141; 143], социальной тревожностью [107; 160]. При этом выявлен дефицит исследований компонентов социального познания у подростков ОБПР, хотя практика подтверждает влияние способности к социальному познанию на качество социальной адаптации подростков. Таким образом, на основании анализа предыдущих исследований нами были выдвинуты гипотезы:

Основная гипотеза исследования: уровень развития социального познания, включая три его компонента (способность к ментализации и децентрации, а также социальную мотивацию) ниже у подростков ОБПР, чем у подростков из приемных и кровных семей, что связано с неблагоприятными факторами, определяющими социальную и межличностную ситуацию развития подростков-сирот.

Частные гипотезы:

1. У подростков ОБПР ниже способность к пониманию психического состояния других людей (ментализация), они меньше способны к осознанной смене позиции (децентрация), у них более выражена негативная социальная мотивация. Все указанные компоненты социального познания связаны между собой.

2. Тип привязанности взаимосвязан со способностью к ментализации и децентрации, а также с социальной мотивацией подростков ОБПР.

3. Выраженность симптомов эмоционального неблагополучия у подростков ОБПР и подростков из приемных и кровных семей связана с показателями социального познания.

4. Такие неблагоприятные факторы социальной и межличностной ситуации развития, как отсутствие опыта жизни в семье, возраст изъятия из семьи, опыт возвращения из приемной семьи, длительность проживания в учреждении, количество перемещений из учреждения в учреждение связаны с дефицитом развития социального познания у подростков ОБПР.

3.2 Характеристика методического комплекса и обследованных групп

Для реализации эмпирического исследования был сформирован пакет методик, отвечающий задачам и позволяющий проверить выдвинутые гипотезы. Чтобы обеспечить большую надежность результатов, мы использовали как экспериментальные, так и опросниковые методики.

Для исследования основных компонентов социального познания применялись:

I. Операциональный компонент (ментализация) исследовался с помощью следующих методик:

1) *Методика «Чтение психического состояния по глазам» (The Reading the Mind In the Eyes (Child Version))», автор S. Baron-Cohen [99]* (краткое название Тест «RMET»). Версия для подростков включает в себя 28 карточек-фотографий. На фотографии (мужчины или женщины) продемонстрирована только часть лица. Прямоугольное изображение ограничено только глазами, а вокруг расположены 4 возможных варианта ответа, из которых только один является верным, а остальные три не

противоречат по смысловой окраске правильному варианту, что усложняет задачу. Испытуемому предлагается выбрать тот вариант ответа, который соответствует эмоциональному состоянию изображенного на фотографии. Таким образом, тестируется **операциональный компонент социального познания**, поскольку оценка происходит быстро, без развернутого рефлексивного процесса. Примеры стимульного материала представлены в Приложении №1 (рис. П1 и П2, П3).

2) **Торонтская шкала алекситимии (Toronto Alexithimia Scale – TAS-20-R)**(G. J. Taylor et al.; русскоязычная версия адаптирована Е.Г. Старостиной др. [77]), направлена на оценку уровня алекситимии. Методика представляет собой опросник, который состоит из 20 утверждений, а суммарный балл отображает общий уровень выраженности алекситимии. Кроме того авторами выделены три шкалы, которые представляют собой компоненты алекситимии. Первая – «трудности идентификации чувств» тестирует наличие сложностей распознавания своего собственного эмоционального состояния. Вторая шкала отражает сложности, связанные с обсуждением эмоциональных состояний с другими людьми и носит название «трудности с описанием чувств другим людям». Фиксация человека на внешних событиях, поиск причинности вовне, при игнорировании внутреннего мира и переживаний тестируется с помощью третьей шкалы «внешне-ориентированный (экстернальный) тип мышления». Сокращенные названия шкал ТИЧ, ТОЧ, ВОМ.

II. Для исследования рефлексивного компонента – способность к децентрации

3) **Методика «Определение понятий для другого» А.Б. Холмогоровой [79]**. Она тестирует **рефлексивный компонент социального познания**. Необходимо было дать описание с помощью любых признаков 7 простым понятиям таким образом, чтобы другой человек такого же возраста и уровня образования мог легко и однозначно ответить, о каком предмете

идет речь. Набор понятий, предлагаемый для описания был следующий: береза, лиса, бутылка, ножницы, пила, ребенок, яблоко. В инструкции оговаривалось, что употребление однокоренных слов не допускается. На бланках испытуемые давали письменные ответы, которые далее оценивались двумя независимыми экспертами. Оценивалась точность каждого определения по шкале от 0 до 4, где «0» – невозможно угадать понятие, «1» - угадать понятие возможно с трудом, «2» - можно угадать понятие, но есть и другие варианты, «3» - угадать понятие можно, но остается вероятность ошибки, «4» – дано такое определение понятия, что его невозможно спутать с другим. Кроме этого, экспертами отмечались недостаточные ответы (те, которые не содержат родового, видового или другого существенного признака), а так же ответы с «культурными метками» - словами и выражениями, тесно связанными с данным понятием в культурном контексте. Высчитывался каждый балл по каждому из понятий, подсчитывалась общая сумма, которая отражала показатель способности к осознанной смене позиции.

III. Мотивационный компонент исследовался с помощью:

4) *Шкала социального избегания и дистресса (Social avoidance and distress scale – SADS)* (авторство D. Watson и R. Friend; русскоязычная версия валидизирована для подростков Е.Н. Клименковой, А.Б. Холмогоровой [28]) представляет собой опросник, состоящий из 28 пунктов. Испытуемому требуется выразить свое согласие или несогласие с представленным утверждением, которое сформулировано от первого лица («верно» или «неверно»). Тестирует уровень дискомфорта испытуемого в социальных ситуациях, а также склонность к избеганию контактов с другими. Выделяются две субшкалы: социальный дистресс (например, «Мне редко удается чувствовать себя хорошо в большой группе людей») и социальное избегание (например, «Я стремлюсь избегать людей»). Подсчитывается также общий балл.

5) **Краткая шкала страха негативной социальной оценки (Brief Fear of Negative Evaluation scale – BFNE)** (разработана М. Leary; валидизирована для подростков Е.Н. Клименковой, А.Б. Холмогоровой [28]) представляет собой опросник, состоящий из 12 пунктов. Тестируется тревога, основным содержанием которой является опасения по поводу получения негативной оценки со стороны других людей (например, «Я боюсь, что окружающие меня не одобряют» или «Чужое мнение меня не беспокоит»).

6) **Шкала социальной ангедонии (Revised social anhedonia scale – RSAS)** (авторы М. Eckblad et al.; русскоязычная версия адаптирована О.В. Рычковой, А.Б. Холмогоровой [62]), представляет собой опросник, состоящий из 40 утверждений, относительно которых нужно выразить свое согласие или несогласие. С ее помощью оценивается такая характеристика как получение удовольствия от взаимодействия и общения с другими людьми, от эмоциональной близости с ними, от совместно осуществляемой деятельности. Примеры пунктов опросника: «Люди иногда думают обо мне, что я стеснителен, а я просто хочу, чтобы меня оставили в покое» / «Человек обычно чувствует себя намного лучше, когда он воздерживается от эмоциональной связи со многими людьми»).

Для оценки выраженности симптомов эмоциональной неблагополучия:

7) **Шкала детской депрессии (Children's Depression Inventory (CDI))** (М. Kovacs; русскоязычная версия адаптирована и валидизирована С.В. Воликовой, О.Г. Калиной, А.Б. Холмогоровой [12]), представляет собой опросник, состоящий из 27 пунктов. Предназначен для выявления и отслеживания динамики депрессивного состояния у детей и подростков (возрастной диапазон 7-17 лет). Суммируется общее количество набранных баллов. Результат оценивается исходя из 3 выделенных диапазонов,

определяющих отсутствие депрессивной симптоматики, средний уровень ее выраженности, группу риска.

8) **Шкала личностной тревожности**(разработана и апробирована *А.М. Прихожан [54]*), представляет собой опросник, состоящий из 40 пунктов. Выделены 4 субшкалы: школьная, самооценочная, межличностная, магическая тревожность. Нацелен на определение уровня личностной тревожности у подростков. Суммарный балл позволяет оценить степень выраженности симптоматики начиная от низкого уровня (который также может носить «защитный» характер), заканчивая чрезмерно выраженной тревогой (которую можно оценить как генерализованную, затрагивающую основные жизненные сферы подростка).

Для оценки факторов социальной ситуации развития:

9) **Тест привязанности**(*Hazan-Shaver forced-choice attachment paragraphs*)) (авторство *С. Hazan, P. Shaver*; русскоязычная версия адаптирована *А.Б. Холмогоровой [80]*) предназначен для диагностики типа привязанности и способности устанавливать близкие отношения с людьми. В основе теста – классификация, предложенная *М. Эйнсворт*. Тест представляет собой три коротких описания надежного, избегающего и амбивалентного типов привязанности. Предлагается ознакомиться с каждым описанием и выбрать то, которое наиболее близко и точно отражает те переживания, которые испытывает респондент относительно дружеских отношений.

10) **Анализ личных дел воспитанников учреждений**, позволивший исследовать основные аспекты жизни подростков, принявших участие в обследовании. В данной работе нас интересовали общие характеристики, такие как наличие или отсутствие опыта жизни в семье; возраст изъятия из кровной семьи; возвращение из приемной семьи; количество перемещений из учреждения в учреждение, общее количество лет, прожитых в учреждении. Отдельно отметим, что в рамках данного исследования нами собирались

общие сведения, без учета деталей каждого отдельного случая изъятия из кровной семьи и помещения в детское учреждение.

Математическая обработка данных проводилась с помощью компьютерной программы SPSS Statistics Version 21. В работе применялись статистический критерий Манна-Уитни, коэффициент корреляции Спирмена, двухфакторный дисперсионный анализ, регрессионный анализ. Для проведения статистической обработки группы уравнивались между собой по полу и возрасту.

Характеристика обследованных групп

Всего в исследовании приняло участие 196 подростков, составивших подгруппы: 1) подростков ОБПР, проживающих в учреждении; 2) подростков ОБПР, проживающих в приемных семьях; 3) подростков из кровных семей.

Ниже дано описание каждой из выборок.

1) Основная группа: подростки ОБПР, проживающие в учреждении. В работе основная группа называется «подростки-сироты». Всего 70 подростков, проживающих в московском «Центре содействия семейного воспитания» (ранее Детский дом) (из них 44 мальчика и 26 девочек). Возраст: 10 – 17 лет. Среди них учащиеся массовой общеобразовательной школы (68,6%; 48 чел.) и студенты колледжей (31,4%; 22 чел.). Большинство обследованных подростков юридически относятся к группе «оставшиеся без попечения родителей» или социальные сироты. Этот статус означает, что какую-то часть жизни ребенок провел в кровной семье, но в дальнейшем по решению суда был помещен в сиротское учреждение, а родители лишены прав (в связи с асоциальным образом жизни, алкоголизацией, отсутствием надлежащей заботы и уходом за ребенком, тюремным заключением и др.). Подростки, после рождения оставленные в роддоме, без опыта проживания в семье, (так называемые «отказники») юридически имеют статус «сироты». Таким образом, количество социальных сирот в выборке – 92,9% (65 чел.);

сирот – 7,1% (5 чел). Возраст изъятия из семьи – от 1 года до 15 лет. Далее в тексте работы будет представлено количественное распределение подростков по возрасту изъятия из кровной семьи.

2) Группа сравнения: подростки ОБПР, принятые на воспитание в приемные семьи. Далее в тексте группа будет обозначаться как «подростки из приемных семей». Размер группы 21 чел. (9 мальчиков и 12 девочек). Возраст: 10 – 17 лет. Они так же являются учащимися массовых образовательных школ (81%; 17 чел.) или студентами колледжей (19%; 4 чел.). Все обследованные подростки проживают в приемных семьях не менее 1 года. Из них социальных сирот – 85,7% (18 чел.), сирот – 14,3% (3 чел.). В связи с тем, что не все приемные родители согласились дать подробную демографическую информацию о детях, данные о возрасте изъятия из кровной семьи известны не по всем подросткам этой группы.

3) Контрольная группа сравнения состояла из 105 подростков, которые с рождения проживают и воспитываются в кровных семьях (из них 71 мальчик, 34 девочки). Это учащиеся 6, 8 и 10 классов двух общеобразовательных московских школ (78,1%; 82 чел.), а также студенты первого курса политехнического колледжа (21,9%; 23 чел.). Возраст 12 – 17 лет.

В начале обследования родители или законные представители подписывали разрешение на участие подростка в психологическом исследовании. Психолог тестировал подростков в микрогруппах или индивидуально. Каждый ребенок заполнял бланки методик, при этом психолог давал пояснения, если ребенку было что-то непонятно. При сравнении исследуемых показателей группы уравнивались по половому и возрастному составу.

Исследование было проведено в два этапа.

На первом этапе проводилось обследование основной группы подростков-сирот, проживающих в учреждении для детей-сирот, и

контрольной группы подростков, проживающих в кровных семьях. Отдельно проводился анализ истории жизни подростков-сирот с выделением факторов, определяющих социальную ситуацию развития: наличие опыта жизни в семье, возраст изъятия из семьи, возвращение из приемной семьи, длительность проживания в учреждении, количество перемещений из учреждения в учреждение.

На втором этапе была набрана и обследована пилотажная группа подростков-сирот, проживающих в приемных семьях. Отдельно отметим, что не все законные представители (приемные родители) согласились предоставить подробную информацию об истории жизни подростков-сирот, принятых на воспитание в семьи.

Перейдем к описанию результатов проведенного эмпирического исследования.

3.3 Исследование основных компонентов социального познания у подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей на основе многофакторной модели

3.3.1 Сравнение способности к ментализации, децентрации и социальной мотивации как компонентов социального познания у подростков-сирот и подростков из приемных и кровных семей

Прежде чем приступить к представлению результатов исследования компонентов социального познания у групп подростков, дадим некоторые пояснения к представленным в таблицах результатам. В тесте «RMET» в таблице показано общее количество правильных ответов, в тесте «Определение понятий» - среднее количество правильных ответов. В остальных тестах (шкала «TAS-20-R») показана выраженность нарушений способности к пониманию собственного состояния. Таким образом, чем выше балл по тесту «RMET» и «Определению понятий», тем выше

способность к ментализации; в шкале «TAS-20-R», напротив, чем выше балл, тем больше выявлено нарушений.

Таблица 1

Сравнение показателей способности к ментализации и децентрации у подростков-сирот и подростков из кровных семей (тест «RMET», методика «Определение понятий для другого», шкала «TAS-20-R»)

Компоненты социального познания	Группы подростков	Подростки-сироты (N=68)	Подростки из кровных семей (N=99)	Уровень значимост и <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
		M (SD)	M (SD)	
Операциональный компонент	Параметры			
	Способность к ментализации («RMET»)	11 (2,6)	11,8 (2,5)	,046*
	ТИЧ (Тр. идентификации чувств, «TAS-20-R»)	15,9 (6,9)	16,9 (5,8)	,416
	ТОЧ (Тр. с описанием чувств другим людям, «TAS-20-R»)	13,5 (4,8)	12,8 (4,9)	,467
	ВОМ (Внешне-ориент. мышл., «TAS-20-R»)	23,4 (5,6)	19,6 (4,9)	,000**
	Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	52,7 (13,2)	49,3(11,1)	,129
Рефлексивный компонент	Способность к децентрации («Определение понятий для другого»)	15,4 (5,9)	17,7 (5,2)	,015*

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; *t* – уровень тенденции, $p < 0,1$

Результаты сравнительного исследования показывают, что подростки-сироты хуже справляются с задачами на ментализацию, чем подростки из кровных семей. В табл. 1 представлены различия как в оценке операционального (Тест «RMET» $p = ,046*$), так и в оценке рефлексивного (Методика «Определение понятий для другого» $p = ,015*$) компонентов социального познания. Подростки-сироты менее успешны в распознавании психического состояния, им сложнее посмотреть на ситуацию глазами другого человека, децентрироваться, сделать свое объяснение понятным для другого. Для подростков-сирот более характерно внешне-ориентированное (экстернальное) мышление ($p = ,000**$), они в большей степени склонны

фиксироваться на внешних обстоятельствах, при анализе происходящих событий обращают меньше внимания на внутренние переживания, чувства, эмоции. Интересно отметить, что во время выполнения методики «Определение понятий» подростки из детского дома часто давали неполные, малопонятные объяснения слов, комментируя при этом свои описания, примерно, следующим образом: «кому надо – тот поймет», «не поймет - его проблемы». (В Приложении №2 можно ознакомиться с примерами выполнения данной методики подростками из разных групп). Это может говорить о подростковом эгоцентризме, с другой стороны, подтверждает высокие показатели внешне-ориентированного мышления. В ситуации, когда понимание другим человеком той или иной информации напрямую зависит от объяснения собеседника, подросток-сирота не принимает во внимание свою роль в этом процессе, полностью перекладывая эту ответственность на другого. Это так же указывает на нежелание вступать в контакт, низкую социальную мотивацию (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение социальной мотивации у подростков-сирот и подростков из кровных семей (шкалы SADS, BFNE, RSAS)

Компоненты социального познания	Группы Параметры	Подростки-сироты (N=70)	Подростки из кровных семей (N=104)	Уровень значимост и <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
		М (SD)	М (SD)	
Мотивационный компонент	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	9,6 (5,2)	7,9 (5,7)	,023*
	Соц. дистресс («SADS»)	4,8 (3,2)	3,9 (3)	,059^t
	Соц. избегание («SADS»)	4,8 (2,6)	4 (3,2)	,019*
	Страх негативной соц. оценки («BFNE»)	30,4 (6,6)	32,8 (9,6)	,135
	Соц. ангедония («RSAS»)	15,3 (5,7)	12,6 (6,5)	,003**

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; ^t – уровень тенденции, $p < 0,1$

Для подростков-сирот в большей степени характерна негативная социальная мотивация общения. Из результатов следует, что взаимодействие с окружающими приносит мало удовольствия подросткам из детского дома (социальная ангедония $p=,003^{**}$), оценивают свое взаимодействие как стрессовое, дискомфортное (социальный дистресс $p=,059^t$; общий уровень социальной тревожности $p=,023^*$), чаще избегают общения (социальное избегание $p=,019^*$). Травмирующие жизненные события (разрыв с кровной семьей, перемещения из учреждения в учреждение и др.) могут способствовать формированию копинг-стратегии «не сближайся с людьми, потому что они в любой момент могут тебя покинуть». Одновременно с этим, актуальная социальная ситуация развития – проживание в детском учреждении среди большого количества посторонних людей (сверстники, сотрудники, постоянно приходящие «гости», частые обязательные мероприятия и др.) – способствует желанию уединиться, не быть с другими, отвоевать себе личное пространство путем меньшего взаимодействия с окружающими. В результате, подросток-сирота в меньшей степени тренирует коммуникативные навыки, реже тренирует способность к ментализации, не стремится обращать внимание, как на свое, так и на чужое эмоциональное состояние, что приводит к серьезным затруднениям при переходе в самостоятельную жизнь. Уровень социальной тревожности у подростков-сирот выше (сравнительные данные по шкале SADS), что позволяет предположить, что ведущим мотивом аффилиации является страх отвержения. Этот страх может способствовать более частому избеганию, игнорированию контактов с окружающими. Полученный нами результат согласуется с исследованием подростков из неблагополучных семей, о котором упоминалось в теоретическом обзоре [70]. Хотя статистической разницы по показателю страха негативной оценки получено не было ($p=,135$), средние значения немного выше у подростков из кровных семей ($M=32,8$; у сирот – $M=30,4$) и у подростков из приемных семей ($M=33$). Можно

предполагать, что это во многом связано с социальным контекстом каждой из групп.

Группа подростков из приемных семей сравнивалась с сиротами из детского дома (табл. П1 и П2 представлены в Приложении №3) и подростками из кровных семей (табл. П3 и П4 представлены в Приложении №3). По сравнению с подростками из детского дома приемные подростки получают больше удовольствия от общения с людьми (табл. П2). Проживание в семье приводит к тому, что подросток получает больше удовлетворения от общения, больше стремится к социальному взаимодействию. В учреждении подростки ежедневно находятся среди большого количества людей, интенсивно взаимодействуют со сверстниками и взрослыми, имеют меньше возможностей для уединения. Статистически достоверных различий между подростками из приемных и кровных семей обнаружено не было.

3.3.2 Исследование связи компонентов социального познания у подростков-сирот и подростков из приемных и кровных семей

В общей выборке способность к ментализации связана с мотивационным компонентом социального познания (табл. 3). Чем меньше дискомфорта испытывает подросток при социальном взаимодействии, чем меньше обеспокоен получением негативной оценки, тем лучше ему удастся понять психического состояния другого, и наоборот. Кроме этого обнаружена значимая связь способности к ментализации и трудностями описания своих чувств другим ($r=-,200^*$), внешне-ориентированным мышлением ($r=-,243^{**}$) и общим уровнем алекситимии ($r=-,247^{**}$). Распознавание собственных эмоциональных состояний и ориентация на внешние причины, без обращения к своему внутреннему состоянию затрудняют процесс понимания психического состояния окружающих.

Чем труднее подростку удастся осознавать собственные чувства, чем выше уровень алекситимии, тем выше показатели социальной тревожности,

тем меньше удовольствия от общения он получает. Нарушенная способность в назывании собственных эмоций положительно связана с показателем дистресса и страхом получения негативной оценки. С одной стороны, если подросток сам плохо понимает, что чувствует в данный момент, то его беспокойство при общении с другими усиливается, он испытывает страх. С другой, - сильный дискомфорт и ориентация на получение негативной оценки со стороны могут мешать подростку верно идентифицировать собственное состояние. Трудности осознанной смены позиции (умение смотреть на ситуацию глазами другого человека) связано с меньшим количеством удовольствия от общения с окружающими ($p=-,174^{**}$).

Таблица 3

Связь способности к ментализации и децентрации с социальной мотивацией как компонентами социального познания у подростков в объединенной выборке (тест «RMET», методика «Определение понятий для другого», шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS)

Параметры	Общий уровень социальной тревожности («SADS»)	Социальный дистресс («SADS»)	Социальное избегание («SADS»)	Страх негативной социальной оценки («BFNE»)	Социальная ангедония («RSAS»)
Способность к ментализации («RMET»)	-,202**	-,161*	-,205**	-,194**	-,139
ТИЧ (Тр. идентификации чувств, «TAS-20-R»)	,161	,209*	,088	,286**	,136
ТОЧ (Тр. с описанием чувств другим людям, «TAS-20-R»)	,270**	,234*	,235*	,140	,250**
ВОМ (Внешне-ориент. мышл., «TAS-20-R»)	,074	,036	,083	-,166	,239*
Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	,230*	,235*	,168	,181*	,282**
Способность к децентрации («Определение понятий для другого»)	-,074	-,090	-,048	-,039	-,174*

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman);

** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

**Связь мотивационного компонента социального познания у подростков
в объединенной выборке (шкалы SADS, BFNE, RSAS)**

Параметры	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	Соц. дистресс («SADS»)	Соц. избегание («SADS»)
Страх негат.соц. оценки (Шкала «BFNE»)	,185*	,231**	,108
Социальная ангедония (Шкала «RSAS»)	,476**	,391**	,486**

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции *r-Spearman*);

** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции *r-Spearman*)

Обнаружены связи между компонентами социальной мотивации (табл. 4). Чем меньше удовольствия испытывает подросток от общения с другими людьми, тем больше дискомфорта он испытывает при взаимодействии, тем чаще избегает общения. Верно и обратное: повышение социальной тревоги связано со снижением удовольствия от общения. Опасения по поводу получения негативной оценки связаны с дискомфортом в общении: постоянные опасения мешают чувствовать себя расслабленно в контакте с другими людьми, напряжение усиливается.

Далее представлены результаты корреляционного анализа компонентов социального познания внутри исследуемых групп.

Сопоставление представленных ниже таблиц 5 и 6 показывает, что у подростков-сирот чем выше уровень социальной тревожности, тем хуже понимание психического состояния других людей, хуже идентифицируют и с большим трудом описывают собственные чувства, а также больше ориентированы на внешний, чем на собственный внутренний мир.

А подростки из приемных семей, чем хуже осознают собственные чувства, чем больше ориентированы на внешнее, и тем меньше удовольствия испытывают от общения с окружающими. Но и у них высокий

показатель социальной тревожности связан с худшим пониманием состояния другого человека.

У подростков из кровных семей (см. Приложение №3, табл. П5) обнаруживается слабая связь между трудностями понимания психического состояния окружающих и избеганием контактов с окружающими людьми.

Таблица 5

Связи социальной мотивации со способностями к ментализации и децентрации как компонентами социального познания у подростков-сирот (методика «Определение понятий для другого», тест «RMET», шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS)

Параметры	Общий уровень социальной тревожности («SADS»)	Социальный дистресс («SADS»)	Социальное избегание («SADS»)	Страх негативной социальной оценки («BFNE»)	Социальная ангедония («RSAS»)
Способность к ментализации («RMET»)	-,251*	-,300*	-,136	-,225	,015
ТИЧ (Тр. идентификации чувств, «TAS-20-R»)	,235	,269	,167	,460**	,167
ТОЧ (Тр. с описанием чувств другим людям, «TAS-20-R»)	,400**	,397**	,303*	,220	,169
ВОМ (Внешне-ориент. мышл., «TAS-20-R»)	,336*	,303*	-,288	-,167	-,053
Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	,243	,290	,144	,361*	,208
Способность к децентрации («Опред. понятий для другого»)	,080	-,065	,177	-,127	-,143

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman);

** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Связь способности к ментализации и децентрации с социальной мотивацией как компонентами социального познания у подростков из приемных семей (тест «RMET», методика «Определение понятий для другого», шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS)

Параметры	Общий уровень социальной тревожности («SADS»)	Социальный дистресс («SADS»)	Социальное избегание («SADS»)	Страх негативной социальной оценки («BFNE»)	Социальная ангедония («RSAS»)
Способность к ментализации («RMET»)	-,122	-,112	-,100	-,626**	-,433
ТИЧ (Тр. идентификации чувств, «TAS-20-R»)	,154	,226	,039	-,129	,409
ТОЧ (Тр. с описанием чувств другим людям, «TAS-20-R»)	,329	,394	,251	-,143	,681**
ВОМ (Внешне-ориент. мышл., «TAS-20-R»)	,237	,242	,211	-,272	,649**
Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	,222	,269	,151	-,230	,637**
Способность к децентрации («Опред. понятий для другого»)	-,235	-,213	-,248	-,163	-,358

коэффициент корреляции r-Spearman:

* - $p < 0.05()$; ** - $p < 0.01$

Рассмотрим результаты, представленные в таблицах 7 и 8. По данным корреляционного анализа обнаружено, что и у подростков-сирот и у подростков из кровных семей повышение социальной тревожности связано с повышением социальной ангедонии.

Частое избегание контактов приводит к дефициту социальных навыков, таким образом, когда общение все-таки происходит, подросток получает мало удовольствия от этого взаимодействия, ощущает дискомфорт, чувствует себя неуютно, повышается тревога. Эти ощущения и впечатления от

взаимодействия вновь приводят в действие стратегию избегания, и в итоге круг замыкается.

У подростков из приемных семей связей внутри мотивационного компонента не обнаружено (см. Приложение №3, табл. П6).

Таблица 7

Связь мотивационного компонента социального познания у подростков-сирот (шкалы SADS, BFNE, RSAS)

Параметры	Общий уровень социальной тревожности («SADS»)	Социальный дистресс («SADS»)	Социальное избегание («SADS»)
Страх негативной социальной оценки («BFNE»)	,266*	,334**	,098
Социальная ангедония («RSAS»)	,283*	,245*	,289*

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman);

** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Таблица 8

Связь мотивационного компонента социального познания у подростков из кровных семей (шкала SADS, шкала BFNE, шкала RSAS)

Параметры	Общий уровень социальной тревожности («SADS»)	Социальный дистресс («SADS»)	Социальное избегание («SADS»)
Страх негативной социальной оценки («BFNE»)	,200	,230*	,150
Социальная ангедония («RSAS»)	,552**	,441**	,560**

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman);

** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Выводы по разделу 3.3

1. Подростки-сироты отличаются от подростков из кровных семей по уровню развития компонентов социального познания. У подростков-сирот

ниже способность к ментализации (операциональный компонент) – им сложнее определить психическое состояние других людей. Кроме того, у них сильнее выражено внешне-ориентированное мышление. Подросткам-сиротам сложнее децентрироваться (рефлексивный компонент). Для них характерна негативная социальная мотивация общения (мотивационный компонент).

2. Подростки из приемных семей занимают промежуточное положение между группами, не обнаруживая статистически значимых различий по уровню развития компонентов социального познания как с подростками-сиротами, так и с подростками из кровных семей.

3. Компоненты социального познания связаны между собой. Корреляционные связи обнаруживаются как в общей выборке, так и внутри исследуемых групп. Снижение точности ментализации связано с трудностями описания собственных чувств. Снижение удовольствия от общения с людьми связано с более низким уровнем способности к осознанной смене позиции и социальной тревожностью. Трудности ментализации связаны с социальной тревожностью.

4. У подростков-сирот трудности ментализации, распознавания и описания собственных чувств связаны с социальной тревожностью. Кроме этого обнаруживается связь между социальной тревожностью и снижением удовольствия от общения (социальная ангедония).

3.4 Исследование социального познания у подростков с разным типом привязанности на основе многофакторной модели

3.4.1 Сравнение способности к ментализации, децентрации и социальной мотивации как компонентов социального познания у подростков с разным типом привязанности

Для определения типа привязанности испытуемым предлагался самооценочный «Тест привязанности» (см. Описание методик). Результаты самооценочной шкалы были подтверждены наблюдениями и интервьюированием педагогов, работающих с детьми. Наблюдения за ребенком, произведенные психологом, а так же анализ демографических данных (количество лет прожитых в семье и учреждении) в значительной части подтвердили данные методики. Совокупность этих результатов дала возможность ориентироваться на самооценочную шкалу. Подростки объединенной выборки были разделены в зависимости от типа привязанности.

Надежный тип привязанности характеризует такие отношения, в которых человек получает радость от взаимодействия с другим, не опасается отвержения, принимает мысль о том, что отношения могут заканчиваться. Это люди, которые не боятся психологической близости с другими, умеют уважать границы друг друга.

Избегающий тип привязанности характеризует такое взаимодействие между людьми, при которых человек боится близких отношений, не выстраивает доверительные отношения, поскольку испытывает сильный страх отвержения. При сближении с другими возникает интенсивная сильная тревога, и, как правило, контакт прерывается.

Амбивалентный тип привязанности характеризует отношения, при которых человек стремится к полному слиянию со своим партнером по общению. Сильная потребность в сверхблизких отношениях приводит к

нарушению границ, желанию полностью «раствориться» в объекте симпатии, нереалистично высоким ожиданиям к партнеру, завышенным требованиям.

В данном разделе будут представлены сравнения операционального, рефлексивного и мотивационного компонентов социального познания у подростков из разных групп с надежным и ненадежным типом привязанности (табл. 9). Процентное соотношение подростков по трем типам привязанности (надежная, избегающая, амбивалентная) можно посмотреть в приложении (см. Приложение №4, табл. П8).

Таблица 9

Процентное распределение подростков в зависимости от типа привязанности («Тест привязанности»)

Группы	Подростки-сироты (N=70)	Подростки из кровных семей (N=100)	Подростки из приемных семей (N=21)
Параметры	% (N)	% (N)	% (N)
Надежная привязанность	57,1 (40)	56 (56)	33,3 (7)
Ненадежная (избегающая и амбивалентная) привязанность	42,9 (30)	44 (44)	66,7 (14)

Распределение подростков-сирот и подростков из кровных семей оказалось примерно одинаковым (табл. 9). Подростки с надежным типом привязанности составили 57,1% и 56% выборки, с ненадежным 42,9% и 44%. В группе подростков из приемных семей больше половины отмечают у себя ненадежный тип привязанности (66,7%). Количество подростков с надежной привязанностью составило 33,3%.

Западные исследования показывают связь типов привязанности со способностью к ментализации [91; 141]. В связи с этим, на следующем этапе для сравнения исследуемых компонентов социального познания совокупная выборка подростков была разделена нами на группы в зависимости от типа привязанности. Таким образом, были получены группы с надежной и

ненадежной привязанностью. Результаты отображены в последующих таблицах.

Таблица 10

Сравнение показателей способности к ментализации и децентрации у подростков с надежным и ненадежным типом привязанности (тест «RMET», шкала «TAS-20-R», методика «Определение понятий для другого»)

Компоненты социального познания	Группы подростков Параметры	Ненадежный тип привязанности (N=87)	Надежный тип привязанности (N=99)	Уровень значимости p (критерий Манна-Уитни)
		M (SD)	M (SD)	
Операциональный компонент	Способность к ментализации («RMET»)	10,9 (2,9)	12,2 (2,1)	,002*
	ТИЧ (Тр. идентификации чувств, «TAS-20-R»)	19,4 (6,8)	15,2 (6)	,001**
	ТОЧ (Тр. с описанием чувств другим людям, «TAS-20-R»)	15,2 (4,7)	12 (4,9)	,000**
	ВОМ (Внешне-ориент. мышл., «TAS-20-R»)	21,4 (5,1)	21,7 (6,3)	,555
	Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	56 (12,4)	48,9 (13,5)	,002*
Рефлексивный компонент	Способность к децентрации («Определение понятий для другого»)	16,8 (5,2)	16,6 (5,7)	,827

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; t – уровень тенденции, $p < 0,1$

У подростков с надежной привязанностью лучше развита способность к ментализации, а также способность идентифицировать и описывать собственные чувства (операциональный компонент социального познания), но при этом различий в уровне развития рефлексивного компонента не обнаружено. Умение доверять людям, ощущение чувства безопасности рядом с другими людьми позволяют быть более внимательными как к своему эмоциональному состоянию, так и состоянию другого.

Сравнение показателей социальной мотивации у подростков с надежным и ненадежным типом привязанности в объединенной выборке (шкалы SADS, BFNE, RSAS)

Компоненты социально-го познания	Группы подростков Параметры	Ненадежный тип привязанности (N=88)	Надежный тип привязанности (N=103)	Уровень значимости <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
		М (SD)	М (SD)	
Мотивационный компонент	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	10,5 (5,7)	6,9 (5)	,000**
	Соц. дистресс («SADS»)	5,3 (3,2)	3,5 (2,9)	,000**
	Соц. избегание («SADS»)	5,3 (3,1)	3,4 (2,6)	,000**
	Страх негат. соц. оценки («BFNE»)	33,4 (8,6)	30,6 (8,1)	,037*
	Соц. ангедония («RSAS»)	15,1 (6,5)	12,3 (5,7)	,003*

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$;

У подростков с ненадежной привязанностью более высокий показатель социальной тревожности и ангедонии (мотивационный компонент социального познания) (табл. 11). Социальное взаимодействие для подростков с ненадежной привязанностью является более стрессовым событием, доставляет больше дискомфорта, приносит меньше удовольствия, приводит к более частому стремлению избежать контакта и опасениям по поводу получения негативной оценки. Таким образом, для подростков с ненадежной привязанностью характерна негативная социальная мотивация общения.

Корреляционный анализ компонентов социального познания в группах подростков с надежным и ненадежным типом привязанности представлен в приложении (см. Приложение №4, табл. П9-П12). Снижение удовольствия от общения с окружающими связано с показателями социальной тревожности как у подростков с надежным (табл. П10), так и у подростков с ненадежным

(табл. П12) типами привязанности. В частности социальная ангедония связана с использованием стратегии избегания в группах с надежной – ($p=,484^{**}$) и ненадежной ($p=,427^{**}$) привязанностью.

Далее по аналогичным показателям сравнивались подростки-сироты и подростки из кровных семей, разделенные в зависимости от типа привязанности. Сравнение группы приемных подростков провести не удалось в связи с малочисленностью выборки. С результатами сравнения группы кровных подростков с надежной и ненадежной привязанностью можно ознакомиться в Приложении №4, табл. П13 и П14.

Таблица 12

Сравнение показателей способности к ментализации и децентрации у подростков-сирот с надежной и ненадежной привязанностью (тест «RМЕТ», тест «Определение понятий для другого», шкала «TAS-20-R»)

Компоненты социального познания	Группы подростков-сирот	Ненадежный тип привязанности (N=30)	Надежный тип привязанности (N=39)	Уровень значимости p (критерий Манна-Уитни)
		М (SD)	М (SD)	
	Параметры			
Операциональный компонент	Способность к ментализации («RМЕТ»)	10,2 (2,7)	11,8 (2,3)	,014*
	ТИЧ (Тр. идентификации чувств, «TAS-20-R»)	19,1 (7,2)	13,2 (5,6)	,005*
	ТОЧ (Тр. с описанием чувств другим людям, «TAS-20-R»)	15,3 (4,7)	12 (4,5)	,032*
	ВОМ (Внешне-ориент. мышл., «TAS-20-R»)	22,8 (5)	24 (6)	,209
	Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	57,2 (12)	49,2 (13,2)	,029*
Рефлексивный компонент	Способность к децентрации («Определение понятий для другого»)	15,8 (5,2)	15,1 (6,5)	,922

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$;

Ранее было показано (табл. 1), что подростки-сироты хуже справляются с задачами на ментализацию. Деление внутри группы сирот по типу привязанности обнаружило дополнительные различия, которые представлены в табл. 12. Подростки-сироты с ненадежной привязанностью

хуже понимают психическое состояние по глазам ($p=,014^*$), чем сироты с надежной привязанностью. Трудностей в идентификации и вербализации собственных чувств, а так же более высокий уровень алекситимии так же достоверно больше у сирот с ненадежной привязанностью.

Таблица 13

Сравнение показателей социальной мотивации у подростков-сирот надежной и ненадежной привязанностью (шкалы SADS, BFNE, RSAS)

Компоненты социального познания	Группы подростков-сирот Параметры	Ненадежный тип привязанности (N=30)	Надежный тип привязанности (N=40)	Уровень значимости p (критерий Манна-Уитни)
		M (SD)	M (SD)	
Мотивационный компонент	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	11,5 (5,4)	8,1 (4,6)	,009*
	Соц. дистресс («SADS»)	5,8 (3,2)	4,1 (3)	,019*
	Соц. избегание («SADS»)	5,7 (3)	4,1 (2,2)	,013*
	Страх негат. соц. оценки («BFNE»)	31 (7,4)	30 (5,9)	,651
	Соц. ангедония («RSAS»)	16,7 (6,4)	14,3 (5)	,120

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$;

Подростки-сироты с ненадежной привязанностью испытывают больше дистресса и чаще используют стратегию избегания, по сравнению с сиротами с надежной привязанностью (табл. 13). Подростки из кровных семей с ненадежной привязанностью также демонстрируют более выраженную негативную социальную мотивацию по сравнению с подростками из кровных семей с надежным типом привязанности на статистически значимом уровне (см. Приложение №4, табл. П14).

Выводы по разделу 3.4

1. Распределение подростков по типу привязанности внутри обследуемых групп оказалось примерно равным

2. Подростки общей выборки с ненадежным типом привязанности демонстрируют более низкий уровень развития операционального и мотивационного компонентов социального познания по сравнению с подростками с надежной привязанностью. У них менее развита способность к ментализации и сильнее выражена негативная социальная мотивация общения.

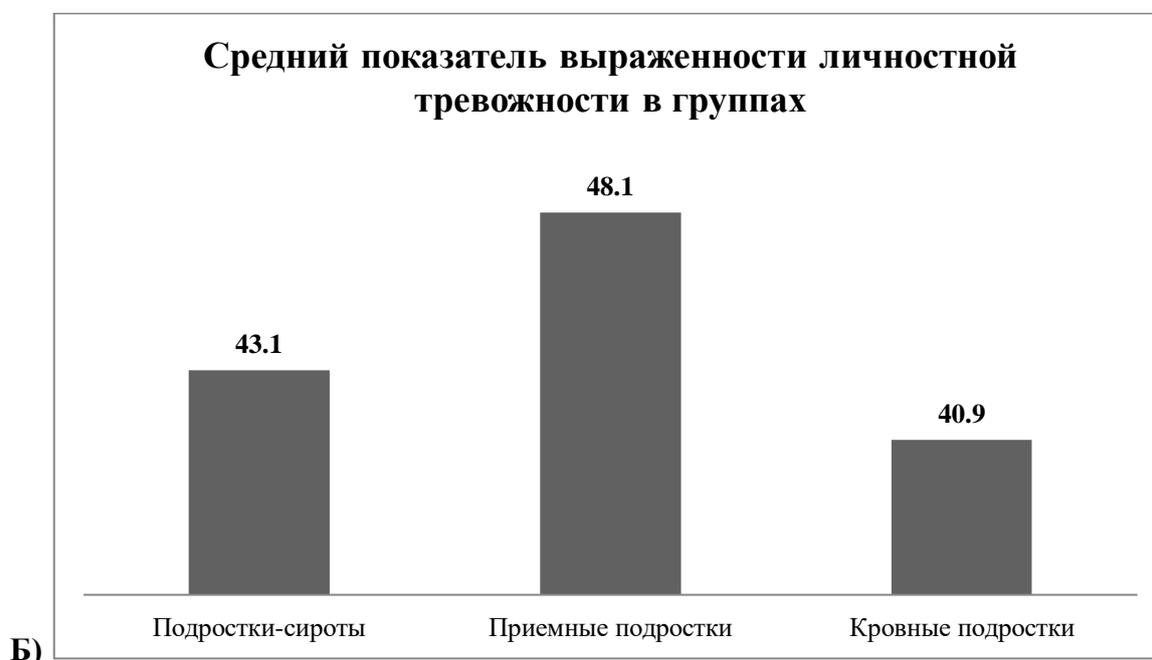
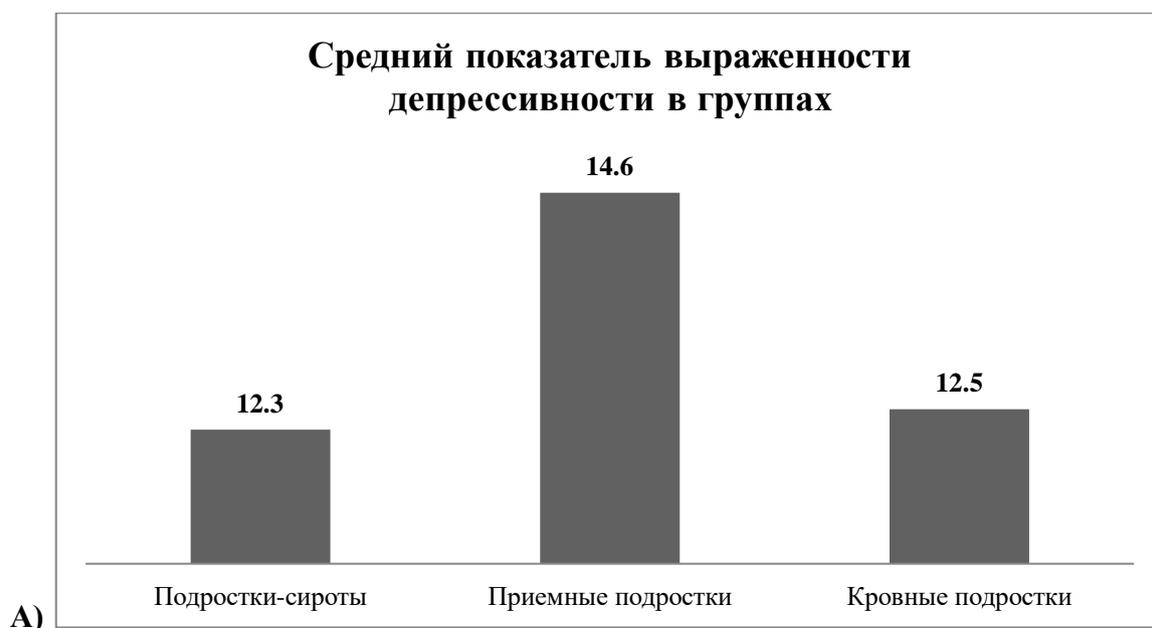
3. Наиболее низкие показатели развития компонентов социального познания наблюдаются у подростков-сирот с ненадежной привязанностью.

4. У подростков, воспитывающихся в кровных семьях и имеющих ненадежный тип привязанности, более низкие показатели развития компонентов социального познания, чем у подростков-сирот с надежной привязанностью. Это также свидетельствует о важной роли привязанности в развитии компонентов социального познания.

3.5 Исследование выраженности симптомов эмоционального неблагополучия у подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей

3.5.1 Сравнение выраженности депрессивной и тревожной симптоматики у подростков-сирот и подростков из приемных и кровных семей

Сравнивались показатели выраженности депрессивной и тревожной симптоматики между исследуемыми группами подростков. На рисунках представлены средние значения общего показателя депрессивности (рис. 1А) и общего уровня личностной тревожности (рис. 1Б) в каждой из исследуемых групп.

Рисунок 1. Средние значения выраженности общего показателя депрессивности (А) и общего уровня личностной тревожности (Б) в группах подростков-сирот, подростков из приемных семей, подростков из кровных семей

Как мы видим, среднее значение по уровню выраженности депрессивной симптоматики немного выше в группе подростков из приемных семей (рис. 1А). На уровне тенденции ($p=,062t$) обнаруживается статистически значимая разница между ними и подростками из кровных семей (см. Приложение №5, табл. П17). Перемещение из детского дома в

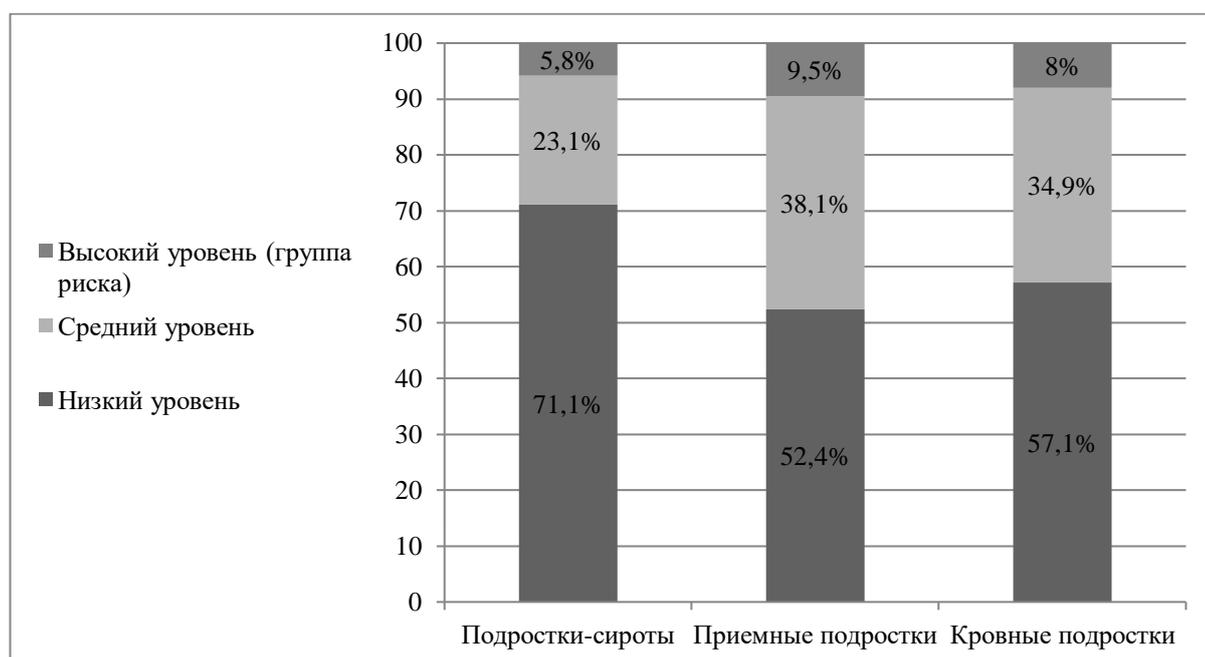
приемную семью несет за собой важные изменения с точки зрения взаимодействия ребенка с окружающими людьми. Если в учреждении подросток является представителем общей массы воспитанников детского дома, то в приемной семье сталкивается с ежедневным индивидуальным контактом. При переходе в семью, в более безопасное в психологическом смысле пространство, подросток дает себе возможность переживать свои чувства и эмоции, а не прятать и игнорировать их. Важно отметить, что подростки из приемных семей часто переживают и боятся возможного возврата в детский дом (особенно те, кто когда-то имел подобный опыт). Переживания и опасения на эту тему также могут усиливать эмоциональное неблагополучие.

Других статистически достоверных различий между группами обнаружено не было (см. Приложение №5, табл. П15-П17).

Далее исследовалось процентное соотношение подростков каждой из групп по степени выраженности депрессивной симптоматики (рис. 2).

Как видно из рис. 2, процент подростков, попавших в ту или иную группу (низкий, средний или высокий уровень депрессивности) примерно одинаков. При этом отчетливо видно, что среди подростков из приемных и подростков из кровных семей распределение практически идентичное: больше половины отмечают наименьшее количество депрессивных симптомов, чуть больше трети – их среднюю выраженность, и около 1/10 от группы демонстрируют выраженную депрессивную симптоматику, попадая, тем самым в группу риска по возникновению депрессии. Среди подростков-сирот ситуация несколько иная. Значительная часть воспитанников детского дома (71,1%) отмечает у себя незначительную выраженность депрессивных симптомов, а в группу риска попадает 1/20 подростков (5,8%). Живя в учреждении, подростки часто не задумываются о своем внутреннем состоянии, избегают обращения к внутренним переживаниям, склонны обесценивать и игнорировать свои чувства. При помещении в приемную

семью от подростка-сироты требуется не просто формальное соблюдение режима, но и интенсивное эмоциональное взаимодействие со взрослыми. Подросток вынужден больше и чаще обращаться к самому себе, своим переживаниям, рефлексии. Возможно, что для подростка из приемной семьи с одной стороны, собственное эмоциональное состояние становится более понятным, с другой, - появляется больше готовности признавать наличие трудностей и говорить о них окружающим.

Рисунок 2. Распределение по уровню выраженности депрессивной симптоматики (в %) в группах подростков-сирот, подростков из приемных семей, подростков из кровных семей

3.5.2 Сравнение выраженности депрессивной и тревожной симптоматики у подростков с разным типом привязанности

Сравнение подростков общей выборки, разделенных в зависимости от типа привязанности, выявило статистически значимые различия, как по уровню депрессивности, так и по уровню личностной тревожности (табл. 14).

Сравнение показателей эмоционального неблагополучия у подростков с надежным и ненадежным типом привязанности в объединенной выборке («Опросник детской депрессивности», «Опросник личностной тревожности»)

Группы подростков Параметры	Ненадежный тип привязанности (N=88)	Надежный тип привязанности (N=103)	Уровень значимости <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
	М (SD)	М (SD)	
Общий показатель депрессивности	15,7 (7,6)	10,3 (6,5)	,000**
Школьная тревожность («Опросник личностной тревожности»)	12,7 (7)	10,6 (6,1)	,053t
Самооценочная тревожность («Опросник личностной тревожн.»)	13,2 (6,4)	9,9 (6)	,001**
Межличн. тревожность («Опросник личностной тревожн.»)	13 (6,6)	9,9 (5,8)	,002*
Магич. тревожность («Опросник личностной тревожн.»)	10,8 (9)	7,3 (7,1)	,002*
Общий уровень личностной тревожности	49,2 (23,5)	37,1 (18,9)	,001**

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$;

Как показывает табл. 14, подростки с ненадежным типом привязанности демонстрируют больше симптомов эмоционального неблагополучия, по сравнению со сверстниками с надежной привязанностью. Выраженность депрессивных симптомов у них практически достигает среднего уровня ($M=15,7$; средний уровень депрессивности с 16 баллов), в то время как у подростков с надежной привязанностью находится на низком уровне ($M=10,3$). Подростки с ненадежной привязанностью испытывают больше тревоги в межличностном взаимодействии, чувствуют себя менее успешными, испытывают больше учебных трудностей, и в целом обладают более тревожными. Для них характерна вера в мистическое, потустороннее – события жизни часто воспринимаются как независимые от собственных усилий, зависят от внешних сил, которые невозможно объяснить. В

контексте теории привязанности [7] важно отметить, что для людей с ненадежной привязанностью характерно отсутствие базового доверия к себе и миру, поэтому окружающее часто воспринимается ими как угрожающее, нечто, на что невозможно повлиять.

Отдельно сравнивались аналогичные показатели в группах подростков-сирот (табл. 7) и подростков из кровных семей (Приложение №5, табл. П18), разделенных в зависимости от типа привязанности.

Таблица 15

Сравнение показателей эмоционального неблагополучия у подростков-сирот с надежной и ненадежной привязанностью («Опросник детской депрессивности», «Опросник личностной тревожности»)

Группы подростков-сирот	Ненадежный тип привязанности (N=30)	Надежный тип привязанности (N=40)	Уровень значимости и <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
	М (SD)	М (SD)	
Параметры			
Общий показатель депрессивности	14,8 (6,8)	10,3 (6,8)	,005*
Школьная тревожность («Опросник личностной тревожности»)	13 (6,6)	11,3 (5,4)	,277
Самооценочная тревожность («Опросник личностной тревожности»)	13,8 (6)	10,2 (5,5)	,021*
Межличностная тревожность («Опросник личностной тревожности»)	11,1 (6,1)	10,3 (5,3)	,636
Магическая тревожность («Опросник личностной тревожности»)	13,2 (9,5)	6,5 (7)	,001**
Общий уровень личностной тревожности	50,1 (21,4)	37,7 (17,1)	,015*

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$;

Подростки-сироты с ненадежной привязанностью отмечают больше эмоциональных нарушений в виде симптомов депрессии и тревоги (табл. 15). Как показывают исследования, ненадежная привязанность является фактором уязвимости к нарушениям эмоциональной сферы [11;163]. Подростки-сироты с ненадежной привязанностью демонстрируют более высокий уровень самооценочной и магической тревожности. У подростков из кровных семей обнаружены статистически достоверные различия по общему

показателю депрессивности и тревожности, сильнее выраженные у подростков с ненадежной привязанностью (табл. П18).

Выводы по разделу 3.5

1. Уровень депрессивной и тревожной симптоматики (эмоциональное неблагополучие) оказался примерно одинаковым в группах сравнения подростков-сирот и подростков, которые проживают в кровной семье. Статистически значимого различия между подростками из приемных семей и другими группами не обнаруживается, хотя средние показатели приемных подростков немного выше. Тем не менее, на уровне тенденции подростки из приемных семей более депрессивны, по сравнению с подростками из кровных семей.

2. Среди подростков-сирот наименьшее количество попало в группу риска по развитию депрессии. Это может быть связано с игнорированием и обесцениванием подростками-сиротами своего внутреннего состояния, трудностями распознавания своих чувств и переживаний, нежеланием сообщать о них окружающим.

3. Подростки общей выборки с ненадежным типом привязанности характеризуются более высокими показателями в виде проявления депрессивных симптомов и симптомов личностной тревожности.

4. Наиболее выраженное эмоциональное неблагополучие наблюдается у подростков-сирот с ненадежной привязанностью. Кроме более высоких показателей депрессивности и тревожности они демонстрируют более высокий уровень самооночной и магической тревожности.

3.6 Исследование связи компонентов социального познания и симптомов эмоционального неблагополучия у подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей

В данном разделе представлены результаты корреляционного анализа связи симптомов эмоционального неблагополучия и компонентов социального познания. После этого с помощью регрессионного анализа исследовались переменные, влияющие на способность к ментализации, в каждой из обследуемых групп.

3.6.1 Исследование связи симптомов эмоционального неблагополучия и компонентов социального познания у подростков-сирот и подростков из приемных и кровных семей

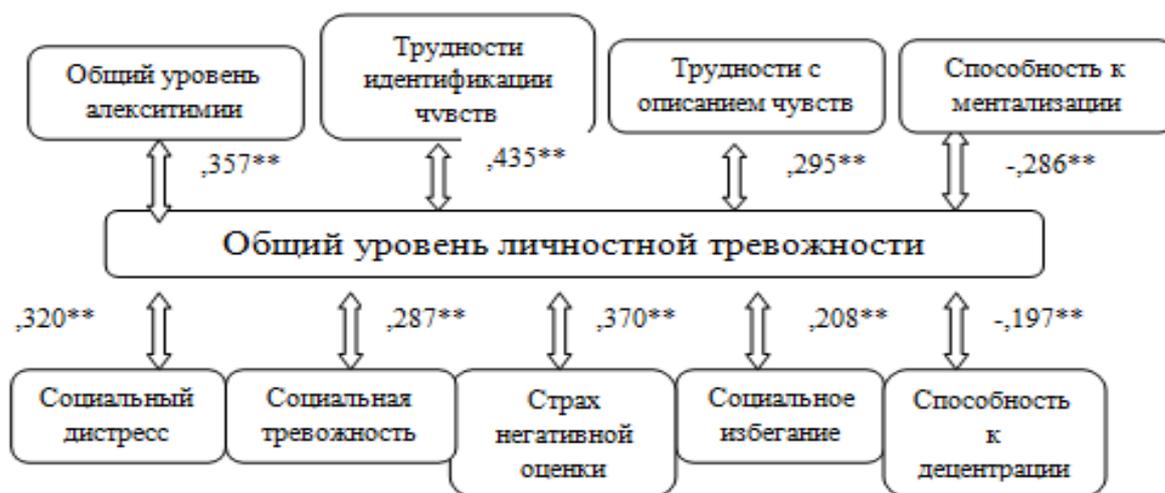
Был проведен корреляционный анализ связи компонентов социального познания с показателями эмоционального неблагополучия в виде проявления депрессивных и тревожных симптомов у подростков из разных групп. Далее на рисунках отражены только те шкалы, в которых были обнаружены значимые связи (полные таблицы представлены в Приложении №5, табл. П19-П22).

Рисунок 3. Связь компонентов социального познания с эмоциональным неблагополучием в виде проявления депрессивных симптомов у подростков в объединенной выборке (шкала «TAS-20-R», шкала SADS, шкала BFNE, шкала RSAS, «Опросник детской депрессивности»)

В общей выборке подростков обнаружены связи между общим показателем депрессивности с операциональным и мотивационным компонентами социального познания (рис. 3). Чем больше трудностей

распознавания и описания собственных чувств, чем выше уровень алекситимии, тем выше показатель депрессивной симптоматики. Чем больше выражена негативная социальная мотивация, тем выше уровень депрессивности.

Рисунок 4. Связь компонентов социального познания с эмоциональным неблагополучием в виде симптомов личностной тревожности у подростков в объединенной выборке (тест «RMET», методика «Определение понятий для другого», шкала «TAS-20-R», шкала SADS, шкала BFNE, «Опросник личностной тревожности»)

У подростков общей выборки показатель личностной тревожности коррелирует с компонентами социального познания (рис. 4). Большое количество трудностей в распознавании психического состояния окружающих людей и своего собственного, снижение способности к осознанной смене позиции связаны с большей выраженностью личностной тревожности. Негативная социальная мотивация в виде выраженной социальной тревожности также связана с более высокими показателями общего уровня тревожности.

Таким образом, эмоционально неблагополучие отражается на процессах социального познания: затрудняются процессы понимания психического состояния (и своего, и состояния других людей), снижается

мотивация к общению. Нарастание дискомфорта, снижение удовольствия от общения, частое использование избегания, затруднения в понимании своих чувств и эмоций негативно влияют на текущее эмоциональное состояние, приводят к усилению депрессивной и тревожной симптоматики.

Обратимся к исследованию связей симптомов эмоционального неблагополучия с компонентами социального познания внутри изучаемых групп. Результаты представлены в виде таблиц (табл. 16-18).

Таблица 16

Связь компонентов социального познания с симптомами эмоционального неблагополучия у подростков-сирот (тест «RМЕТ», шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS, «Опросник детской депрессивности», «Опросник личностной тревожности»)

Компоненты социального познания	Параметры	Общий показатель депрессивности	Общий уровень личностной тревожности
Операционный компонент	Способность к ментализации («RМЕТ»)	-,036	-,351**
	Трудности идентификации чувств («TAS-20-R»)	,388**	,508**
	Трудности с описанием чувств другим людям («TAS-20-R»)	,292*	,490**
	Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	,326*	,499**
Мотивац. комп.	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	,374*	,207
	Соц. дистресс («SADS»)	,311**	,261*
	Соц. избегание («SADS»)	,364**	,123
	Страх негат. соц. оценки («BFNE»)	,252*	,353**
	Соц. ангедония («RSAS»)	,256*	-,047

коэффициент корреляции r-Spearman:

* - $p < 0.05$; ** - $p < 0.01$

У подростков-сирот (табл. 16) операциональный компонент социального познания (понимание своего психического состояния и состояния других людей) связан с проявлениями симптомов депрессии и личностной тревожности. Чем выше уровень тревоги, тем хуже подросткам

удается правильно понять психическое состояние другого человека, труднее описывать и идентифицировать чувства. Социальная мотивация связана с эмоциональным неблагополучием – снижение направленности на общение с другими, повышение дискомфорта во время взаимодействия и избегание контактов связаны с более высоким показателем депрессивности. Дискомфорт в ситуациях социального взаимодействия и страх негативной оценки связаны с более высокими симптомами личностной тревожности.

Иная картина наблюдается у подростков из приемных семей (табл. 17).

Таблица 17

Связь компонентов социального познания с симптомами эмоционального неблагополучия у подростков из приемных семей (шкалы «TAS-20-R», RSAS, «Опросник детской депрессивности»)

Компоненты социального познания	Параметры	Общий показатель депрессивности
Операциональный комп.	Трудности идентификации чувств («TAS-20-R»)	,514*
	Трудности с описанием чувств другим людям («TAS-20-R»)	,725**
	Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	,547**
Мотивац. комп.	Социальная ангедония («RSAS»)	,506*

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman);

** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Как мы видим, связи были обнаружены только с показателем депрессивности (табл. 17). Возрастание депрессивной симптоматики связано со снижением удовольствия от общения с окружающими и нарастанием трудностей в понимании себя, своего психического состояния. С другой стороны, как говорилось выше, попадание из учреждения в приемную семью заставляет подростка-сироту чаще прибегать к рефлексии. Индивидуальное общение, большая включенность взрослых в переживания и эмоциональный опыт приводят к тому, что подросток чаще начинает обращать внимание на

свои чувства, осознавать их. Учитывая, что у детей из детских домов уровень алекситимии выше, навыки рефлексии развиты хуже, попытка разобраться в себе и трудности, с которыми сталкивается подросток, пытаясь понять свое состояние, могут усиливать депрессивную симптоматику.

Таблица 18

Связь компонентов социального познания с симптомами эмоционального неблагополучия у подростков из кровных семей (тест «Глаза», тест «Определение понятий для другого», шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS, «Опросник детской депрессивности», «Опросник личностной тревожности»)

Компоненты социального познания	Параметры	Общий показатель депрессивности	Общий уровень личностной тревожности
Операциональный компонент	Способность к ментализации («RMET»)	-,070	-,250*
	Трудности идентификации чувств («TAS-20-R»)	,303*	,378**
	Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	,207	,304*
Рефлексивный компонент	Способность к децентрации («Определение понятий для другого»)	-,038	-,241*
Мотивационный компонент	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	,416**	,346**
	Соц. дистресс («SADS»)	,351**	,352**
	Соц. избегание («SADS»)	,403**	,261*
	Краткая шкала негат. оценки («BFNE»)	,253**	,396**
	Соц. ангедония («RSAS»)	,510**	,194

коэффициент корреляции r-Spearman:

* - $p < 0.05$; ** - $p < 0.01$

В группе подростков, которые воспитываются в кровной семье (табл. 18), обнаруженные связи в целом похожи на результаты в группе подростков-сирот (табл. 16). Мотивационный компонент также связан с симптомами эмоционального неблагополучия – увеличение уровня социальной тревожности, снижение удовольствия от общения связаны с

более высоким уровнем депрессивности и личностной тревожности. Также личностная тревожность связана с трудностями понимания своего и чужого психического состояния и более низкой способностью к осознанной смене позиции (рефлексивный компонент). Трудности идентификации собственных чувств также связаны с более высоким показателем депрессивности.

Таким образом, обобщая полученные данные, обнаруживаются связи операционального, рефлексивного и мотивационного компонентов социального познания с эмоциональным неблагополучием. Более высокие показатели депрессивности и личностной тревожности связаны с трудностями определения своего психического состояния и состояния окружающих и более выраженной негативной социальной мотивацией. Более низкая способность к смене позиции связана с более выраженным уровнем личностной тревожности.

3.6.2 Исследование влияния симптомов эмоционального неблагополучия и компонентов социального познания на способность к ментализации у подростков-сирот и подростков из приемных и кровных семей

Далее для подтверждения связей отдельных компонентов социального познания с эмоциональным неблагополучием и проверки степени влияния переменных на способность к ментализации был проведен **регрессионный анализ**, результаты которого представлены ниже в виде таблиц и рисунков.

Для построения регрессионной модели социального познания в качестве зависимой переменной была выбрана способность к ментализации (тест «RMET»), а в качестве независимых переменных – другие компоненты социального познания, а также тревога и депрессия как показатели эмоционального неблагополучия. В таблицах с результатами регрессионного анализа указаны переменные, попавшие в модель регрессии методом шагового отбора.

Как видно из таблицы 19, на способность к ментализации у подростков-сирот оказывает влияние совокупность независимых переменных «Страх негативной оценки», «Общий показатель личностной тревожности», «Внешне-ориентированное мышление», «Социальный дистресс». Данная модель позволяет объяснить 45% дисперсии зависимой переменной «способность к ментализации» ($R^2=0,450$). В таблице 19 рядом с каждой переменной-предиктором указан также процент дисперсии, объясняемый совокупностью переменных, стоящих в данной строчке и в строчках выше.

Таблица 19

Влияние компонентов социального познания и показателей эмоционального неблагополучия на способность к ментализации (тест «RMET») у подростков-сирот

Предикторы (независимые переменные)	Зависимая переменная		
	Способность к ментализации («RMET»)		
	β	R^2	Уровень значимости (p)
Страх негативной оценки («BFNE»)	-,346	,187	,013*
Общий показатель личностной тревожности	-,305	,288	,024*
Внешне-ориентированное мышление («TAS-20-R»)	-,374	,367	,007**
Социальный дистресс («SADS»)	-,312	,450	,026*

Достоверность различий при: ** $p < 0,001$; * $p < 0,05$

Отрицательные значения коэффициента β показывают, что у подростков-сирот способность к пониманию психического состояния ухудшается с возрастанием личностной тревожности, нарастанием дискомфорта во время взаимодействия, беспокойством по поводу получения негативной оценки, внешне-ориентированным мышлением (игнорированием собственных переживаний при ориентации на внешние обстоятельства).

Таким образом, трудности в правильном распознавании психического состояния других людей во многом обусловлены личностной и социальной

тревогой, которую испытывают подростки-сироты. При этом тревога (и общее эмоциональное состояние) игнорируется, внутреннему миру придается меньшее значение. Беспокойство и страх контакта с людьми также приводят к трудностям ментализации.

Таблица 20

Влияние компонентов социального познания на способность к ментализации (тест «RMET») у подростков из приемных семей

Предикторы (независимые переменные)	Зависимая переменная		
	Способность к ментализации («RMET»)		
	β	R^2	Уровень значимости (p)
Страх негативной оценки («BFNE»)	-,604	,255	,002**
Социальная ангедония («RSAS»)	-,535	,531	,006**

Достоверность различий при: ** $p < 0,001$; * $p < 0,05$

Табл. 20 показывает, что совокупность независимых переменных «Страх негативной оценки» и «Социальная ангедония» оказывает влияние на способность к ментализации у подростков из приемных семей. Полученная модель объясняет 53,1% дисперсии зависимой переменной ($R^2=0,531$).

Страх получения негативной оценки со стороны других людей, снижение удовольствия от общения с окружающими (в том числе и по причине опасений по поводу негативной оценки) приводят к ухудшению верного распознавания психического состояния других людей (значения коэффициента β отрицательные).

Независимая переменная «Школьная тревожность» (табл. 21) влияет на способность к ментализации у подростков из кровных семей. Данная модель объясняет 25% дисперсии зависимой переменной ($R^2=0,250$).

Способность к распознаванию эмоций по глазам ухудшается с возрастанием школьной тревожности ($\beta=-,500$). Можно предполагать, что тревожность, связанная с обнаружением собственной несостоятельности, не

успешности в учебной деятельности, проверки учебных навыков и знаний в некоторой степени оказывает влияние на правильное понимание психического состояния другого человека. Однако, по-видимому, в качестве факторов, в большей степени влияющих на способность к ментализации, выступают особенности семейного функционирования (особенности коммуникации в семье, семейная структура, семейная идеология), что подтверждается исследованиями [246; 347; 395].

Таблица 21

Влияние компонентов социального познания на способность к ментализации (тест «RMET») у подростков из кровных семей

Предикторы (независимые переменные)	Зависимая переменная		
	Способность к ментализации («RMET»)		
	β	R ²	Уровень значимости (p)
Школьная тревожность («Опросника личностной тревожности»)	-,500	,250	,001**

Достоверность различий при: ** p < 0,001; * p < 0,05

Результаты регрессионного анализа позволяют выделить особенности, характерные для каждой из исследуемых групп. Получившиеся модели регрессии представлены на рисунке 5.

Рисунок 5. Регрессионная модель способности к ментализации у А) подростков-сирот; Б) подростков из приемных семей; В) подростков из кровных семей

Если у подростков-сирот на способность к ментализации в большей степени влияют нарушения эмоциональной сферы (в частности повышение уровня тревоги), которые игнорируются, плохо распознаются и не понимаются самим подростком, то у приемных подростков большее влияние оказывает снижение мотивации – меньшее удовольствие, получаемое в процессе общения и страх негативной оценки. Для подростков из кровных семей, вероятнее всего, решающую роль играют семейные факторы.

Выводы по разделу 3.6

1. Компоненты социального познания связаны с эмоциональным неблагополучием у подростков из всех обследованных групп. Депрессивная симптоматика связана с трудностями распознавания и описания собственных чувств и негативной социальной мотивацией общения. Личностная тревожность связана с трудностями распознавания и описания собственных чувств, трудностями распознавания психического состояния окружающих и осознанной смены позиции, а также с социальной тревожностью.

2. У подростков-сирот депрессивная симптоматика связана как с трудностями распознавания собственных чувств, так с проявлениями негативной социальной мотивации. Личностная тревожность связана как с трудностями распознавания собственных чувств, так и с трудностями правильного понимания психического состояния других людей, социальным дистрессом и страхом получения негативной оценки.

3. У подростков из приемных семей обнаружены связи депрессивной симптоматики с трудностями распознавания собственных чувств и снижением удовольствия от общения с людьми.

4. У подростков из кровных семей личностная тревожность связана с трудностями ментализации (как распознавания своих чувств, так и психического состояния других людей), трудностями осознанной смены позиции, социальной тревожностью. Депрессивная симптоматика связана с

негативной социальной мотивацией и трудностями распознавания собственных чувств.

5. Получены разные регрессионные модели способности к ментализации для каждой из обследуемых групп. Если у подростков-сирот на способность к ментализации влияют страх негативной оценки, личностная тревожность, социальный дистресс и внешне-ориентированное мышление, то у подростков из приемных семей влияние оказывает снижение социальной мотивации – страх негативной оценки и социальная ангедония. Для подростков из кровных семей характерно влияние уровня школьной тревожности, что позволяет предположить наличие семейных факторов, связанных со способностью к ментализации.

Обобщая полученные результаты, можно говорить, что у подростков-сирот обнаруживаются более низкие показатели операционального, рефлексивного и мотивационного компонентов социального познания по сравнению с подростками из кровных семей. Подросткам-сиротам сложнее удастся определить психическое состояние окружающих, им сложнее децентрироваться. Они в большей степени обращают внимание на внешние причины и обстоятельства, чем на собственный внутренний мир. Негативная социальная мотивация также более характерна для подростков-сирот: социальные ситуации вызывают больше дискомфорта и стремления избежать, и в целом общение с окружающими не приносит удовольствия. У подростков-сирот повышение уровня социальной тревожности связано с ухудшением понимания и идентификации собственных чувств, а также игнорированием внутреннего мира при большей ориентации на внешние причины и обстоятельства.

У подростков из приемных семей на уровне тенденции обнаруживается более низкие показатели социальной ангедонии в отличие от подростков-сирот. Другими словами, они больше ориентированы на общение с окружающими людьми, чем подростки-сироты, проживающие в учреждении.

От подростков из кровных семей приемных подростков отличают более высокие показатели эмоционального неблагополучия в виде увеличения депрессивных симптомов, также на уровне тенденции. Но статистически достоверных различий между подростками из приемных семей по сравнению с подростками двух других групп практически не обнаружено. Возможно, отсутствие различий может быть связано с малочисленностью выборки подростков из приемных семей. С другой стороны, исходя из средних значений, подобный результат позволяет предположить, что подростки-сироты, переданные на воспитание в приемные семьи, занимают промежуточное положение между группами. С одной стороны, особенности, характерные для подростков-сирот, воспитывающихся в учреждениях, становятся менее выраженными, а с другой стороны, частично сохраняются, не позволяя говорить о полном сходстве с подростками из кровных семей. Трудности понимания психического состояния окружающих связаны у подростков из приемных семей со страхом получения негативной оценки.

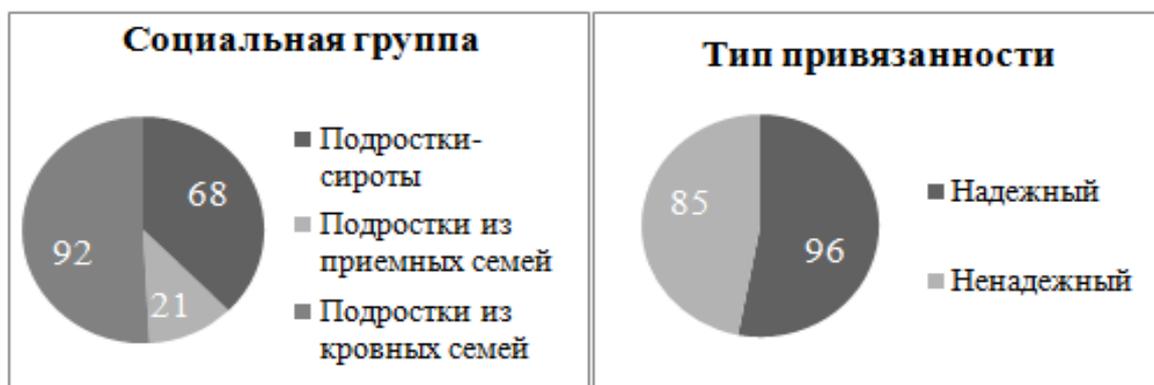
Подростки с ненадежной привязанностью демонстрируют более низкие показатели на уровне всех исследуемых компонентов социального познания и большую выраженность симптомов эмоционального неблагополучия. В следующем разделе будут представлены результаты оценки степени влияния типа привязанности, на исследуемые компоненты социального познания.

3.7 Связь факторов социальной и межличностной ситуации развития с компонентами социального познания и эмоциональным неблагополучием у подростков, оставшихся без попечения родителей

Выдвинутые в исследовании гипотезы проверялись с помощью применения двухфакторного дисперсионного анализа 2-way ANOVA (3x2). В текст работы включены результаты, отражающие полученные значимые влияния.

3.7.1 Исследование совокупного влияния факторов привязанности и социальной группы на компоненты социального познания

Проверялось влияние факторов социальной группы (проживание в детском доме, проживание в приемной семье, проживание в кровной семье) и типа привязанности (надежная, ненадежная) на компоненты социального познания.

Рисунок 6. Распределение подростков (общая выборка) по социальным группам и типу привязанности (N=181)

Таблица 22

Оценка влияния факторов социальной группы и типа привязанности на способность к ментализации методом 2-way ANOVA (3x2), (N=181, обобщенная выборка)

Компоненты социального познания, по которым получены статистически значимые различия	Оценка влияния факторов, уровень значимости p		
	Фактор А: Социальная группа	Фактор В: Тип привязанности	Совокупное влияние факторов А x В
Способность к ментализации («RМЕТ»)	0,000**	0,044*	0,307
ТИЧ (Тр. идентификации чувств, «TAS-20-R»)	0,048*	0,013*	0,298
ТОЧ (Тр. с описанием чувств другим людям, «TAS-20-R»)	0,522	,003**	0,964
ВОМ (Внешне-ориент. мышл., «TAS-20-R»)	0,003**	0,861	0,659
Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	0,088t	0,024*	0,782
Способность к децентрации («Определение понятий для другого»)	0,044*	0,784	0,727

* - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$;

Обнаруживается отдельное влияние факторов (табл. 22). У подростков из разных социальных групп (проживающие в учреждении, приемной семье, кровной семье) выявляются различия в операциональном и рефлексивном компонентах социального познания, что было описано выше (см. табл. 1, приложение №3, табл. П1 и П3). Хуже справляются с заданиями на способность к ментализации подростки-сироты, подростки из приемных семей занимают промежуточное положение между группами, успешнее всего с методиками справляются подростки из кровных семей. Также у подростков выявляются различия в операциональном компоненте в зависимости от типа привязанности, что было описано выше в табл. 10.

Совокупного влияния факторов обнаружено не было.

Результаты оценки влияния выделенных факторов на социальную мотивацию (социальная тревожность, социальная ангедония) представлены в таблице 23.

Таблица 23

Оценка влияния факторов социальной группы и типа привязанности на социальную мотивацию методом 2-way ANOVA (3x2), (N=181, обобщенная выборка)

Компоненты социального познания, по которым получены статистически значимые различия	Оценка влияния факторов, уровень значимости <i>p</i>					
	Фактор А: Социальная группа		Фактор В: Тип привязанности		Совокупное влияние факторов А x В	
	F	Уровень значимости <i>p</i>	F	Уровень значимости <i>p</i>	F	Уровень значимости <i>p</i>
Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	2,372	0,096t	4,821	0,029*	3,422	0,035*
Соц. избегание («SADS»)	1,602	0,204	4,697	0,032*	3,705	0,027*
Соц. дистресс («SADS»)	2,541	0,082t	3,291	0,071t	2,143	0,120
Страх негат. соц. оценки («BFNE»)	1,798	0,169	4,281	0,040*	0,670	0,513
Соц. ангедония («RSAS»)	4,575	0,012*	8,209	0,005**	0,173	0,842

* - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; t –уровень тенденции $0,1 \leq p < 0,05$

Различие по уровню социальной тревожности обнаруживается на уровне тенденции. Обнаруживается устойчивое различие по уровню социальной ангедонии между подростками из разных социальных групп. Подростки-сироты менее комфортно ощущают себя в ситуациях социального взаимодействия, оно приносит им меньше удовольствия по сравнению со сверстниками двух других групп. Подростки из приемных семей занимают промежуточное положение. Это соотносится с ранее приведенными выкладками и позволяет с большой долей вероятности говорить о том, что социальная группа, а именно место проживания подростка (учреждение, приемная или кровная семья) оказывает влияние на социальную мотивацию.

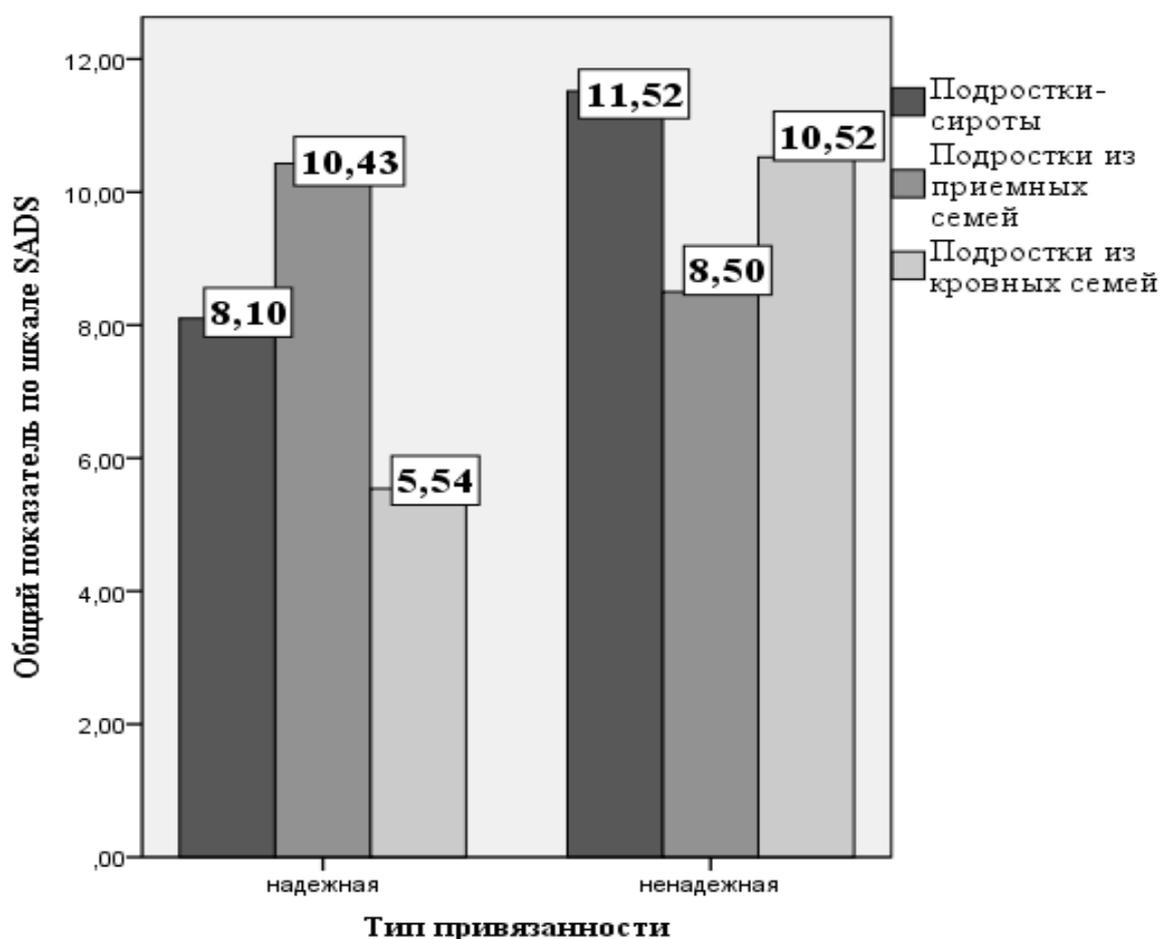
Обнаруживаются различия всех исследуемых компонентов социальной мотивации в зависимости от типа привязанности (табл. 23). Подростки с ненадежной привязанностью (вся выборка) характеризуются более высокими показателями социальной тревожности, испытывают больше дискомфорта во время общения, больше обеспокоены получением негативной оценки, чаще используют стратегию избегания, чем подростки с надежной привязанностью. Обобщенный анализ результатов представленных в табл. 23 и табл. 11 позволяет сделать вывод, что тип привязанности оказывает влияние на мотивационный компонент в виде более выраженной негативной социальной мотивации общения.

Кроме этого было обнаружено совокупное влияние факторов социальной группы и типа привязанности на общий показатель социальной тревожности ($p=,035^*$). Результаты отражены наглядно в диаграмме (см. рис. 7) и таблице (см. табл. 25).

Рисунок 7 показывает, что уровень социальной тревожности среди подростков с надежной привязанностью выше у подростков из приемных семей, немного ниже этот показатель у подростков-сирот и наиболее низкий показатель обнаруживается у подростков, воспитывающихся в кровных семьях.

Можно предположить, что уровень социальной тревожности у подростков из приемных семей повышается в связи с опасениями по поводу возврата в учреждение, переживаниями, связанными со статусом приемного ребенка (в частности, со стигматизацией детей из детских домов). Кроме этого, как уже отмечалось, при попадании в семью подросток становится более эмоционально чувствительный, чаще обращается к своему внутреннему миру, позволяет себе думать про чувства. У подростков-сирот уровень социальной тревожности оказался несколько ниже, что может быть связано с более низкой способностью осознания себя.

Наиболее благополучными оказались подростки из кровных семей с надежным типом привязанности.

Рисунок 7. Показатель социальной тревожности (Шкала SADS) у подростков в зависимости от социальной группы и типа привязанности

У подростков с ненадежным типом привязанности (рис. 7) наблюдается иная картина. Наиболее высокий показатель социальной тревожности демонстрируют подростки-сироты, чуть ниже этот показатель у подростков из кровных семей. И наиболее низкий показатель у подростков из приемных семей. На первый взгляд получен несколько неожиданный результат относительно подростков из приемных семей. Создается впечатление, что подростки с ненадежным типом привязанности хуже понимают и рефлексиируют свое эмоциональное состояние, меньше задумываются о своих переживаниях, но обращают внимание на изменение внешних обстоятельств. Проживание в приемной семье расценивается этими подростками как плюс, позволяющий снизить социальную тревожность, но недооценка всех возможных факторов, повышающих напряжение и дискомфорт, упускается из виду. Все сказанное ранее имеет характер предположения и требует дальнейшей проверки при условии увеличения выборки подростков из приемных семей.

Таблица 24

Данные описательной статистики подростков-сирот, подростков и приемных и подростков из кровных семей с надежной и ненадежной привязанностью по показателю социальной тревожности

Фактор А: Соц. группа	Фактор В: Тип привязанности	Среднее (M)	Стандартное отклонение (SD)	Объем выборки (N)
Подростки- сироты	Надежная	8,10	4,58	39
	Ненадежная	11,52	5,36	29
	Всего	9,56	5,18	68
Подростки из приемных семей	Надежная	10,43	7,98	7
	Ненадежная	8,50	5,11	14
	Всего	9,14	6,08	21
Подростки из кровных семей	Надежная	5,54	4,32	50
	Ненадежная	10,52	6,12	42
	Всего	7,82	5,76	92
Всего	Надежная	6,94	4,95	96
	Ненадежная	10,53	5,74	85
	Всего	8,62	5,62	181

Как можно видеть в табл. 24 и на рис. 7, у подростков-сирот и подростков из кровных семей с ненадежным типом привязанности уровень социальной тревожности выше, чем при надежном типе привязанности. Возможно, фактор привязанности может быть более значимым, чем место проживания подростка. Интерпретация результатов в группе подростков из приемных семей затруднена в связи с малочисленностью выборки.

Обобщая результаты важно отметить, что наименее благополучными оказываются подростки-сироты с ненадежным типом привязанности – уровень социальной тревожности наиболее высок в этой группе.

Совокупное влияние факторов социальной группы и типа привязанности так же было обнаружено для показателя социального избегания ($p=,027^*$). Результаты аналогичны данным, полученным по общему показателю социальной тревожности, и представлены в приложении (см. Приложение №6, рис. П3 и табл. П25). Принадлежность подростка к той или иной социальной группе (проживающих в учреждении, приемной или кровной семье) в совокупности с типом привязанности, оказывает влияние на общий показатель социальной тревожности, и, в частности, на ее поведенческий компонент. Данные двухфакторного дисперсионного анализа позволяют сделать вывод, что негативная мотивация общения в большей степени характерна для подростков-сирот с ненадежной привязанностью.

Таблица 25

Оценка влияния факторов социальной группы и типа привязанности на эмоциональное неблагополучие методом 2-way ANOVA (3x2) (N=181, обобщенная выборка)

Компоненты социального познания, по которым получены статистически значимые различия	Оценка влияния факторов, уровень значимости p		
	Фактор А: Социальная группа	Фактор В: Тип привязанности	Совокупное влияние факторов А x В
Общий показатель депрессивности	0,166	0,003**	0,225
Общий показатель личностной тревожности	0,375	0,001**	0,651

* - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; t - уровень тенденции $0,1 \leq p < 0,05$

Обнаруживаются различия в виде увеличения симптомов депрессии и личностной тревожности в зависимости от типа привязанности (табл. 25). Подростки с ненадежным типом привязанности демонстрируют больше проявлений эмоционального неблагополучия. Совокупного влияния факторов обнаружено не было.

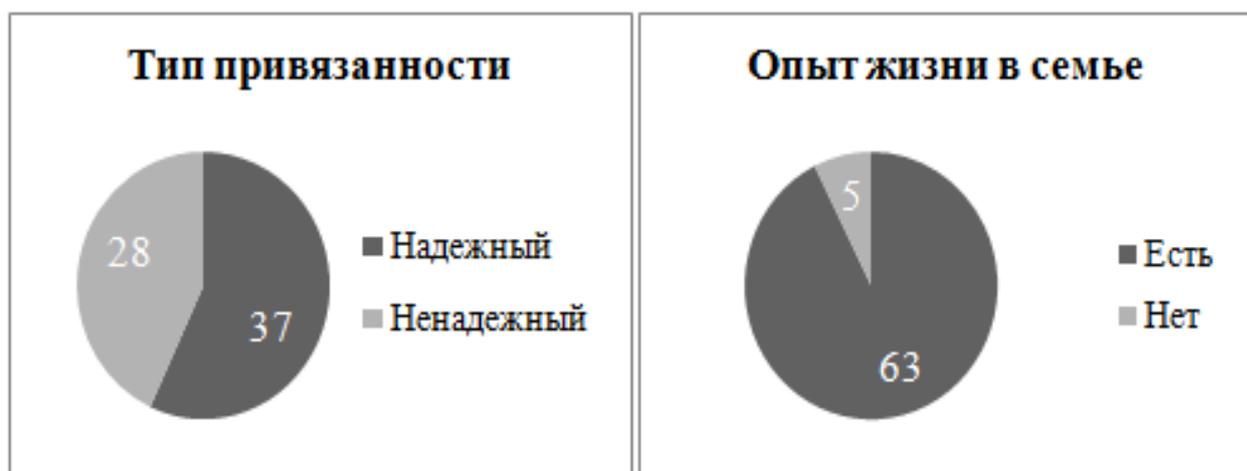
На следующем этапе мы рассмотрели, влияют ли на компоненты социального познания факторы, определяющие социальную и межличностную ситуацию развития подростков-сирот.

3.7.2 Исследование совокупного влияния факторов социальной и межличностной ситуации развития подростков-сирот, на компоненты социального познания

Проверялась гипотеза о влиянии специфики социальной и межличностной ситуации на развитие социального познания у подростков-сирот. Кроме фактора привязанности были выделены факторы, специфичные и характерные для подростков, проживающих в учреждении: отсутствие/наличие опыта жизни в семье, возраст изъятия из кровной семьи, количество перемещений из учреждения в учреждение в течение жизни, срок проживания в учреждении, возвращение из приемной семьи.

Ниже в таблицах приведены только статистически значимые результаты, хотя при подсчетах проверялось влияние всех указанных социальных факторов на изучаемые нами компоненты социального познания. Если при математической обработке статистически значимых результатов получено не было, параметры не указывались в таблицах.

Проверялось совместное влияние факторов привязанности (надежная/ненадежная) и наличия опыта жизни в семье (есть/нет) на компоненты социального познания и симптомы эмоционального неблагополучия у подростков-сирот.

Рисунок 8. Распределение подростков-сирот по типу привязанности и наличию опыта жизни в семье (N=68)

Таблица 26

Оценка влияния факторов привязанности и наличия опыта жизни в семье на способность к ментализации и эмоциональное неблагополучие у подростков-сирот методом 2-way ANOVA (3x2) (N=68)

Компоненты социального познания, по которым получены статистически значимые различия	Оценка влияния факторов, уровень значимости <i>p</i>					
	Фактор А: Тип привязанности		Фактор В: Наличие опыта жизни в семье		Совокупное влияние факторов А x В	
	F	Уровень значимости <i>p</i>	F	Уровень значимости <i>p</i>	F	Уровень значимости <i>p</i>
ТИЧ (Тр. идентификации чувств, «TAS-20-R»)	3,642	,063t	,053	,819	,296	,589

Уровень тенденции *t*: $0,1 \leq p < 0,05$

Результаты показывают (табл. 26), что у подростков-сирот с ненадежным типом привязанности на уровне тенденции обнаруживается больше трудностей в идентификации чувств по сравнению с подростками-сиротами с надежной привязанностью ($M = 19,1$; $M = 13,2$). Совокупного влияния факторов обнаружено не было.

Обнаруживаются различия по уровню социальной тревожности у подростков-сирот с опытом и без опыта жизни в семье (табл. 27). Подростки-сироты, проживающие в учреждениях с рождения, в среднем имеют более

высокие показатели социальной тревожности ($M = 14,4$), по сравнению с подростками, имеющими опыт проживания в кровной семье ($M = 9,2$). На уровне тенденции также обнаружены различия по показателю социального дистресса – он выше у подростков без опыта жизни в семье ($M = 7,4$), по сравнению с группой сравнения ($M = 4,6$). Совокупного влияния факторов обнаружено не было.

Таблица 27

Оценка влияния факторов типа привязанности и наличия опыта жизни в семье на социальную мотивацию у подростков-сирот методом 2-way ANOVA (3x2) (N=68)

Компоненты социального познания, по которым получены статистически значимые различия	Оценка влияния факторов, уровень значимости p					
	Фактор А: Тип привязанности		Фактор В: Наличие опыта жизни в семье		Совокупное влияние факторов А x В	
	F	Уровень значимости p	F	Уровень значимости p	F	Уровень значимости p
Общий показатель соц.тревожности (SADS)	1,471	,230	4,201	,045*	,039	,844
Соц. дистресс (SADS)	,321	,573	3,447	,068t	,467	,497

* - $p < 0,05$; t –уровень тенденции $0,1 \leq p < 0,05$

Таблица 28

Оценка влияния факторов привязанности и наличия опыта жизни в семье на эмоциональное неблагополучие методом 2-way ANOVA (3x2) (N=68)

Компоненты социального познания, по которым получены статистически значимые различия	Оценка влияния факторов, уровень значимости p					
	Фактор А: Тип привязанности		Фактор В: Наличие опыта жизни в семье		Совокупное влияние факторов А x В	
	F	Уровень значимости p	F	Уровень значимости p	F	Уровень значимости p
Самооценочная тревожность (Опросник личностной тревожности)	4,927	,030*	2,605	,111	1,212	,275

* - $p < 0,05$

Как показано в таблице 28, подростки-сироты с ненадежным типом привязанности демонстрируют более высокие показатели самооценочной тревожности ($M=13,8$), по сравнению с сиротами с надежной привязанностью ($M = 10,2$). Совокупного влияния факторов обнаружено не было.

Возраст изъятия из кровной семьи был разделен на 4 диапазона: ранний, дошкольный, младший школьный и подростковый. Так как двухфакторный дисперсионный анализ предполагает использование переменных с 2 или 3 градациями, проводилось несколько подсчетов с 3 градациями, для учета всех возрастных диапазонов.

Рисунок 9. Распределение подростков-сирот по типу привязанности и возрасту изъятия из кровной семьи ($N=68$)

Сравнение подростков-сирот, которые были изъятые из кровных семей в раннем (до 3 лет), дошкольном (до 6 лет) и младшем школьном (до 11 лет) возрасте, обнаружило различия по уровню эмоционального неблагополучия в зависимости от типа привязанности (табл. 30). У подростков с надежным типом привязанности на уровне тенденции ниже уровень личностной тревожности ($p=,061t$) и меньше симптомов депрессии ($p=,012^*$). Также обнаруживается различие в способности к ментализации: подростки с надежной привязанностью справляются с этой задачей лучше, чем подростки с ненадежной привязанностью.

Получено совместное влияние факторов привязанности и возраста изъятия (ранний, дошкольный или младший школьный) из кровной семьи на способность к ментализации.

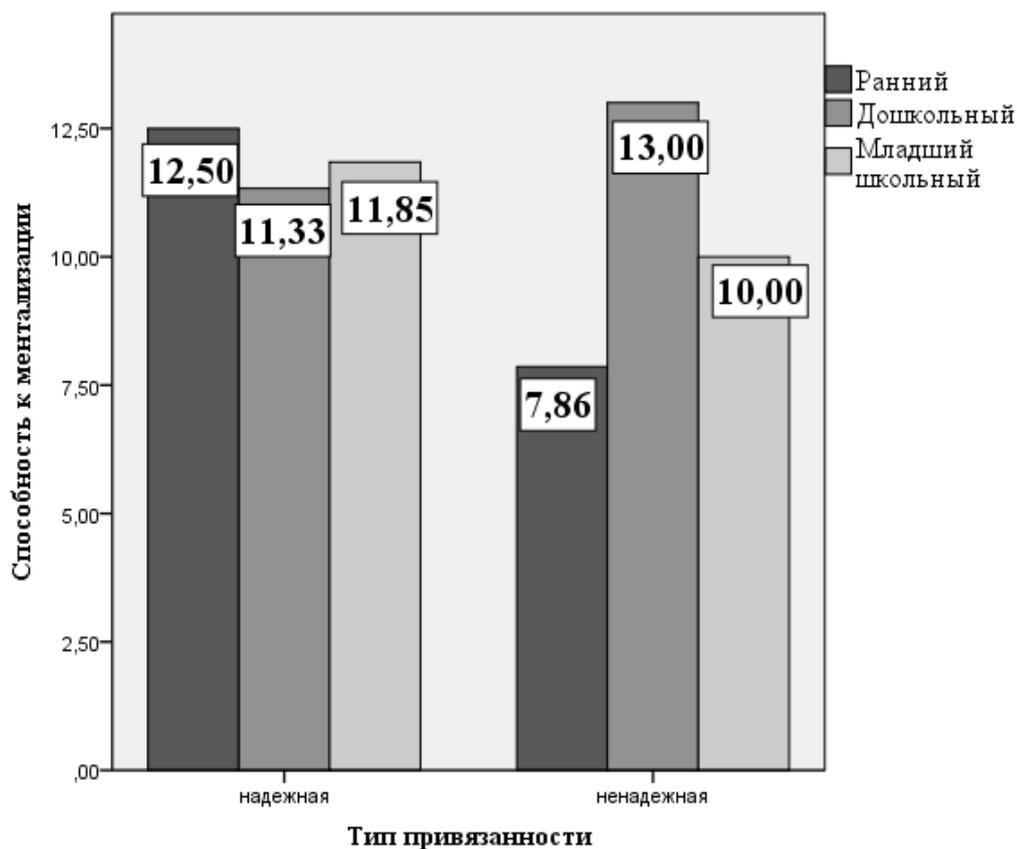
Таблица 29

Оценка влияния факторов привязанности и наличия опыта жизни в семье на компоненты социального познания и эмоциональное неблагополучие у подростков-сирот методом 2-way ANOVA (3x2)

Компоненты социального познания, по которым получены статистически значимые различия	Оценка влияния факторов, уровень значимости <i>p</i>					
	Фактор 1: Привязанность		Фактор 2: Возраст, в котором ребенок изъят из кровной семьи		Совокупное влияние факторов 1 x 2	
	F	Уровень значимости <i>p</i>	F	Уровень значимости <i>p</i>	F	Уровень значимости <i>p</i>
Изъятие в раннем (до 3 лет), дошкольном (до 6 лет) и младшем школьном (до 11 лет) возрасте						
Способность к ментализации («RMET»)	5,056	,029*	2,166	,126	5,343	,008**
Общий уровень личностной тревожности	3,693	,061t	,714	,495	,263	,770
Общий уровень депрессивности	6,922	,012*	,948	,395	,983	,382
Изъятие в раннем (до 3 лет), дошкольном (до 6 лет) и подростковом (с 12 лет) возрасте						
Способность к ментализации («RMET»)	2,315	,137	3,945	,029*	10,138	,000**
Страх негативной социальной оценки («BFNE»)	1,178	,285	3,375	,034*	4,140	,024*
Социальный дистресс («SADS»)	,232	,633	4,579	,017*	1,821	,177

* - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$; t - уровень тенденции $0,1 \leq p < 0,05$

Совместное влияние факторов привязанности и возраста изъятия из кровной семьи отражено на рисунке 10. Описательная статистика представлена в Приложении №6, табл. П26.

Рисунок 10. Показатель способности к ментализации (тест «RMET») у подростков-сирот в зависимости от типа привязанности и возраста изъятия из кровной семьи

При надежном типе привязанности наиболее высокие показатели способности к ментализации обнаруживаются у подростков-сирот, изъятых из кровной семьи в раннем возрасте. Подростки-сироты, изъятые в дошкольном (до 6 лет) и младшем школьном (до 11 лет) возрасте, демонстрируют примерно одинаковые результаты по способности понимания психического состояния окружающих людей.

Можно предполагать, что дети, которые были изъятые из неблагополучных семей в раннем возрасте, смогли избежать чрезмерной травматизации, и условия в учреждениях, в которые они попали, позволили им сформировать надежную привязанность. Изъятие в дошкольном (до 6 лет) и младшем школьном (до 11 лет) возрасте могло привести к тому, что

ребенок более длительное время находился в асоциальной среде под воздействием неблагоприятных семейных факторов.

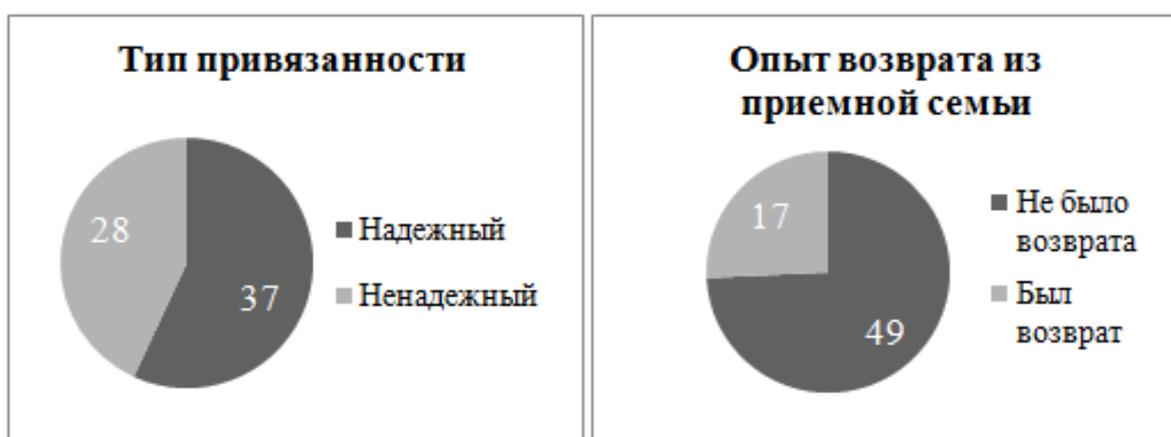
При ненадежном типе привязанности, напротив, те подростки-сироты, которые были изъяты из семьи в раннем возрасте, демонстрируют наибольшее количество трудностей в понимании психического состояния. Меньше нарушений обнаруживается у подростков-сирот, изъятых в дошкольном возрасте. Известно, что дошкольный возраст является сензитивным периодом для активного развития и становления модели психического, способности к децентрации и эмпатии [63; 100]. Возможно, изъятие из кровной семьи в дошкольном детстве дает ребенку возможность сформировать основу, хотя и не очень надежную, для развития ментализации в дальнейшем. Это предположение согласуется с ранее проведенными исследованиями [6]. Наибольший дефицит способности к ментализации обнаруживается у подростков с ненадежным типом привязанности, изъятых из кровной семьи в раннем возрасте, так в этом случае ребенок не успевает сформировать базу для развития этой способности.

Эти объяснения остаются на уровне предположений, так как группы сравнения малочисленны. Остается неясным, где именно подростки-сироты, изъятые в раннем, дошкольном или младшем школьном возрастом сформировали надежную привязанность – в кровной семье, из которой были изъяты или в учреждении, в котором оказались. По данным некоторых исследователей, наличие раннего опыта взаимоотношений с матерью позволяет сформировать замещающую привязанность [6]. Возможно влияние факторов, которые не могли быть учтены нами в рамках данного исследования, а более вероятны для учета в рамках лонгитюдного исследования. Например, персональные отношения с кем-либо из сотрудников детского дома, наличие родственников, которые посещают ребенка, общение с персональным волонтером, более структурированные условия проживания, в отличие от проживания в хаотичной семейной среде.

С другой стороны, не исключена вероятность формирования надежной привязанности к кому-то из членов семьи, кто проявлял внимание и заботу – бабушке, дедушке, брату или сестре и т.д.. Эти факторы могли способствовать формированию надежной привязанности, а также развитию способности к ментализации.

Добавление в качестве группы сравнения сирот, изъятых в подростковом возрасте, подтверждает данные о совместном влиянии факторов привязанности и возраста изъятия из кровной семьи, о чем было сказано выше (описательная статистика см. приложение №6, табл. П27). Но при этом у сирот (вне зависимости от типа привязанности), которые были изъяты в подростковом возрасте, способность к ментализации не различается.

Дополнительно получен результат о совокупном влиянии типа привязанности и возраста изъятия из кровной семьи на показатель страха негативной оценки. По данным описательной статистики сильнее всего он выражен у подростков-сирот с ненадежной привязанностью, изъятых в раннем возрасте. У подростков с надежной привязанностью вне зависимости от возраста изъятия уровень страха негативной оценки одинаков (см. Приложение №6, табл. П28).

Рисунок 11. Распределение подростков-сирот по типу привязанности и возвращению из приемной семьи (N=66)

Оценка влияния факторов привязанности и возвращения из приемной семьи на способность к ментализации и децентрации у подростков-сирот методом 2-way ANOVA (3x2) (N=66)

Компоненты социального познания, по которым получены статистически значимые различия	Оценка влияния факторов, уровень значимости <i>p</i>					
	Фактор 1: Привязанность		Фактор 2: Наличие опыта возвращения из приемной семьи		Совокупное влияние факторов 1 x 2	
	F	Уровень значимости <i>p</i>	F	Уровень значимости <i>p</i>	F	Уровень значимости <i>p</i>
Способность к ментализации («RМЕТ»)	10,690	,002**	,810	,372	4,445	,039*
Способность к децентрации («Определение понятий для другого»)	,362	,550	,025	,875	4,612	,036*

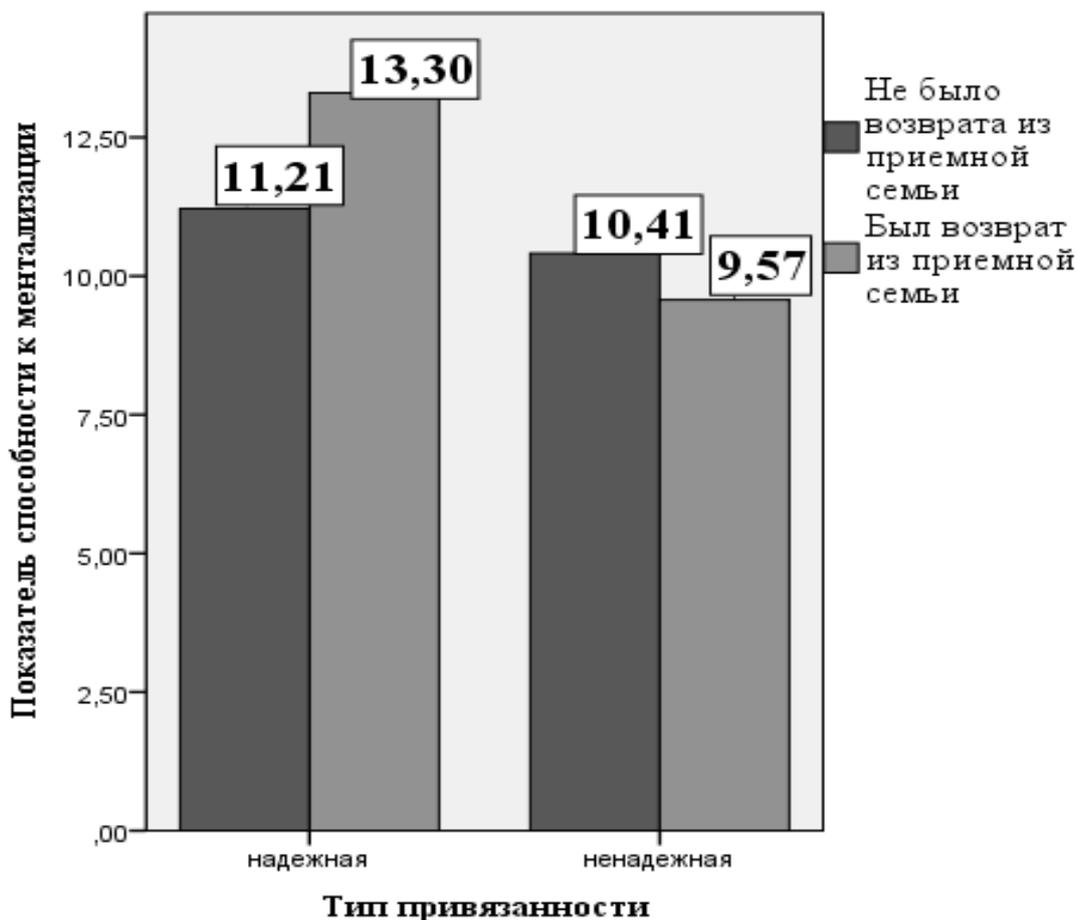
* - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$

Обнаружено совокупное влияние факторов привязанности и возвращения из приемной семьи на операциональный и рефлексивный компоненты социального познания (табл. 30).

Описательная статистика для подгрупп подростков-сирот с разным типом привязанности и возвращением из приемной семьи по способности к ментализации

Фактор 1: Привязанность	Фактор 2: Наличие опыта возвращения из приемной семьи	Среднее (M)	Стандартное отклонение (SD)	Объем выборки (N)
Надежный	Не было возврата	11,21	2,28	28
	Был возврат	13,30	1,64	10
	Всего	11,76	2,31	38
Ненадежный	Не было возврата	10,41	2,95	22
	Был возврат	9,57	2,07	7
	Всего	10,21	2,76	29
Всего	Не было возврата	10,86	2,60	50
	Был возврат	11,76	2,59	17
	Всего	11,09	2,61	67

Рисунок 12 отражает совокупное влияние факторов на способность к пониманию психического состояния других людей. Описательная статистика представлена в табл. 31.

Рисунок 12. Показатель способности к ментализации (тест «RMEF») у подростков-сирот в зависимости от типа привязанности и возвращения из приемной семьи

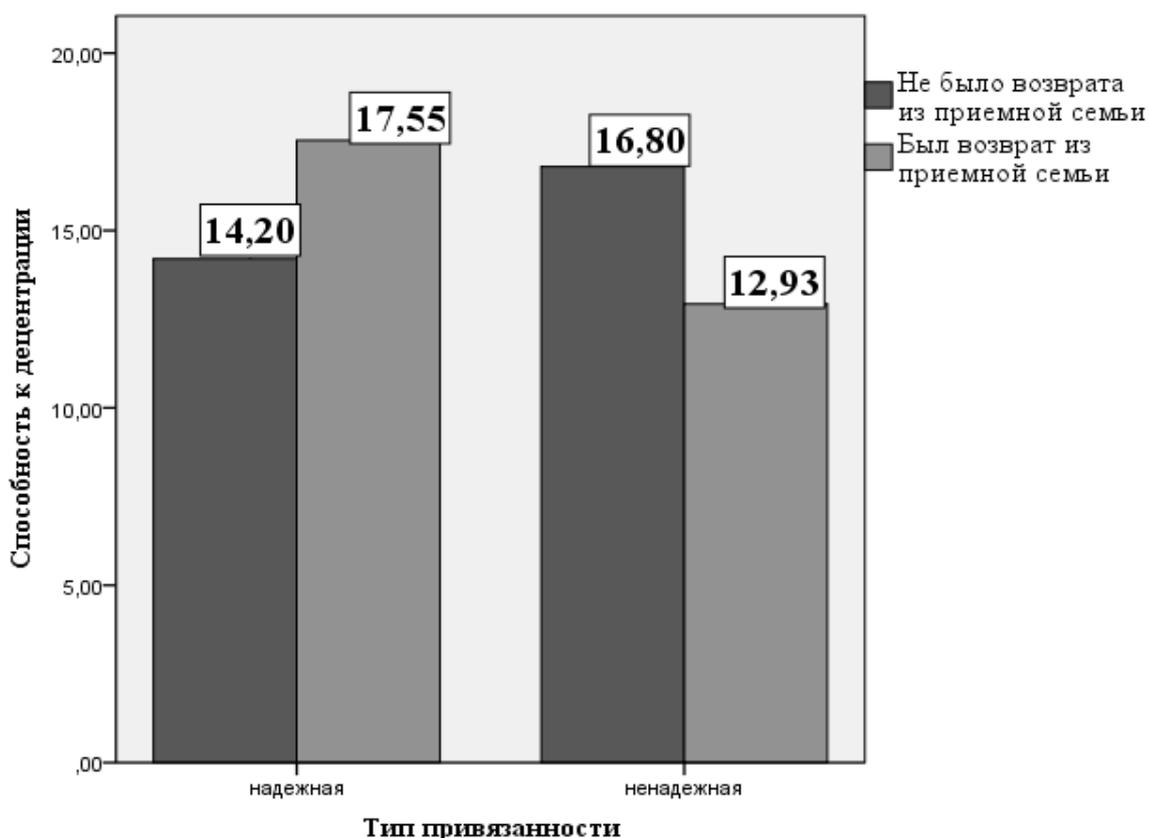
Среди подростков-сирот с надежной привязанностью показатель способности к ментализации выше у тех, кто был возвращен из приемной семьи. Среди подростков-сирот с ненадежным типом привязанности способность к ментализации, напротив, выше у тех, кто не имел опыта возвращения из приемной семьи.

Вероятно, у подростков с надежным типом привязанности способность к верному распознаванию психического состояния окружающих людей изначально выше, поэтому травматический опыт возврата не ухудшает эту

способность. Это подтверждает гипотезу, что основой для способности к ментализации является сформированный тип привязанности и эта способность остается стабильной даже при наличии травмирующего опыта возврата в сиротское учреждение.

Данные также показывают, что более успешны в распознавании психического состояния подростки-сироты с надежной привязанностью вне зависимости от наличия опыта возвращения из приемной семьи – это различие подтверждается статистически (табл. 30).

На рисунке 13 отражено совокупное влияние факторов привязанности и возвращения из приемной семьи на способность к децентрации (рефлексивный компонент социального познания). В табл. 32 представлена описательная статистика.

Рисунок 13. Показатель способности к децентрации (методика «Определение понятий для другого») у подростков-сирот в зависимости от типа привязанности и возвращения из приемной семьи

Данные описательной статистики подростков-сирот с надежной и ненадежной привязанностью и наличием опыта возвращения из приемной семьи по способности к децентрации

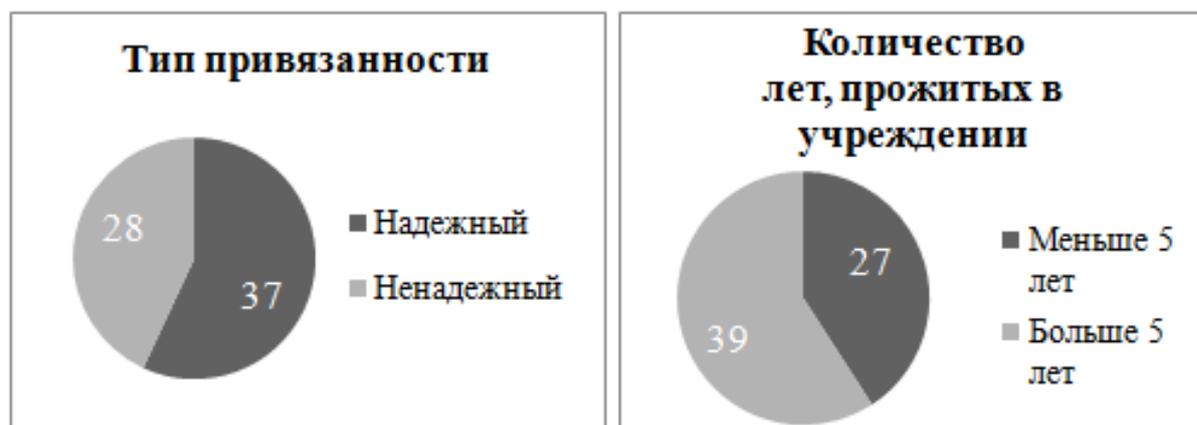
Фактор 1: Привязанность	Фактор 2: Наличие опыта возвращения из приемной семьи	Среднее (M)	Стандартное отклонение (SD)	Объем выборки (N)
Надежный	Не было возврата	14,20	6,14	27
	Был возврат	17,55	7,44	11
	Всего	15,17	6,62	38
Ненадежный	Не было возврата	16,80	5,01	20
	Был возврат	12,93	4,76	7
	Всего	15,80	5,15	27
Всего	Не было возврата	15,31	5,77	47
	Был возврат	15,75	6,78	18
	Всего	15,43	6,02	65

Так, при надежном типе привязанности у подростков-сирот, которые были возвращены из приемной семьи, способность к осознанной смене позиции выше, чем у подростков-сирот без подобного опыта.

Напротив, при ненадежном типе привязанности способность к децентрации выше у подростков-сирот без наличия опыта возвращения из приемной семьи.

Как мы видели выше, та же тенденция обнаруживается и в способности к ментализации (рисунок 12). Интересно, что отдельного статистически значимого различия в способности к децентрации получено не было (табл. 30). Способность к децентрации онтогенетически формируется позже, чем способность к ментализации, и, следовательно, является более обратимым навыком. Можно предположить, что в условиях возврата из приемной семьи на основе надежной привязанности подросток в состоянии сохранить эту способность (и в том числе имеет больше ресурсов посмотреть на травмирующую ситуацию «с разных сторон», что позволяет лучше справиться с переживаниями). Подросток с ненадежной привязанностью сталкиваясь с опытом возвращения из приемной семьи в меньшей степени

способен смотреть на ситуации, осознанно ставя себя на место другого человека. Вероятно, подобный опыт подтверждает и еще больше закрепляет неадаптивные убеждения об отношениях с другими людьми (ненадежная привязанность) и не дает возможности смотреть на ситуацию глазами другого человека.

Рисунок 14. Распределение подростков-сирот по типу привязанности и количеству прожитых в учреждении лет (N=65)

Таблица 33

Влияние факторов привязанности и количества прожитых в учреждении лет, на способность к ментализации и эмоциональное неблагополучие у подростков-сирот методом 2-way ANOVA (3x2) (N=65)

Компоненты социального познания, по которым получены статистически значимые различия	Оценка влияния факторов, уровень значимости <i>p</i>					
	Фактор 1: Привязанность		Фактор 2: Количество прожитых в учреждении лет		Совокупное влияние факторов 1 x 2	
	F	Уровень значимости <i>p</i>	F	Уровень значимости <i>p</i>	F	Уровень значимости <i>p</i>
Способность к ментализации («RMET»)	6,811	,011*	1,250	,268	,008	,929
Трудности идентификации чувств («TAS-20-R»)	10,595	,002**	,333	,567	2,660	,111
ТОЧ (Тр. с описанием чувств другим людям, «TAS-20-R»)	5,506	,024*	,088	,768	4,223	,046*

* - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$

Сравнение подростков-сирот обнаружило значимые различия операционального компонента социального познания в зависимости от типа

привязанности (табл. 33). Подростки с надежным типом привязанности демонстрируют меньше трудностей в способности к ментализации, лучше осознают и идентифицируют собственные чувства.

Кроме этого, было обнаружено совокупное влияние факторов привязанности и количества лет, прожитых в учреждении на умение описывать свои чувства другим людям (см. Приложение №6, табл. П29, рис. П4).

Среди подростков с надежным типом привязанности, те, кто прожил в учреждении дольше, чем 5 лет, обнаруживается больше трудностей в понимании своих чувств. В учреждении подросток реже обращается к своим чувствам и переживаниям, меньше говорит об этом с другими. Вероятно, что при более длительном проживании в институциональной системе, навыки рефлексии развиваются медленней, подростку становится сложнее определить свое психическое состояние и подобрать нужные слова, чтобы описать их другому человеку.

При ненадежном типе привязанности описать свои чувства труднее подросткам, проживающим в учреждении менее 5 лет. Можно предполагать, что выявленные трудности могут быть связаны с медленно перерабатываемым стрессом изъятия из семьи или перемещением в другое учреждение – привычный порядок жизни резко меняется, возникает необходимость привыкнуть и адаптироваться к новому коллективу детей и взрослых, новым правилам и ограничениям. Для подростка с ненадежной привязанностью смена обстановки является более сильным стрессом, чем для подростка с надежной привязанностью. Требуется больше времени для того, чтобы начать чувствовать себя комфортно и описывать окружающим свое внутреннее состояние.

Сравнение подростков-сирот показало значимые различия по уровню эмоционального неблагополучия в зависимости от типа привязанности (табл. 34).

Оценка влияния факторов привязанности и количества лет, прожитых в учреждении, на эмоциональное неблагополучие у подростков-сирот методом 2-way ANOVA (3x2) (N=65)

Компоненты социального познания, по которым получены статистически значимые различия	Оценка влияния факторов, уровень значимости <i>p</i>					
	Фактор 1: Привязанность		Фактор 2: Количество прожитых в учреждении лет		Совокупное влияние факторов 1 x 2	
	F	Уровень значимости <i>p</i>	F	Уровень значимости <i>p</i>	F	Уровень значимости <i>p</i>
Общий уровень депрессивности	5,023	,029*	,026	,873	,001	,976
Межличностная тревожность («Опросник личностной тревожности»)	1,067	,306	,491	,486	4,801	,032*
Общий уровень личностной тревожности	7,944	,006**	,312	,578	2,653	,108

* - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$

Так, у подростков-сирот с ненадежным типом привязанности более высокие показатели общего уровня депрессивности и тревожности по сравнению со сверстниками с надежной привязанностью.

Кроме этого, обнаружено совокупное влияние факторов на уровень межличностной тревожности (см. Приложение №6, табл. П30, рис. П5). Наблюдается похожая тенденция, обнаруженная при совокупном влиянии на трудности осознания чувств.

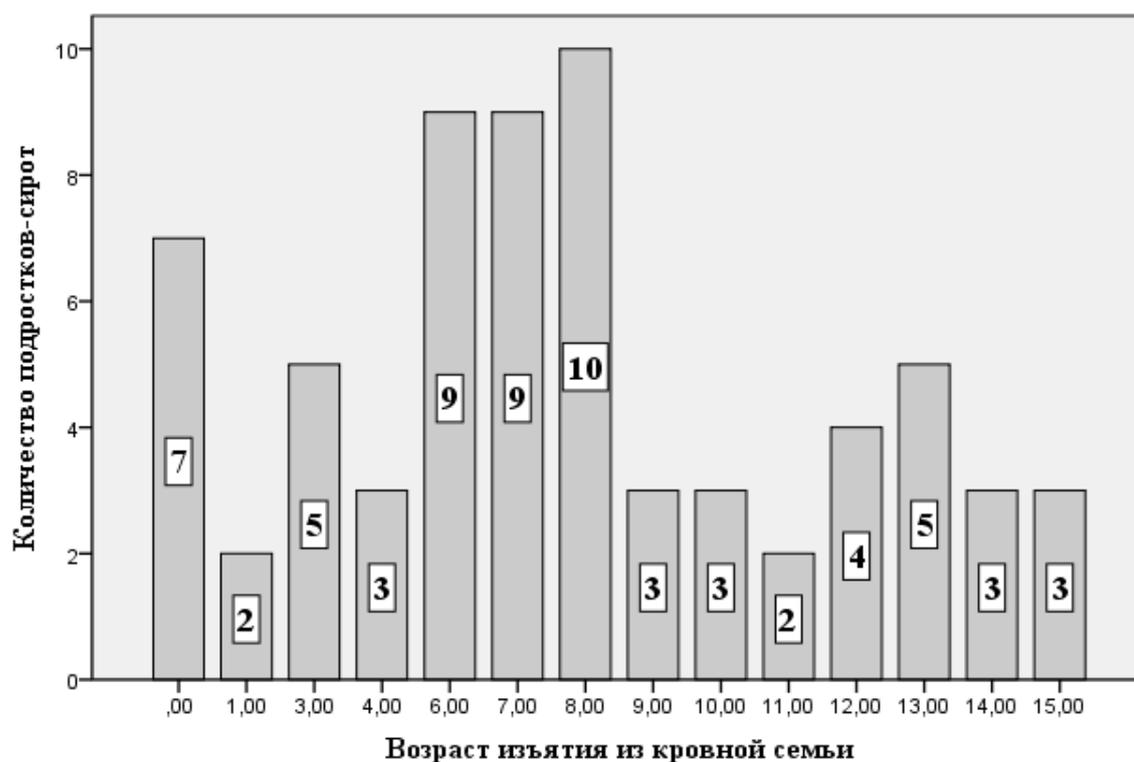
Так, среди подростков-сирот с надежной привязанностью уровень межличностной тревожности выше у тех, кто прожил в учреждении дольше. Вероятно, что тревога накапливается в зависимости от количества лет, проведенных в учреждении.

Среди подростков-сирот с ненадежным типом привязанности уровень межличностной тревоги выше у тех, кто, напротив, проживает в учреждении меньше 5 лет. Вероятно, что более длительное проживание в учреждении позволяет подростку с ненадежным типом привязанности адаптироваться и привыкнуть к общению с окружающими его людьми, чувствовать себя более

комфортно среди привычного и знакомого окружения, что позволяет испытывать меньше тревоги.

На рисунках 15 и 16 представлено количественное распределение подростков-сирот по двум переменным: возраст изъятия из кровной семьи и количество перемещений из учреждения в учреждение в течение жизни. Далее с помощью корреляционного анализа были получены связи этих переменных с компонентами социального познания (табл. 35).

Распределение подростков-сирот по возрасту изъятия из кровной семьи (N=68)

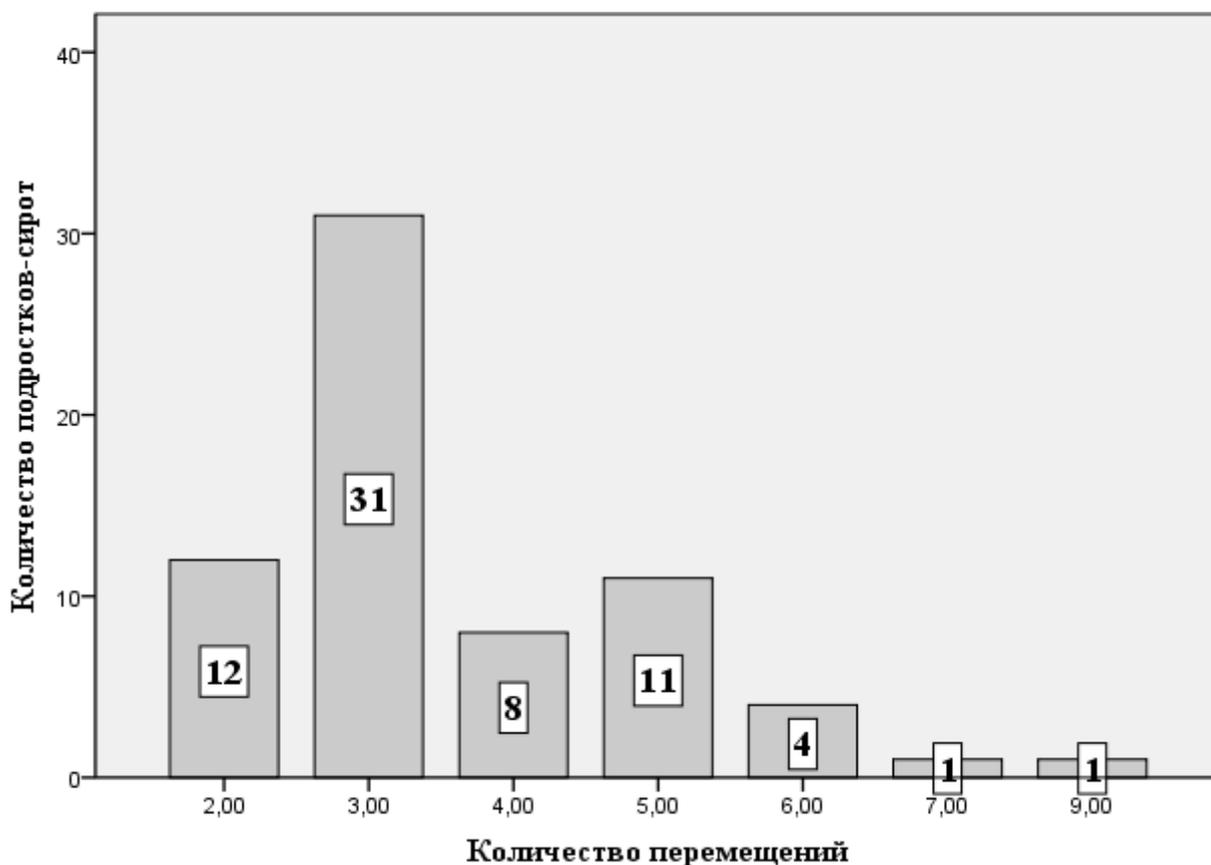

Рисунок 15. Количественное распределение подростков-сирот по возрасту изъятия из кровной семьи (N=68)

Как показывает рисунок 15, примерно треть подростков выборки были изъятые из семьи в возрасте 6-8 лет (28 человек). Часто бывает, что неблагополучная семья оказывается в поле зрения органов опеки и попечительства в период, когда ребенок начинает (или, напротив, не начинает) школьное обучение. В частности, учителя могут обратить внимание специалистов, что родители не уделяют достаточного внимания

ребенку (ребенок голоден, плохо ухожен, брошен, имеет следы побоев и т.д.) или поступает информация, что ребенок не записан в образовательное учреждение. Также мы видим, что ребенок часто изымается в возрасте до 2 лет – в этом случае сигнал часто поступает из медицинского учреждения (ребенок не наблюдается в поликлинике и т.д.).

Количество перемещений в течение жизни (N=68)

Рисунок 16. Количество перемещений между учреждениями в течение жизни (N=68)

Перемещение из одной организации для детей-сирот в другую является травматическим опытом. Ребенок вынужден разрывать сложившиеся связи, вливаться в новый коллектив, строить отношения заново и никогда не может знать наверняка о том, будет он или не будет переведен в новую организацию. Обычно ребенок изымался из кровной семьи и помещался в приют (до получения официального статуса, который появлялся при лишении родителей прав), а затем переводился в детский дом. В течении

жизни в силу разных причин и обстоятельств детей и подростков переводили из одного детского дома в другой (например, в случае реорганизации учреждения). Кроме того, часть подростков были помещены в приемные или опекунские семьи, но затем снова возвращены в учреждение. Мы видим, что в среднем, подростки, принявшие участие в исследовании, сменили 3 учреждения.

Таблица 35

Связь возраста изъятия из кровной семьи и количества перемещений в течение жизни с компонентами социального познания (шкалы «TAS-20-R», SADS, RSAS)

Параметры	Возраст изъятия из кровной семьи	Количество перемещений в течение жизни
Трудности с описанием чувств другим людям («TAS-20-R»)	-,234	,309*
Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	-,168	,295*
Общий уровень социальной тревожности («SADS»)	-,258*	,165
Социальный дистресс («SADS»)	-,279*	,131
Социальная ангедония («RSAS»)	-,022	,283*

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Обнаружена связь между возрастом изъятия из кровной семьи и показателями социальной тревожности. Чем в более раннем возрасте ребенок был помещен в учреждение, тем больше дискомфорта в социальных контактах он испытывает. Чем больше перемещений из учреждения в учреждение было у ребенка в течение жизни, тем меньше удовольствия он получает от общения с окружающими людьми, имеет более высокие показатели алекситимии, испытывает больше трудностей в описании собственных чувств.

Выводы по разделу 3.7

1. Данные двухфакторного дисперсионного анализа обнаруживают разницу в уровне развития компонентов социального познания

(операционального, рефлексивного, мотивационного) у подростков в зависимости от социальной группы. Наибольшее количество трудностей демонстрируют подростки-сироты. Подростки из приемных семей занимают промежуточное положение между группами. Наиболее высокие показатели изучаемых компонентов социального познания обнаруживаются у подростков, воспитывающихся в кровных семьях.

2. Различия по уровню выраженности эмоционального неблагополучия обнаруживаются у подростков в зависимости от типа привязанности, а не от социальной группы. Подростки с ненадежной группы демонстрируют больше симптомов депрессивности и личностной тревожности.

3. Факторы социальной и межличностной ситуации развития подростков ОБПР, оказывают влияние на развитие компонентов социального познания как сами по себе, так и в совокупности с фактором привязанности.

4. Подростки без опыта жизни в семье более социально-тревожные, испытывают больше дистресса при социальном взаимодействии.

5. Возраст изъятия из кровной семьи влияет на способность к ментализации. Чем в более раннем возрасте ребенок был помещен в учреждение, тем больше обнаруживает трудностей ментализации. Возраст изъятия из кровной семьи в сочетании с типом привязанности показывает, что наиболее низкие показатели ментализации характерны для подростков с ненадежным типом привязанности, изъятых из семьи в раннем возрасте. Ранее изъятие из семьи приводит к повышению социальной тревожности. Наиболее высокие показатели страха негативной оценки демонстрируют подростки с ненадежным типом привязанности, изъятые из кровной семьи в раннем возрасте.

6. Опыт возвращения из приемной семьи оказывает влияние на способность к ментализации и децентрации в совокупности с типом привязанности. Подростки-сироты с надежной привязанностью

обнаруживают меньше трудностей ментализации, даже если имеют опыт возвращения из приемной семьи. Среди подростков-сирот с надежной привязанностью способность к осознанной смене позиции выше у тех, кто был возвращен из приемной семьи. Среди подростков с ненадежной привязанностью показатели ментализации и децентрации ниже, если подросток был возвращен из приемной семьи. Надежная привязанность смягчает последствия травмы возврата в учреждение, в то время как при ненадежной привязанности, напротив, травмирующий возврата из приемной семьи позволяет подростку-сироте «подтвердить» и укрепить негативные убеждения относительно себя и других людей.

7. Количество лет, прожитых в учреждении, в совокупности с типом привязанности по-разному влияет на способность к описанию чувств и межличностную тревожность. Подростки-сироты с надежной привязанностью, чем дольше живут в учреждении, тем им труднее описывать свое внутреннее состояние и тем больше тревоги они обнаруживают в межличностном взаимодействии. Подростки-сироты с ненадежной привязанностью демонстрируют обратное: более длительное проживание в учреждении связано с меньшими трудностями описания чувств и меньшим показателем тревоги в межличностном взаимодействии.

8. Анализ личных дел воспитанников учреждения показывает, что практически половина подростков сменили за свою жизнь 3 учреждения. Большое количество перемещений из учреждения в учреждение связано с трудностями описания своих чувств и снижению удовольствия от общения с окружающими.

Таким образом, результаты двухфакторного дисперсионного анализа обнаруживают различия в компонентах социального познания между исследуемыми группами. Подростки-сироты в меньшей степени ориентированы на взаимодействие с окружающими людьми, испытывают больше дистресса. Подростки из приемных семей занимают промежуточное

положение. Эти данные в очередной раз подчеркивают, что проживание вне семьи негативно сказывается на коммуникативной сфере подростков, способствует формированию негативной мотивации общения, что в дальнейшем приводит к трудностям социализации в самостоятельной жизни.

Ненадежная привязанность негативно влияет на все исследуемые компоненты социального познания и эмоциональное неблагополучие.

Исследование отдельных факторов социальной ситуации подростков-сирот обнаруживает различия в уровне развития компонентов социального познания как отдельно, так и в совокупности с типом привязанности, сформированным у подростка-сироты.

Обсуждение результатов

В основу исследования социального познания у подростков ОБПР (подростков-сирот), была взята многофакторная комплексная модель социального познания [63; 71]. Модель включает в себя два связанных между собой уровня – регуляторный и исполнительный. В нашем исследовании изучались операциональный (исполнительный уровень), рефлексивный и мотивационный (регуляторный уровень) компоненты.

Кроме этого, модель включает в себя и изучение факторов, влияющих на процессы и развитие социального познания: макросоциальные, семейные, индивидуально-личностные интерперсональные. В данной работе основным из изучаемых факторов является тип привязанности, который отражает качественную специфику построения взаимоотношений подростка с окружающими людьми, а также ряд других характеристик, характеризующих социальную и межличностную ситуацию развития подростка ОБПР, проживающего в учреждении, выбранных на основе анализа литературы [26].

Для выявления особенностей развития операционального, рефлексивного и мотивационного компонентов социального познания были обследованы три группы подростков: 1) подростки ОБПР, проживающие в сиротском учреждении; 2) подростки, воспитывающиеся в кровных семьях; 3) промежуточная группа – подростки-сироты, воспитывающиеся в приемных семьях не менее года.

Рассмотрим получившиеся результаты исследования социального познания, а также роль факторов, определяющих социальную ситуацию развития подростков ОБПР, сопоставив их с данными других работ.

Исследование основных компонентов социального познания у подростков-сирот, подростков из приемных и кровных семей

Сравнение развития компонентов социального познания обнаруживает существенные различия между подростками-сиротами, проживающими в учреждении, и подростками из кровных семей.

Операциональный компонент социального познания

Способность к павильному распознаванию психического состояния других людей (ментализация) – развита у подростков-сирот хуже по сравнению со сверстниками, воспитывающимися в семьях. Эти данные соотносятся с исследованиями, посвященными распознаванию эмоций у детей-сирот, проживающих в учреждениях [например, 104], как в рамках изучения эмоционального и социального интеллекта [20; 38; 40; 180], так и в рамках модели психического [44; 67]. В данном исследовании были получены новые данные о том, что подростки-сироты хуже понимают не только эмоциональное состояние, но и вообще хуже распознают и понимают различные состояния других людей в целом. Специфика проживания в институциональной среде устроена таким образом, что ребенок реже обращается к своему эмоциональному состоянию, редко говорит об эмоциях с окружающими. В частности, в А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых [53] отмечают, что для подростков из учреждений интернатного типа характерно признание важности внешнего контроля, ориентация на внешние оценки. Показано, что дети из приемных семей с опытом жестокого обращения хуже понимают эмоции. В нашем исследовании статистических различий между подростками из приемных семей с двумя другими группами не обнаружено, что может быть связано с малочисленностью выборки. Подавляющее большинство детей и подростков, проживающих в учреждении, имеет опыт насилия и/или пренебрежения со стороны взрослых людей. Более низкая способность к пониманию эмоций связана с этим опытом, что было показано ранее [149].

Наше исследование, хотя и не выявило различий по общему показателю, обнаружило, что у подростков-сирот более выражено внешне-

ориентированное мышление, являющееся одним из компонентов алекситимии. Оно отражает большую сфокусированность на внешних событиях, игнорирование внутренних переживаний. При анализе ситуаций, происходящих в жизни, подростки-сироты склонны видеть причины вовне, в меньшей степени ориентироваться на свой внутренний мир и чувства и обращаться к ним. Ряд исследований показывает, что для воспитанников учреждений характерен экстернальный локус контроля, трактовка тех или иных событий исходя из внешних причин, что соотносится с полученными нами данными [74; 85].

Рефлексивный компонент социального познания

В фундаментальном исследовании А.М. Прихожан и Н.Н. Толстых отмечалось, что дети-сироты не заинтересованы в понимании внутреннего мира другого человека, испытывают трудности смены позиции. Результаты данного исследования позволили уточнить, что у подростков-сирот меньше развита способность к децентрации (смене позиции). Существуют исследования, в которых показано, что для подростков с девиантным поведением характерно неумение встать на чужую точку зрения, эгоцентризм, низкая способность к рефлексии [60]. Известно, что подавляющее большинство подростков с девиантным поведением воспитывается в неблагополучных семьях, часто в условиях безнадзорности со стороны родителей, что позволяет соотнести эти данные с результатами данного исследования в отношении подростков ОБПР. Во время выполнения методики «Определение понятий для другого» подростки-сироты комментировали неполные или малопонятные объяснения заданных понятий следующим образом: «кому надо – тот поймет», «не поймет – его проблемы», что подчеркивает выраженную эгоцентричность позиции, а также нежелание/неспособность сделать усилие понять и так объяснить ситуацию, чтобы она была понятна другому. Отчасти это отражает и экстернальность мышления – подросток-сирота не готов принимать во внимание свою роль и

участие в процессе понимания информации другим человеком, полностью перекалывая эту ответственность на собеседника. Кроме того, это может быть показателем низкой мотивации к общению, о которой мы будем говорить далее.

Мотивационный компонент социального познания

Для подростков-сирот, проживающих в учреждении, характерна негативная социальная мотивация общения, что отличает их от подростков, проживающих в семьях. На это указывает общее снижение удовольствия от общения с окружающими, более выраженная социальная тревожность в виде субъективно отмечаемого дискомфорта при взаимодействии с людьми, стремления к избеганию контакта. Эти результаты согласуются с отечественными исследованиями интерперсональных отношений детей-сирот [4; 15; 47; 65], но описывают специфику мотивационного компонента социального познания именно у подростков ОБПР. Травмы, связанные с изъятием из семьи, переходы из одного учреждения в другое могут формировать стратегию «не сближаться с людьми». В уже упоминавшемся нами исследовании [70] обнаружено, что у подростков, которые воспитываются в социально-неблагополучных семьях, страх отвержения выступает в качестве ведущего мотива при взаимодействии. Вероятно, что подростки-сироты, опираясь на полученный ранее негативный опыт, опасаются отвержения со стороны окружающих, и поэтому игнорируют или избегают контактов. Специфика проживания в условиях учреждения не способствует развитию коммуникативных навыков, а напротив, усугубляет имеющиеся дефициты. В течение дня подросток-сирота вынужден взаимодействовать с большим количеством людей: возвращаясь домой из учебного заведения, он снова попадает в место, где его окружает большое количество детей и взрослых. Возможность выбора – общаться или не общаться – у подростка-сироты есть далеко не всегда. В учреждениях часто бывают различные «гости», обязательные для посещения мероприятия, там

много сотрудников, других детей, с которыми подросток вынужден взаимодействовать. Остается мало возможностей для того, чтобы уединиться, побыть наедине с самим собой, понять свои чувства, не быть объектом внимания. Интенсивное, часто вынужденное общение приводит к нежеланию коммуникации с другими, снижению мотивации к взаимодействию и стремлению избегать социальных контактов.

Интересно, что важная составляющая социальной тревожности – страх негативной оценки – больше характерен для детей из кровных семей. Несмотря на то, что достоверной разницы получено не было, у подростков-сирот наблюдаются наиболее низкие значения по данному показателю. Возможно, это также во многом связано с социальным положением каждой из групп. Подростки из семей постоянно сталкиваются с необходимостью соответствовать ожиданиям со стороны значимых взрослых и хорошо осознают это. С учетом тенденций современного общества, успеваемость и выбор дальнейшей профессии вызывают много тревоги у родителей и учителей, предъявляемые требования возрастают. Подростки из семей чувствительны к этим сигналам, боятся не оправдать ожидания других, отсюда – возрастание страха получения негативной оценки. Эти предположения соотносятся с результатами исследования тревожности и алекситимии у подростков ОБПР в сравнении со сверстниками из семей [25]. Ситуация подростков-сирот в корне иная. Предъявляемые требования в большей степени формальные (соблюдение режима учреждения, посещение учебного заведения и соответствующее поведение «без замечаний»). В качестве обратной связи подросток из детского дома чаще получает негативную оценку, что в итоге приводит к избеганию и, может быть, к ее отрицанию, а не беспокойству о ее получении (и одновременно с этим снижает уровень удовольствия от общения, особенно со взрослыми). Подростки-сироты часто подчеркивают (как при заполнении тестов, так и в устных беседах), что им безразлично и неинтересно мнение окружающих,

при этом, большинство из них старается скрывать свой социальный статус и факт проживания в интернатном учреждении. Учитывая, что вопросы шкалы имеют прямые формулировки («Я боюсь, что окружающие меня не одобряют»; «Я обычно тревожусь о том, какое произвожу впечатление» и др.) не исключено, что подростки-сироты пытались скрыть свои истинные чувства или недостаточно рефлексиируют собственные переживания. Отечественные исследования убедительно показывают, что дети-сироты чувствительны к внешней оценке, особенно, со стороны взрослых [15; 53]. Показатель страха негативной социальной оценки наиболее высок у подростков из приемных семей, что подтверждает вышеописанное. Попадая в семью, подросток-сирота сталкивается с реальными, индивидуально адресованными требованиями. Опасения по поводу возвращения из приемной семьи обратно в учреждение (тревога, которую испытывает практически каждый принятый в семью ребенок), усиливают беспокойство по поводу получения негативной оценки со стороны других людей.

Связи между компонентами социального познания

Подтверждена связь изучаемых компонентов социального познания между собой, что обосновывает надежность выбранной в качестве основы исследования модели социального познания [63; 71]. Результаты показывают, что процесс ментализации (распознавание психического состояния других людей) связан с социальной тревожностью: чем она выше, тем менее успешен подросток в распознавании эмоционального состояния другого человека. Опасения по поводу получения негативной оценки со стороны партнера по общению, чувство дискомфорта и желание прервать контакт мешают сосредоточиться непосредственно на общении. Обратная связь со стороны собеседника, его эмоциональное состояние могут либо неверно трактоваться (через призму тревожных мыслей и опасений), либо не приниматься во внимание (если подросток полностью поглощен своими тревожными переживаниями). Верно и то, что затруднения в правильном

понимании эмоциональных состояний могут усиливать социальную тревожность, усиливать дистресс и вынуждать подростка к избеганию взаимодействия. У подростков-сирот этот процесс связан с общей выраженностью социальной тревожности и, в частности, с дистрессом, возникающем при взаимодействии с другими. У подростков из приемных семей трудности ментализации связаны со страхом получения негативной оценки, а у подростков из кровных семей – с избеганием. Связь способности к ментализации и социальной тревожности подтверждается зарубежными исследованиями [162; 172; 190]. Для подростков-сирот и подростков из приемных семей обнаружилась связь между социальной ангедонией и социальной тревожностью, в частности с избеганием. Полученную связь можно представить в виде порочного круга. Получая мало удовольствия от общения, подросток стремится избегать контакта с окружающими, таким образом коммуникативные способности не тренируются, при возникающем социальном взаимодействии подросток испытывает много тревоги и дискомфорта, что вновь увеличивает социальную ангедонию – таким образом, круг замыкается.

Основные компоненты алекситимии – трудности идентификации и описания собственных чувств, внешне-ориентированное мышление – связаны у подростков-сирот с социальным дистрессом, страхом негативной оценки, избеганием. Это соотносится с зарубежными работами, в которых было показано, что социальная тревожность у подростков связана с плохим пониманием своих и чужих эмоций (особенно сложных) [172], а также с низкой способностью к децентрации [176]. Отечественных исследований связи алекситимии и социальной тревоги у подростков ОБПР не обнаружено. Неуверенность в понимании собственного состояния приводит к тому, что подростку-сироте становится непонятно, как к нему относятся другие люди, усиливаются опасения, что другие люди оценят негативно. Исследования показывают, что при описании себя дети-сироты часто ориентированы на

мнение окружающих их людей (в частности взрослых), а не на собственную оценку, формируют Образ-Я на основании мнений о себе других людей [53]. При этом нужно отметить, что для подростков из кровных семей подобные связи не обнаружены, что может быть связано с более низкими показателями социальной тревожности по сравнению с сиротами. Показано, что разлука с родителями, развод родителей, эмоциональное насилие и виктимизация со стороны сверстников связаны с социальной тревожностью [96; например, 134].

Для подростков из приемных семей обнаружилась характерная особенность. Опасения по поводу получения негативной оценки тесно связаны с трудностями распознавания психического состояния окружающих. Чем больше этих трудностей, тем выше уровень тревоги относительно получения негативной оценки. Чем меньше опасений по поводу негативной оценки, тем более смел и внимателен подросток к другому, лучше его понимает. Возможно, когда подросток не понимает другого, его состояния, намерений, он становится более бдительным, уровень социальной тревожности возрастает. Если уровень социальной тревоги невысокий, подросток не опасается негативной оценки, отвержения, то ему проще сосредоточиться на другом и понять другого. Кроме этого обнаружено, что трудности в распознавании собственных чувств мешают получать приемному подростку удовольствие от общения с окружающими.

Исследование социального познания у подростков с разным типом привязанности

Данное исследование не подтвердило данные о том, что для подавляющей части детей-сирот в большей степени характерны небезопасные формы привязанности [2; 6; 51]. Это во многом связано с возрастом испытуемых и методом оценки привязанности. В указанных в литературном обзоре исследованиях речь шла о детях раннего или дошкольного возраста с использованием классической процедуры оценки

привязанности, в нашем исследовании принимали участие подростки, а для оценки паттернов привязанности использовалась самоотчетная шкала, которая потом соотносилась с оценкой подростка сотрудниками учреждений. К тому же часть авторов отмечают, что подростки с опытом жизни в семье (а они составили подавляющую часть выборки) способны формировать замещающую привязанность в условиях проживания в учреждении [6; 56; 82]. Таким образом, по нашим данным распределение подростков по типам привязанности внутри групп оказалось примерно одинаковым: как среди подростков-сирот, так и среди подростков из кровных семей чуть меньше половины определяют свою привязанность как ненадежную. Данное распределение похоже на данные зарубежного исследования, в котором оценивалась связь привязанности с качеством дружбы у подростков [208]. Авторы использовали похожую самоотчетную шкалу с предложенными описаниями – в итоге 44,3% подростков демонстрировали надежную привязанность.

Надежная привязанность имеет большое значение для развития социального познания, включая способность к ментализации и успешность в сфере межличностных отношений. Данное исследование подтверждает, что в объединенной выборке между подростками с разным типом привязанности существуют различия по всем исследуемым компонентам социального познания.

Подростки с ненадежной привязанностью хуже распознают психическое состояние окружающих людей, обнаруживают больше трудностей в понимании и обозначении собственного эмоционального состояния, что соотносится с зарубежными данными. Ранее было показано, что надежная привязанность связана с более развитой моделью психического [91], точностью ментализации [141], пониманием [214] и регулированием [105; 169] эмоций, более высокими показателями эмоционального интеллекта.

Часть исследований выделяют опыт плохого обращения и пренебрежения в детстве в качестве фактора формирования ненадежной привязанности [168; 170], а опыт жестокого обращения, по их данным, приводит к более низкой способности распознавания эмоций [161; 176]. Наши результаты согласуются с этими данными и показывают, что подростки-сироты с ненадежной привязанностью демонстрируют наибольшее количество трудностей ментализации.

Как было описано в теоретической части работы, тип привязанности (надежный, избегающий, амбивалентный) характеризует качество и специфику выстраиваемых интерперсональных отношений с окружающими. Не вызывает сомнения, что нарушения привязанности связаны с трудностями социального функционирования. Многочисленные исследования показывают связь ненадежной привязанности со страхом и избеганием социальных ситуаций у детей, подростков и взрослых людей [108; 160; **Error! Reference source not found.**]. Таким образом, полученные нами результаты о более выраженной негативной социальной мотивации (в частности более выраженной социальной тревожности) у подростков с ненадежной привязанностью согласуются с этими данными. Важно отметить, что и по показателю социальной мотивации, наиболее выраженные трудности демонстрируют подростки-сироты с ненадежным типом привязанности.

Ненадежная привязанность связана с ухудшением социальных навыков [119], всеми компонентами социальной тревожности [108]. Ранее было показано, что без отзывчивого, заботящегося взрослого социальное функционирование существенно снижается [112; 179], в связи с этим полученные данные о более выраженном дефиците социального познания среди подростков-сирот с ненадежной привязанностью ожидаемы. Анализируя дальнейшее распределение групп подростков относительно способности к социальному познанию, на втором месте оказываются подростки из кровных семей с ненадежной привязанностью, чуть меньше

нарушений социального познания у подростков ОБПР с надежной привязанностью. И, наконец, наиболее благоприятная ситуация у подростков из кровных семей с надежным типом привязанности.

Исследование выраженности симптомов эмоционального неблагополучия и их связи с компонентами социального познания

Средние значения показателей депрессии и тревоги выше у подростков из приемных семей. А на уровне тенденции обнаруживается различие между более выраженными депрессивными симптомами у приемных подростков по сравнению с подростками из кровных семей. Но надо отметить, что в данном исследовании не обнаружилось статистически значимых различий по уровню эмоционального неблагополучия между группами подростков.

Перемещение из учреждения в приемную семью кардинальным образом меняет социальную ситуацию развития ребенка из организации для детей-сирот. Попадая в семью, подросток сталкивается с качественно иным взаимодействием со взрослым – роль «воспитанника» меняется на роль «ребенка в семье». Контакт становится более интенсивным, требующим от подростка большей эмоциональной включенности, а не просто формальных соблюдения правил и режима. С одной стороны, у него возникает потребность в большем обращении к собственным переживаниям и чувствам, а с другой, обнаруживается недостаточная способность к распознаванию, пониманию эмоциональных состояний, более низкий уровень рефлексии. Кроме того, важно помнить, что попадание в приемную семью актуализирует у подростка прежние травматические события (разрыв с кровной семьей и др.), обращаться к которым, проживая в учреждении, он, как правило, не готов [27]. Таким образом, приемная семья становится своеобразным безопасным пространством для переживания прежних утрат и травм. Еще одной важной составляющей является страх возврата из приемной семьи обратно в учреждение (особенно у тех детей, которые имели подобный опыт). Все это может усиливать эмоциональное неблагополучие.

Выраженность депрессивных симптомов у подростков из приемных и кровных семей оказалось примерно одинакова – 1/10 испытуемых в указанных выборках попадает в группу риска. Роль семейных факторов в возникновении тревожных и депрессивных расстройств неоднократно подчеркивалась разными авторами [128; 133]. В тоже время среди подростков-сирот в эту категорию попадает только 1/20 часть. Данные предыдущих исследований, в основном, говорят в пользу большей выраженности депрессивной симптоматики среди сирот [14; 30], в частности, выраженных суицидальных тенденций [52]. Вероятно, результат, полученный в нашей работе, демонстрирует как выраженные трудности в распознавании своего внутреннего состояния, так и стремлении подростков-сирот игнорировать и не озвучивать свои переживания.

Исследования показывают, что ненадежная привязанность связана с возникновением симптомов тревоги и депрессии в дальнейшем [105]. По нашим данным у подростков с ненадежной привязанностью (в общей выборке) обнаруживается больше симптомов эмоционального неблагополучия. Тем не менее, как и при исследовании компонентов социального познания, наиболее неблагополучными оказываются дети-сироты с ненадежной привязанностью. В частности, они демонстрируют больше самооценочной и магической тревожности. Повышение показателя магической тревожности согласуется с более высоким показателем у сирот внешне-ориентированного мышления. Согласно теории привязанности, негативный опыт взаимодействия со значимым взрослым приводит к формированию базового недоверия к миру в целом и миру отношений [7], поэтому более высокие показатели тревожности и депрессивности у подростков с ненадежной привязанностью неслучайны. При столкновении с проблемами и трудностями им сложнее обратиться за помощью, сложнее выстроить доверительный контакт, чтобы справиться с ситуацией, поскольку у них отсутствует опыт надежной заботы и поддержки. Окружающее часто

воспринимается ими как угрожающее, нечто, на что невозможно повлиять. Таким образом, существует риск, что подросток останется один на один со своими сложными чувствами и негативными переживаниями.

В данном исследовании были обнаружены корреляционные связи (как у сирот, так и у подростков из кровных семей) депрессивной симптоматики с социальной тревожностью. Это согласуется с выводами других исследователей, которые обнаружили, что ненадежная привязанность располагает к возникновению социальной тревожности и приводит к возникновению депрессивных симптомов [125]. В одном из метаобзоров было показано, что нарушения эмоциональной регуляции связаны с депрессивной симптоматикой и типом привязанности [159]. Мы обнаружили связи между эмоциональным неблагополучием и трудностями распознавания эмоций, более низкой способностью к ментализации у подростков-сирот, что дополняет представление о связи эмоциональных нарушений и способности к ментализации в разных группах. Ранее было показано, что снижение точности ментализации и симптомы тревоги связаны между собой [143].

С помощью регрессионного анализа были выделены переменные, влияющие на способность к ментализации. При этом полученные модели отличаются в разных группах, что позволяет говорить о некоторой специфике. В отличие от подростков, которые воспитываются в кровной семье, для подростков-сирот и подростков из приемных семей обнаружено влияние мотивационного компонента социального познания на способность к ментализации (операциональный компонент).

У подростков-сирот точность распознавания психического состояния другого человека снижается при повышении личностной тревоги, нарастании социального дистресса, страхом получения негативной оценки и внешне-ориентированном мышлении. Это согласуется с данными, что у подростков старшего возраста тревога снижает точность ментализации [143].

У подростков из приемных семей процесс понимания чужого психического состояния ухудшается под влиянием страха негативной оценки и социальной ангедонии. Если у подростков из приемных семей социальная ангедония и страх негативной оценки влияют на более онтогенетически ранние компоненты социального познания – процессы ментализации, то у подростков из кровных семей эти переменные повышают только общий показатель социальной тревоги. Напомним, что в модель регрессии подростков из кровных семей попал только показатель школьной тревожности, что позволяет предполагать, что более важную роль имеют семейные факторы.

**Связь факторов социальной и межличностной ситуации развития,
с компонентами социального познания и эмоциональным
неблагополучием**

Проанализируем результаты двухфакторного дисперсионного анализа, который позволил обнаружить совокупное и/или отдельное влияние факторов социальной и межличностной ситуации развития подростков ОБПР. Напомним, что в качестве таких переменных рассматривались: тип привязанности, наличие/отсутствие опыта жизни в семье, возраст изъятия из кровной семьи, возвращение из приемной семьи, количество лет, прожитых в учреждении.

Несмотря на малочисленность группы детей, проживающих в учреждении с рождения (без опыта жизни в семье), обнаружено, что они обладают более выраженными показателями социальной тревожности по сравнению с социальными сиротами (имеющими опыт жизни в семье). Это согласуется с выводом, который делает в своей работе М.К. Бардышевская, изучавшая детей дошкольного возраста: тотальная депривация не способствует формированию базового чувства безопасности, доверия к миру, повышает уровень тревоги [6].

Обнаружена связь между показателем социальной тревожности и возрастом изъятия: чем в более раннем возрасте ребенок был перемещен в учреждение, тем она выше. Для подростков, изъятых из кровной семьи в возрасте до 3 лет характерен более высокий страх негативной оценки, более выраженный уровень дистресса в социальном взаимодействии. Отмечается, что чем раньше ребенок оказывается в условиях материнской депривации, тем более негативные последствия для психического состояния и последующего развития возникают [26; 56], в том числе и в подростковом возрасте [142].

Раннее изъятие из кровной семьи в совокупности с ненадежным типом привязанности оказывает наиболее негативное влияние на дальнейшее развитие способности к ментализации. А подростки с ненадежной привязанностью, изъятые в дошкольном возрасте, имеют более высокие показатели ментализации по сравнению с подростками, изъятymi в школьном возрасте. Мы уже упоминали о связи привязанности с ментализацией. В некоторых работах она рассматривается в качестве основы для развития способности к правильному распознаванию психического состояния других людей [71]. А дошкольный возраст - периодом, когда происходит активное развитие и становление модели психического, в частности, способности к децентрации и эмпатии [67]. Возможно, изъятие из кровной семьи в дошкольном возрасте позволяет ребенку сформировать основу (пусть и не очень надежную) для развития ментализации в дальнейшем. Среди подростков с надежной привязанностью, наиболее успешны в распознавании психического состояния других людей именно те, кто был изъят в раннем возрасте. Подростки с надежной привязанностью, изъятые в дошкольном и школьном возрасте обнаруживают примерно одинаковые результаты. Мы предполагаем, что дети, которые были изъяты из неблагополучных семей в раннем возрасте, смогли избежать чрезмерной травматизации, в то время как попадание в учреждение в более позднем

возрасте могло привести к тому, что ребенок более длительное время находился в асоциальной среде под воздействием неблагоприятных семейных факторов.

Остается неясным, где именно подростки-сироты, изъятые в раннем, дошкольном или младшем школьном возрасте сформировали надежную привязанность – в кровной семье, из которой были изъяты или в учреждении, в котором оказались. Упоминалось, что наличие раннего опыта взаимоотношений с матерью позволяет сформировать замещающую привязанность в дальнейшем [6; 56; 57]. Таким образом, важно тщательное исследование истории жизни ребенка и его социального окружения. Например, в семье был кто-то, к кому сформировалась привязанность (бабушка, тетя, брат или сестра), персональные отношения с кем-либо из сотрудников детского дома, наличие родственников, которые посещают ребенка, общение с персональным волонтером, более структурированные условия проживания, в отличие от проживания в хаотичной семейной среде.

Количественное распределение показывает, что примерно треть испытуемых были изъяты из семьи в возрасте 6-8 лет (28 человек).

Неожиданный результат получен в отношении опыта возвращения из приемной семьи в учреждение, который требует дальнейшего изучения и проверки. В ходе нашего исследования получен результат, который отражает разное влияние этого опыта в совокупности с типом привязанности. Так, среди подростков с надежным типом привязанности показатели способности к ментализации и децентрации выше у тех сирот, которые были возвращены из приемной семьи. У подростков с ненадежной привязанностью наоборот: способность к ментализации и децентрации выше у тех, кто не имел подобного опыта. Опираясь на исследования привязанности и данные сравнения, описанные выше, можно предположить, что у подростков с надежной привязанностью изначально выше способность к павильному распознаванию психического состояния других людей, поэтому даже такой

сильный травматический опыт не ухудшает ментализацию. Это также подтверждает гипотезу, что основой для способности к ментализации является сформированный тип привязанности и эта способность остается стабильной даже при наличии негативного опыта возврата в сиротское учреждение.

Способность к децентрации в онтогенезе формируется позже, чем способность к ментализации, и, следовательно, является более обратимым навыком. Можно предположить, что в условиях возврата из приемной семьи на основе надежной привязанности подросток в состоянии сохранить эту способность (и в том числе имеет больше ресурсов посмотреть на травмирующую ситуацию «с разных сторон», что позволяет лучше справиться с переживаниями). Подросток с ненадежной привязанностью, сталкиваясь с опытом возвращения из приемной семьи в меньшей степени способен смотреть на ситуации, ставя себя на место другого человека. Вероятно, подобный опыт подтверждает и еще больше закрепляет неадаптивные убеждения об отношениях с другими людьми (ненадежная привязанность) и не дает возможности смотреть на ситуацию глазами другого человека.

В статье Е.В. Куфтык [34] было описано, что дети-сироты, возвращенные из приемных семей, демонстрируют незрелые психологические защиты (проекция, регрессия, замещение), а реальность начинает восприниматься еще более враждебной. Можно выдвинуть предположение, что надежная привязанность выступает в качестве промежуточной переменной, «смягчающих» последствия возврата из приемной семьи. Это предположение требует дальнейшей эмпирической проверки.

Показано, что увеличение срока пребывания в доме ребенка сказывается на психическом развитии негативно [81]. Наши результаты показали, что длительность проживания в отрыве от семьи по-разному

отражается на подростках-сиротах в зависимости от сформированного типа привязанности. Подростки с надежной привязанностью, проживающие в учреждении более 5 лет, демонстрируют больше тревоги в межличностном взаимодействии и испытывают больше трудностей при описании своих чувств и переживаний. Подростки с ненадежной привязанностью обнаруживают обратное: больше межличностной тревоги и проблем с описанием чувств у тех, кто прожил в учреждении менее 5 лет. Подростку с ненадежной привязанностью требуется больше времени на то, чтобы привыкнуть и адаптироваться к новым правилам и условиям, новому коллективу детей и взрослых (как в случае изъятия из семьи, так и в случае перемещения в другое учреждение). Ненадежная привязанность связана с трудностями ментализации и более выраженной социальной тревогой, значит, этим подросткам в принципе сложнее понимать, что они чувствуют и вступать в коммуникацию (особенно по поводу личных переживаний) с новыми людьми. Таким образом, длительность проживания в учреждении позволяет подросткам-сиротам с ненадежной привязанностью привыкнуть, начать чувствовать себя более комфортно и говорить с окружающими о своем состоянии. Для подростка с надежной привязанностью длительность проживания сказывается более негативно – особенности институциональной системы в меньшей мере направлены на обращение подростка к миру своих переживаний. О внутреннем состоянии, чувствах, эмоциях подросток говорит реже, тем самым не тренируя и не развивая рефлексивные навыки. Вероятно, с течением времени становится труднее определять свое состояние, подобрать нужные слова, чтобы описать их другому человеку. А в межличностном общении с течением времени может накапливаться тревога.

Нередко сироты переводятся из одного учреждения в другое в силу разных причин. К сожалению, чаще всего детям никак не объясняют причину перевода (особенно маленьким), не принимают во внимание переживания и чувства, тем самым еще больше усиливая стресс. В нашем исследовании

значительная часть подростков-сирот сменили за свою жизнь 3 учреждения (31 человек). Один из принявших участие в исследовании детей сменил 9 учреждений. Безусловно, перевод из учреждения в учреждение это травматичный процесс, сопряженный с разрывом сложившихся связей, сменой привычного уклада, правил, необходимостью строить отношения заново. Нами получена связь, демонстрирующая, что чем больше учреждений сменил ребенок, тем выше социальная ангедония (снижение удовольствия от взаимодействия с окружающими) и тем больше трудностей с описанием своих чувств, тем сильнее выражена алекситимия.

Мишени психологической помощи подросткам-сиротам в формировании способности к социальному познанию

Полученные результаты позволяют выделить основные мишени психологической работы с каждой из групп.

Необходимо развивать и корректировать:

1. Способность к ментализации, т.е. развивать способность к правильному распознаванию психического состояния другого человека, его намерений, причин его поступков, его эмоционального состояния.
2. Способность отойти от своей эгоцентрической позиции, встать на позицию другого, увидеть ситуацию глазами другого.
3. Способность к пониманию своего эмоционального и, в целом, психического состояния.
4. Конструктивные копинг-стратегии, направленные на то, чтобы справиться с социальной тревогой и другими видами тревоги. Необходимо снижение уровня тревоги и, в частности, уровня социальной тревоги, формирование способов и актуализация ресурсов справляться со страхами.
5. Стратегии совладания со своим эмоциональным состоянием (например, с симптомами депрессии).

б. Позиции в межличностном взаимодействии, в которых проявляются нарушения привязанности, переработка травматического опыта, который также сказывается на нарушенной привязанности.

Особое внимание в психологической работе с подростками ОБПР стоит обратить именно на переработку травматического опыта, на формирование более конструктивных границ и отношений с окружающими.

Психологическая работа в указанных направлениях позволит подростку-сироте развивать коммуникативные навыки, лучше понимать и взаимодействовать с окружающими, что может способствовать его лучшей адаптации.

Выделенные направления психологической помощи могут быть реализованы в следующих форматах работы:

1. Индивидуальная и групповая психологическая работа с подростками-сиротами.

2. Работа с его ближайшим окружением:

– работа с сотрудниками учреждений, где проживает и учится подросток (например, в рамках психообразования)

– работа с его кровной семьей, родственниками (если таковые имеются)

– подготовка кандидатов в приемные родители (например, в рамках школы приемных родителей)

– сопровождение приемной семьи, взявшей подростка на воспитание (индивидуальная и семейная психотерапия и консультирование подростка и его приемных родителей)

Как было показано выше, особенности социальной ситуации и травмы, имеющиеся в опыте сироты, приводят к тому, что подросток в меньшей степени тренирует коммуникативные навыки, у него хуже развивается способность к ментализации, он не стремится обращать внимание, как на свое, так и на чужое психическое состояние. Это приводит к серьезным

затруднениям при переходе в самостоятельную жизнь. Таким образом, основные нарушения социального познания лежат в области распознавания и понимания эмоций, психического состояния другого человека и высоких показателях социальной тревожности. Важно помнить, что у подростка-сироты эти процессы взаимно влияют друг на друга.

С подростками из учреждений успешными могут быть групповые формы работы – тренинговые группы, дискуссионные встречи, совместные просмотры фильмов с последующим обсуждением, настольные игры, направленные на понимание и «настройку» на своего партнера по команде. Индивидуальная работа может быть направлена на обучение навыкам распознавания чувств, обогащению эмоционального словаря, умению обозначать свои состояния. На наш взгляд, групповая работа может быть эффективной наряду с индивидуальной, но надо учитывать, что в индивидуальной работе подростку требуется больше времени, чтобы установить психологический контакт со специалистом, чтобы понять и озвучивать переживания, осознать и переработать психологические травмы, что подтверждается как наблюдениями из практического опыта, так и данными литературы [27].

Социальное познание связано с эмоциональным неблагополучием в виде проявления депрессивной и тревожной симптоматики. Эти связи характерны для подростков из всех исследуемых групп. При нарастании депрессивной симптоматики возрастает дискомфорт при взаимодействии, подросток получает меньше удовольствия от контакта с другими людьми. Понимание собственного эмоционального состояния затрудняется. Повышение тревоги ухудшает процессы ментализации.

В данной работе показано, что у приемных подростков сильнее проявляются симптомы эмоционального неблагополучия по сравнению с подростками из кровных семей, в частности повышения депрессивной симптоматики и обнаружены наиболее сильные связи показателя

депрессивности с социальной ангедонией и алекситимией. Эта информация должна учитываться в подготовке приемных родителей и в психологическом сопровождении детей-сирот, переданных в семью, в процессе их адаптации к новым условиям жизни в семье.

Основной мишенью психологической помощи приемному ребенку должна быть нормализация эмоционального состояния. Важно фокусироваться на текущих переживаниях, на переработке травматического опыта, который неизбежно актуализируется при попадании ребенка в приемную семью. Эта работа эффективна в индивидуальном взаимодействии психолога с ребенком. При этом обязательна консультационная и информирующая помощь приемным родителям. Таким образом, стоит еще раз подчеркнуть необходимость не только подготовки родителей и ребенка к переходу последнего в приемную семью, но и сопровождение семьи с приемным ребенком на протяжении всего адаптационного периода и далее.

Другая мишень – работа, направленная на развитие рефлексивных навыков, навыков распознавания и обозначения собственных чувств и чувств других людей. Для этой работы эффективно совместное взаимодействие ребенка с приемными родителями.

Так как в данном исследовании обнаружено негативное влияние ненадежной привязанности вне зависимости от социальной группы (большое количество подростков из кровных семей отмечает у себя ненадежную привязанность), нарушения привязанности выступают важной мишенью психологической работы как с самими подростками, так и со взрослыми, с которыми эти подростки взаимодействуют (кровные родители, члены семьи, воспитатели учреждений, приемные родители, опекуны и др.). Преодоление последствий нарушений привязанности возможно только в условиях системной работы, включающей в себя как индивидуальную, так и групповую работу с подростками, а также работу не только с подростками, но и взрослыми. Так, например, при передаче под опеку или в приемную

семью тема коррекции ненадежной привязанности должна прорабатываться на семейных консультациях.

Еще одна важная мишень работы – психологическая поддержка приемных родителей с целью профилактики отказов и возвращения ребенка обратно в учреждение. Хорошо зарекомендовали себя родительские клубы, где приемные родители могут поделиться друг с другом опытом и переживаниями, связанными с воспитанием приемных детей.

Все эти задачи могут быть решены в рамках индивидуальной, групповой психологической помощи подросткам-сиротам, а также при работе с его ближайшим окружением. Одно из наиболее важных направлений работы, способствующих коррекции социального познания, это психообразование ближайшего окружения. В рамках учреждения – воспитатели и педагогический персонал, в рамках замещающей семьи – приемные родители. Обучающие семинары и тренинги, рассказывающие о специфике детей-сирот, должны быть сфокусированы на последствиях травматического опыта, вызванного изъятием из кровной семьи, информированием о специфике нарушений привязанности и способах терапевтического взаимодействия с ребенком в зависимости от сформировавшихся нарушений привязанности с целью ее коррекции, помощи в формировании у ребенка конструктивных границ. Одна из задач воспитателей и приемных родителей – дать ребенку-сироте альтернативный опыт отношений со взрослыми, построенный на доверии и предсказуемости.

Результаты данного исследования демонстрируют различия в способности к социальному познанию между подростками ОБПР и проживающими в учреждении, и подростками, воспитывающимися в кровных семьях. Подросткам-сиротам труднее дается понимание психического состояния (своего, других людей), а социальные ситуации приводят к повышению тревоги, усиливают дискомфорт и не приносят удовольствия. Таким образом, стратегия избегания закрепляется,

формируется негативная социальная мотивация общения. Показано, что у подростков-сирот на социальное познание влияет сформированный тип привязанности, а также факторы, определяющие социальную ситуацию развития. Приемные подростки статистически не отличаются от других групп, однако, эти данные требуют дальнейшего изучения с расширением выборки.

Показано, что как у подростков-сирот, так и у подростков из кровных семей, с ненадежным типом привязанности обнаруживается больше трудностей в социальном познании и сильнее выражено эмоциональное неблагополучие. Наиболее низкие показатели социального познания демонстрируют подростки-сироты с ненадежной привязанностью.

Учитывая, что в подростковом возрасте социальное познание продолжает развиваться, психокоррекционная помощь, направленная на развитие его компонентов, остается актуальной. Выделены мишени оказания психологической помощи подросткам. Подчеркивается, что помощь носит системный характер, и должна включать не только работу с подростками, но и с ближайшим окружением.

Ограничения исследования

Проведенное нами исследование содержит ряд ограничений.

1. Малочисленность группы сравнения «Подростки из приемных семей». Обследованные подростки из приемных семей выступили в качестве группы сравнения. Но из-за очевидной трудности набора этой группы было обследовано только 21 чел., что затруднило строгое уравнивание обследованных групп по количеству. Тем не менее, исследование подростков, воспитывающихся в приемных семьях, кажется нам перспективным и важным направлением для дальнейшего научного изучения.

2. Для исследования типа привязанности был использован самооценочный тест. В исследовании был этап сбора экспертных оценок в

дополнение к этому самооценочному тесту. Но отдельные экспертные оценки содержали много несовпадений, поэтому на первый план вышли результаты самооценочного теста, однако они были проверены наблюдениями воспитателей и психолога, работающих с подростками-сиротами основной группы исследования.

3. Известно, что существуют некоторые различия в классификации и назывании типов привязанности. Ученые выделяют в качестве одного из типов привязанности дезорганизованную привязанность [158], которая является одним из видов нарушенной привязанности. Есть указания на то, что у детей-сирот встречается дезорганизованная привязанность, которую можно отнести к ненадежному типу привязанности. Используемый в исследовании тест оценивает основные виды привязанности, подростки с дезорганизованным типом привязанности попадали в группу с ненадежной привязанностью.

Выводы

1. Анализ моделей социального познания показывает, что это – многомерный конструкт, описывающий способность к пониманию психического состояния других людей и своего собственного, восприятию и интерпретированию намерений и действий окружающих, что существенным образом влияет на психическое здоровье человека и его способность к адаптации в обществе. Существует дефицит исследований на основе комплексных моделей, учитывающих многоаспектную структуру социального познания. Обнаруживается дефицит исследований способности к социальному познанию у сирот разных возрастных групп, особенно подростков.

2. У подростков, которые остались без попечения родителей, по сравнению с подростками из кровных семей, ниже показатели всех компонентов социального познания, а именно: ментализация или способность к пониманию психического состояния других людей (операциональный компонент); способность к смене позиции или к децентрации (рефлексивный компонент); мотивация общения или способность получать удовольствие от общения (мотивационный компонент). При этом все компоненты социального познания связаны между собой.

3. Тип привязанности взаимосвязан с социальным познанием подростков. У подростков с ненадежной привязанностью из всех групп ниже показатели компонентов социального познания и больше симптомов эмоционального неблагополучия, чем у подростков с надежной привязанностью.

Наиболее низкие показатели способности к ментализации, высокий уровень социальной тревожности и алекситимии выявляются у подростков-сирот с ненадежным типом привязанности. Наиболее высокие показатели

социального познания наблюдаются у подростков с надежной привязанностью из кровных семей.

4. Эмоциональное неблагополучие связано с компонентами социального познания, как у подростков-сирот, так и у подростков из кровных семей. Повышение уровня депрессии и тревоги связано с повышением социальной тревожности, снижением удовольствия от общения, трудностями идентификации и описания собственных чувств (алекситимия). Кроме этого повышение личностной тревожности связано со снижением способности к ментализации и смене позиции.

5. Неблагоприятные факторы социальной и межличностной ситуации развития (возраст изъятия из кровной семьи, наличие опыта возвращения из приемной семьи, количество перемещений в течение жизни, количество лет, прожитых в учреждении) влияют на развитие компонентов социального познания у подростков-сирот, как сами по себе, так и в сочетании с нарушенной привязанностью.

6. Полученные результаты позволяют сформулировать рекомендации для оказания психологической помощи подросткам-сиротам: развитие способности к ментализации и к смене позиции, обогащение эмоционального словаря, развитие навыков, направленных на снижение тревоги при социальном взаимодействии. Важная задача – проработка травматического опыта, влияющего на проявление нарушений привязанности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование проводилось с целью изучения компонентов социального познания (способность понимать собственные чувства и психическое состояние других людей, социальную тревожность) и их связи с типом привязанности и другими факторами, определяющими социальную ситуацию развития подростков, которые остались без родительского попечения.

Рассматривались надежный и ненадежный (включающий в себя избегающую и амбивалентную) типы привязанности. В качестве факторов, определяющих социальную ситуацию развития, рассматривалось наличие или отсутствие опыта жизни в семье, возраст изъятия из кровной семьи, количество перемещений из учреждения в учреждение в течение жизни, количество лет, прожитых в учреждении, возвращение из приемной семьи обратно в учреждение.

В исследовании получены данные, подтверждающие основную гипотезу о более низком уровне развития компонентов социального познания (способности к ментализации и децентрации, социальной мотивации) у подростков, которые остались без родительского попечения, в сравнении с подростками из семей. Обнаружены связи между компонентами социального познания и факторами, специфичными для социальной ситуации развития подростков, проживающих в учреждении. Показана важная роль привязанности в развитии социального познания у подростков, вне зависимости от их принадлежности к конкретной обследуемой группе (воспитанников учреждения, проживающих в приемной или кровной семье).

Результаты исследования позволяют выделить мишени психокоррекционной работы, направленные на развитие социального познания у подростков из обследованных групп:

- Менее развитые навыки ментализации и осознанной смены позиции у подростков-сирот

- Более выраженная негативная мотивация общения у подростков-сирот, выражающаяся в виде социальной тревожности, стремлении к избеганию социального взаимодействия, снижении получаемого удовольствия от общения

- Эмоциональное неблагополучие в виде депрессивной и тревожной симптоматики, связанное со снижением способности к социальному познанию

- Ненадежная привязанность как фактор более низкого уровня развития компонентов социального познания у подростков

Полученные в исследовании результаты не только дают ответы на некоторые вопросы, сформулированные при планировании работы, но и ставят новые, определяя перспективу таких исследований.

Полученные связи между факторами, специфичными для социальной ситуации развития подростков, проживающих в учреждении, с компонентами социального познания подтверждают важность развития семейных форм жизнеустройства детей и подростков, которые остались без родительского попечения. Показано, что развитие социального познания связано с типом привязанности подростка. Важно и интересно выявить специфику формирования и развития способности к социальному познанию, а также роль привязанности в коррекции нарушений социального познания у подростков-сирот, как из учреждений, так и из приемных семей. Однако требуется увеличение выборки подростков из приемных семей с целью дальнейшего изучения у них компонентов социального познания. Отдельного внимания заслуживает исследование семейных факторов социального познания. В том числе и для дальнейшего изучения переменных, оказывающих влияние на способность к ментализации у подростков из кровных семей.

Важное направление практической работы, также выделенное нами в качестве мишеней помощи, - психообразовательная работа с ближайшим социальным окружением подростков: персоналом учреждений, кандидатами в приемные родители и семьями, принявшими на воспитание сирот, родителями, воспитывающими родных детей. Важно информировать окружение о важной роли привязанности и путях ее коррекции, учить чуткому взаимодействию с детьми и подростками, повышать навыки распознавания и умения говорить об эмоциях и чувствах, обращать внимание на симптомы эмоционального неблагополучия детей и подростков и вовремя обращаться за помощью.

Список литературы

1. Авдеева, Н. Н. Развитие «Образа Я» у воспитанников дома ребенка в первые три года жизни [Текст] / Н. Н. Авдеева // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 3. – С. 13–23.
2. Авдеева, Н. Н., Хаймовская, Н. А. Зависимость типа привязанности ребенка ко взрослому от особенностей их взаимодействия [Текст] / Н. Н. Авдеева, Н. А. Хаймовская // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 1. – С. 39–48.
3. Агаркова, В. В., Характеристики поведения детей с ранним опытом институционализации [Текст] / В. В. Агаркова, Р. Ж. Мухамедрахимов // Вестн. СПбГУ. Сер. 12. Социология. – 2013. – № 4. – С. 99–108.
4. Аргентова, Т. Е., Особенности совладающего поведения детей-сирот старшего подросткового возраста [Текст] / Т. Е. Аргентова, Е. В. Тополова // Сибирский психологический журнал. – 2007. – № 25. – С. 67–72.
5. Банк данных о детях-сиротах [Электронный ресурс] // Усыновите.ру – URL: <http://www.usynovite.ru/> (дата обращения: 15.04.2020).
6. Бардышевская, М. К. Компенсаторные формы поведения у детей 3-6 лет, воспитывающихся в условиях детского дома [Текст] : автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.04 / Бардышевская Марина Константиновна. – М., 1995. – 22 с.
7. Боулби, Дж. Привязанность [Текст] / Дж. Боулби. – М.: Гардарики, 2003. – 447 с.
8. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте [Текст] / Л. И. Божович. СПб.: Питер, 2008. – 400 с.
9. Бурменская, Г. В. Мировосприятие детей с разными типами привязанности к матери [Текст] / Г. В. Бурменская // Вестн. Московского университета. – 2011. – Серия 14. – №2. – С. 21–35.

10. Венгер, А. Л. Психологические синдромы: подходы к построению содержательной диагностики развития [Текст] / А. Л. Венгер // Культурно-историческая психология. – 2014. – Т. 10. – №1. – С. 20–25.
11. Виноградова, Н. В., Общение со сверстниками детей-сирот с различным уровнем депривации [Текст] / Н. В. Виноградова, Л. С. Рычкова // Вестн. ЮУрГУ. Серия: Психология. – 2012. – № 31. – С. 79–82.
12. Воликова, С. В., Калина, О. Г., Холмогорова, А. Б. Валидизация опросника детской депрессии М. Ковак [Текст] / С. В. Воликова, О. Г. Калина, А. Б. Холмогорова // Вопросы психологии. – 2011. – №5. – С. 121–132.
13. Выготский, Л. С. Проблема возраста [Текст] / Л. С. Выготский // Собрание сочинений: В 6-ти т.; Т. 4. – М.: Педагогика, 1984. – С. 244–268.
14. Говорин, Н. В., Злова, Т. П., Ахметова, В. В. Особенности эмоциональной сферы и аффективные нарушения у детей-сирот [Текст] / Н. В. Говорин, Т. П. Злова, В. В. Ахметова // Сибирский Вестн. психиатрии и наркологии. – 2009. – № 6(57). – С. 49–52.
15. Гомеляк, Ю. Н. Особенности межличностных отношений со сверстниками подростков, лишенных родительского попечения [Текст] : автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Гомеляк Юлия Николаевна. – Белгород, 2014. – 22 с.
16. Дегтярев, А. В. Развитие эмоционального интеллекта как фактора профилактики противоправного поведения в подростковом возрасте [Электронный ресурс]/А. В. Дегтярев // Психологическая наука и образованиеpsyedu.ru.– 2014.– № 3. – URL: <http://psyedu.ru/journal/2014/3/Degtyarev.phtml> (дата обращения: 19.06.2017).
17. Егорова, М. А. Психологические средства социокультурного развития дошкольников в детском доме [Текст] / М. А. Егорова // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 3. – С. 54–63.

18. Егорова, М. А. Ценностные ориентации подростков в различных социальных ситуациях развития [Текст] / М. А. Егорова // Другое детство: сб. статей. – М., 2009. – С. 52–62.
19. Егорова, О. Н. Особенности социального интеллекта у интеллектуально полноценных подростков с девиантным поведением [Текст] / О. Н. Егорова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2013. – № 160. – С. 243–246.
20. Елшанский, С. П., Мешалевская, С. В. Исследование социального и эмоционального интеллектов у старших подростков, обучающихся в школах-интернатах [Текст] / С. П. Елшанский, С.В. Мешалевская // Педагогика и психология образования. – 2009. – № 3. – С. 21–24.
21. Жуйкова, Е. Б. Панюшева, Т. Д. Понятие профессиональности позиции принимающего родителя [Текст] / Е. Б. Жуйкова, Т. Д. Панюшева // Консультативная психология и психотерапия. – 2015. – №4. – С. 83–101.
22. Журнал школьный психолог [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: <https://psy.1sept.ru> (дата обращения: 15.04.2020).
23. Залысина, И. А., Некоторые особенности психического развития дошкольников, воспитывающихся вне семьи [Текст] / И. А. Залысина, Е. О. Смирнова // Вопросы психологии. – 1985. – № 4. – С. 74–82.
24. Зарецкий, В. К., Пути решения проблемы сиротства в России [Текст] / В. К. Зарецкий, [и др.]. – М.: Вопросы психологии, 2002. – 208 с.
25. Игнатова, Е.С. Родительская депривация как фактор суицидального риска у подростков [Текст] / Е. С. Игнатова // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2018. – Т. 7. – № 2А. – С. 72–82.
26. Иовчук, Н. М. Особенности психических расстройств и их прогноз у детей-сирот в интернатном учреждении и замещающей семье [Текст] / Н. М. Иовчук // Вопросы психического здоровья детей и подростков. – 2009. Т. 9. – №2. – С. 6–13.

27. Капилина (Паничева), М. В., Панюшева, Т. Д. Приемный ребенок: жизненный путь, помощь и поддержка [Текст] / М. В. Капилина (Паничева), Т. Д. Панюшева. – М.: Никая, 2015. – 432 С.
28. Клименкова, Е. Н., Холмогорова, А. Б. Валидизация методик диагностики социальной тревожности на российской подростковой выборке [Текст] / Е. Н. Клименкова, А. Б. Холмогорова // Консультативная психология и психотерапия. – 2017. – Т. 25. – № 1. – С. 28—39.
29. Кондратьев, М. Ю. Социально-психологические особенности взаимоотношений подростков и педагогов в условиях детских домов и школ-интернатов для «социальных» и реальных сирот [Текст] / М. Ю. Кондратьев // Социальная психология и общество. – 2012. – Т. 3. – №2. – С. 143–153.
30. Кремнева, Л. Ф., К вопросу об этиологии синдрома сиротства [Текст] / Л. Ф. Кремнева, [и др.] // Социальная и клиническая психиатрия. – 2017. – Т. 27. – №1. – С. 20–25.
31. Кулагина, И. Ю. Возрастная психология: развитие ребенка от рождения до 17 лет [Текст] / И. Ю. Кулагина. – М.: УРАО, 1999. – 175 с.
32. Кулагина, И. Ю., Поляков, Е. А. Социальная депривация и дизонтогенез как условия развития личности подростка [Текст] / И. Ю. Кулагина, Е. А. Поляков // Культурно-историческая психология. – 2011. – № 3. – С. 61–74.
33. Куфтяк, Е. В., Психическое здоровье младших школьников: роль привязанности / Е. В. Куфтяк, [и др.] // Вестн. КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2018. – Том 24. – №3. – С. 62–66.
34. Куфтяк, Е. В. Защитное поведение возвращенных детей-сирот [Текст] / Е. В. Куфтяк // Вестн. КГУ им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2012. – Том 18. – №3. – С. 209-212.

35. Лангмейер, Й., Психическая депривация в детском возрасте [Текст] / Й. Лангмейер, З. Матейчек. Прага: Авиценум, Медицинское издательство, 1984. – 467 с.
36. Лисина, М. И. Общение, личность и психика ребенка [Текст] / Под редакцией Рузской А. Г. — М.: Издательство «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1997. — 383 с.
37. Лишенные родительского попечительства [Текст] / под ред. В. С. Мухиной. – М.: Просвещение, 1991. – 223 с.
38. Мешалевская, С. В., Социальный и эмоциональный интеллекты школьников, обучающихся в школах-интернатах детских домах [Текст] / С. В. Мешалевская, С. П. Елшанский // Вестн. Университета (Государственный университет управления). – 2009. – № 21. – С. 373–378.
39. Мещерякова, С. Ю. Особенности аффективно-личностных связей с взрослыми у младенцев, воспитывающихся в семье и домах ребенка [Текст] // Возрастные особенности психического развития детей: Сб. науч. тр. / Под ред. И. В. Дубровиной, М. И. Лисиной. – М.: АПН СССР, 1982. – С. 19–36.
40. Михайлова, Е. С. Социальный интеллект: концепции, модели, диагностика: Монография [Текст] / Е. С. Михайлова. – Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007. – 264 с.
41. Михайлова, Ю. А. Развитие эмоциональной регуляции у воспитанников дома ребенка с рождения до 4 лет [Текст] :автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.04 / Михайлова Юлия Андреевна. –М., 2004. – 29 с.
42. Мухамедрахимов, Р. Ж. Эмоции и отношения человека на ранних этапах развития[Текст] / ред. МухамедрахимовР. Ж. // Коллективная моногр. – СПб: Издательство СПбГУ, 2008. – 311 с.
43. Мухина, В. С. Особенности развития личности детей, воспитывающихся в интернатных учреждениях [Текст] / В. С. Мухина // Развитие личности ребенка: проблемы, решения, поиск. Материалы Российско-Американской науч.-практической конф. – М., 1995. – С. 54–65.

44. Найденова, А.В. Модель психического детей-сирот [Текст] : автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Найденова Антонина Вячеславовна. – М., 2012. – 28 с.
45. Нельсон, Ч. А., Брошенные дети. Депривация, развитие мозга и борьба за восстановление [Текст] / Ч. А. Нельсон, Н. А. Фокс, Ч. Г. Зина. – М.: Эксмо, 2019. – 448 с.
46. Никитина, И. В., Холмогорова, А. Б. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 1 [Текст] / И. В. Никитина, А. Б. Холмогорова // Социальная и клиническая психиатрия. – 2010. – Т. 20. – № 1. – С. 80–85.
47. Николаева, Е. И., Специфика социальной адаптации подростков, проживающих в условиях интерната для детей-сирот [Текст] / Е. И. Николаева, Д. Р. Гаджибабаева // Вестн. психофизиологии. – 2013. – № 3. – С. 34–41.
48. О деятельности организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и об устройстве в них детей, оставшихся без попечения родителей [Текст] // постановление Правительства РФ от 24.05.2014г. №481 // СЗ. – 2014. – №22. – Ст. 2887.
49. Павлова, Т. С., Психологические факторы социальной тревожности в студенческом возрасте [Текст] / Т. С. Павлова, А. Б. Холмогорова // Консультативная психология и психотерапия. – 2011. – № 1. – С. 29–43.
50. Плетенёва, М. В., Влияние длительности проживания в учреждении на характеристики взаимодействия ребенка с матерью после перевода в семью [Текст] / М. В. Плетнева, Р. Ж. Мухамедрахимов // Вестн. СПбГУ. Серия 12. Социология. – 2013. – № 4. – С.109–117.
51. Плешкова, Н. Л. Особенности привязанности у детей раннего возраста [Текст] : автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Плешкова Наталья Леонидовна. – СПб., 2010. – 27 с.

52. Поляков, Е. А. Развитие личности подростков в условиях социальной депривации и дизонтогенеза [Текст] : автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Поляков Евгений Анатольевич. – М., 2009. – 24 с.
53. Прихожан, А. М., Толстых, Н. Н. Психология сиротства [Текст] / А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. – 3-е изд. – СПб.: Питер, 2007. – 416 с.
54. Прихожан, А. М. Тревожность у детей и подростков: психологическая природа и возрастная динамика [Текст] / А. М. Прихожан. – М.: МПСИ; Воронеж: Издательство НПО «МОДЭК», 2000. — 304 с.
55. Проблема сиротства в современной России: Психологический аспект [Текст] / Под ред. А. В. Махнача, А. М. Прихожан, Н. Н. Толстых. – М.: Институт психологии РАН, – 2015. – 670 с.
56. Проселкова, М. О. Клинические проявления депривационного «синдрома сиротства» у детей раннего возраста [Текст] / М. О. Проселкова // Психическая депривация детей в трудной жизненной ситуации: образовательные технологии профилактики, реабилитации, сопровождения: сб. науч. ст. / Ред. В. Н. Ослон, Е. В. Селенина. М.: МГППУ. – 2013. – С. 73–78.
57. Проселкова, М. О. Особенности психического здоровья детей-сирот (возрастной и динамический аспекты) [Текст] : автореф. дисс. ... канд. мед. наук: 14.00.18 / Проселкова Марина Овсеевна. – М., 1996. – 25 с.
58. Прусакова, О. А. Генезис понимания эмоций [Текст] : автореф. дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Прусакова Ольга Анатольевна. – М., 2005. – 27 с.
59. Радина, Н. К., «Значимые другие» в историях жизни выпускников интернатных сиротских учреждений [Текст] / Н. К. Радина, Т. Н. Павлычева // Социальная психология и общество. – 2010. – № 1. – С. 124–135.
60. Рассудова, Л. А. Уровень развития механизма децентрации у девиантных подростков [Текст] / Л. А. Рассудова // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – №5 (36). – С. 121–124.

61. Романовский, Н. В. Представления о взрослом у детей-сирот, воспитывающихся в детском доме [Текст] / Н. В. Романовский // Психологическая наука и образование. – 2009. – № 5. – С. 58–66.

62. Рычкова, О. В., Холмогорова, А. Б. Адаптация методики диагностики социальной ангедонии (RSAS) на российской выборке [Текст] / О.В. Рычкова, А. Б. Холмогорова // Консультативная психология и психотерапия. – 2016. – 24 (4). – С. 62–96.

63. Рычкова, О. В., Холмогорова, А. Б. Нарушения социального познания – новая парадигма в исследованиях центрального психологического дефицита при шизофрении [Текст] / О. В. Рычкова, А. Б. Холмогорова // М.: ФОРУМ, 2016. — 288 с.

64. Сабельникова, Н. В. Представления замещающих матерей о приемном ребенке и особенности его привязанности к близким людям [Текст] / Н. В. Сабельникова // Вестн. Алтайской науки. – 2014. – №1 (19). – С. 133–138.

65. Самохвалова, А. Г., Олиярник, Ю. И. Коммуникативные трудности детей-сирот и условия их преодоления [Текст] / А. Г. Самохвалова, Ю. И. Олиярник // Вестн. КГУ. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. – 2016. – Т.22. №2. – С. 244–248.

66. Самохвалова, А. Г. Мотивация замещающих родителей как фактор возникновения и преодоления коммуникативных трудностей у приемных детей [Текст] / А. Г. Самохвалова, Е. В. Тихомирова, О. Б. Скрыбина // Вопросы психологии. – 2018. – №5. – С. 64-77.

67. Сергиенко, Е. А., Модель психического как основа становления понимания себя и другого в онтогенезе человека [Текст] / Е. А. Сергиенко, Е. И. Лебедева, О. А. Прусакова. – М.: ИП РАН, 2009. – 415 с.

68. Сергиенко, Е. А., Социально-эмоциональное развитие детей. Теоретические основы. [Текст] / Е. А. Сергиенко, [и др.]. – М.: ДРОФА, корпорация Российский учебник, 2019. – 248 С.

69. Слуцкий, В. И. Феномен общественной собственности и его влияние на формирование личности воспитанников детских домов [Текст] / В. И.Слуцкий // Вопросы психологии. – 2000. – № 5. – С.132–139.
70. Смирнова, Н. С. Интерперсональные отношения подростков из социально неблагополучных семей [Текст] : дисс. ... канд. психол. наук: 19.00.13 / Смирнова Нина Сергеевна. – М., 2008. – 225 с.
71. Социальный интеллект: теория, измерение, исследования / Под ред. Д.В. Люсина, Д.В. Ушакова. – М.: ИП РАН, 2004. – 176 с.
72. Социальное познание как высшая психическая функция и его развитие в онтогенезе [Текст] / под ред. А.Б. Холмогоровой. — М.: НЕОЛИТ, 2016. — 312 с.
73. Суворова, О. В., Привязанность к матери как факторя концепции подростка [Электронный ресурс] / О. В. Суворова, И. В. Черемисова, Е. Б. Мамонова // Вестн. Мининского ун-та. – 2016. –№2. – URL: vestnik.mininuniver.ru/jour/article/view/221/222 (датаобращения: 15.04.2020г.)
74. Сулимина, О. В. Комплексное исследование особенностей личностного развития социальных сирот в подростковом возрасте [Текст] / О. В. Сулимина // Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы. – 2017. – Т. 28. – №2. – С. 61–69.
75. Счастливая, Т. Н. Психическая депривация и ее влияние на развитие детей в первыегоды жизни [Текст] // Детская практическая психология / Под ред. Т. Д. Марцинковской. – М.: Гардарики, 2000. – С. 71-84.
76. Толстых, Н. Н., Прихожан, А. М. Психология подросткового возраста: учебник и практикум для академического бакалавриата [Текст] / Н. Н. Толстых, А. М. Прихожан. — М.: Издательство Юрайт, 2017. – 406 с.
77. Торонтская шкала алекситимии (20 пунктов): валидизация русскоязычной версии на выборке терапевтических больных [Текст] / Старостина, Е. Г., [и др.] // Социальная и клиническая психиатрия. – 2010. – №4. – С. – 31–38.

78. Фурманов, И. А., Фурманова Н. В. Психология депривированного ребёнка: пособие для психологов и педагогов [Текст] / И. А. Фурманов, Н. В. Фурманова. – М.: ВЛАДОС, 2009. – 319 с.
79. Холмогорова, А. Б. Нарушения рефлексивной регуляции познавательной деятельности при шизофрении [Текст] : автореф. дис. ... канд. псих. наук: 19.00.04 / А.Б. Холмогорова – М., 1983. – 24 с.
80. Холмогорова, А.Б. Интегративная психотерапия расстройств аффективного спектра [Текст] / А.Б. Холмогорова. – М.: Изд. «МЕДПРАКТИКАМ», 2011. – 480 с.
81. Черного, Д. И., Динамика психического развития детей первого года жизни в связи с длительностью пребывания в учреждении [Текст] / Д. И. Черного, Р. Ж. Мухамедрахимов // Вестн. СПбГУ. Серия 12. Социология. – 2013. – № 3. – С. 52–60.
82. Чупрова, М. А. Нарушения интерперсональных отношений и эмоционального развития у детей-сирот без опыта жизни в семье [Текст] : дисс. ... канд психол. наук: 19.00.13 / Чупрова Мария Александровна. – М., 2007. – 247 с.
83. Шульга, Т. И., Психологические особенности подростков-сирот, не имеющих опыта социализации в семье [Электронный ресурс] / Т. И. Шульга, Д. Д. Татаренко // ПНиО. – 2013. – № 2. – URL: psyedu.ru/journal/2013/2/Shulga_Tatarenko.phtml (дата обращения: 23.06.2017).
84. Юдицева, Н. Н. Суждения о себе и о других подростков-сирот из школ-интернатов [Текст] / Н. Н. Юдицева // Вестн.МГОУ. Серия: Психологические науки. – 2012. – № 2. – С. 69–77.
85. Яковлева, Н. Ф. Проявления недостатков характера у детей-сирот [Текст] / Н. Ф. Яковлева // Вестн. КГПУ им. В.П. Астафьева. – 2011. – №4 (18). – С. 96–100.

86. Яремчук, М. В. Особенности привязанности в детско-родительских отношениях и отношениях любви у старших подростков [Текст] / М. В. Яремчук // ПНИО. – 2005. – №3. – С. 86–94.
87. Ясюкова, Л. А., Социальный интеллект детей и подростков. [Текст] / Л. А. Ясюкова, О. В. Белавина. – М.: ИП РАН, 2017. – 181 с.
88. Achim, A. M., On what ground do we mentalize? Characteristics of current tasks and sources of information that contribute to mentalizing judgments [Text] / A. M. Achim, [et. al] // Psychol. Assess. – 2013. – 25 (1). – P. 117–126.
89. Ainsworth, M. D., Attachment and Exploratory Behavior of One-year-olds in Strange Situation [Text] / M. D. Ainsworth, B. A. Wittig // Determinants of Infant Behavior // Ed. B. M. Foss. – London: Methuen. – 1969. – Vol. 4. – P. 113–136.
90. Allen, P. J., Stability and Change in Attachment Security Across Adolescence [Text] / P. J. Allen, [et. al] // Child dev. – 2004. – 75 (6). – P. 1792–1805.
91. Ammaniti, M., Attachment and reflective function in adolescence [Text] / M. Ammaniti, [et. al] // Psicol. Clin. dello Sviluppo. – 1999. – 3(1). – P. 155–175.
92. Aram, D., Enhancing parent–child shared book reading interactions: Promoting references to the book’s plot and socio-cognitive themes [Text] / D. Aram, Y. Fine, M. Ziv // Early Child. Res. Q.. – 2013. – Vol. 28. – P. 111–122.
93. Archer, C., Parent mentoring An innovative approach to adoption support [Text] / C. Archer, C. Gordon // Adopton and Fostering. – 2004. – Vol. 28 – N. 4. – P. 27–38.
94. Aviles, A. M., Child and Adolescent Social Emotional Development Within the Context of School [Text] / A. M. Alives, T. R. Anderson, E. R. Davila // Child and Adolescent Mental Health. – 2006. – Vol. 11. – Iss. 1. – P. 32–39.

95. Baer, J. C., Child maltreatment and insecure attachment: a meta analysis [Text] / J. C. Baer, C. D. Martinez // *J.Reprod Infant Psychol.* – 2006. – Vol. 24. – Iss. 3. – P. 187–197.
96. Bandelow, B., Early traumatic life events, parental rearing styles, family history of mental disorders, and birth risk factors in patients with social anxiety disorder (Review) [Text] / B. Bandelow, [et. al] // *Eur. Arch. Psychiatry Clin. Neurosci.* – 2004. – Vol. 254. –Iss. 6. – P. 397–405.
97. Bar-Haim, Y., Predicting children's anxiety from early attachment relationships [Text] / Y. Bar-Haim, [et. al] // *J.of Anxiety Disorders.* – 2007. –Vol. 21. –Iss. 8. – P. 1061–1068.
98. Baron-Cohen S., Does the autistic child have a «theory of mind»? [Text] / S. Baron-Cohen, A. M. Leslie, U. Frith // *Cognition.* – 1985. – V. 21. – P. 37–46.
99. Baron-Cohen, S., The ‘Reading the Mind in the Eyes’ Test revised version: a study with normal adults, and adults with Asperger syndrome or high-functioning autism [Text] / S. Baron-Cohen, [et. al] // *J Child Psychol Psychiatry.* – 2001. – 42. – P. 241–251.
100. Baron-Cohen, S., Studies of Theory of Mind: Are Intuitive Physics and Intuitive Psychology Independent? [Text] / S. Baron-Cohen, [et. al] // *J.of Developmental and Learning Disorders.* – 2001. – 5 (1). – P. 47–78.
101. Barone, L., A matter of attachment? How adoptive parents foster post-institutionalized children’s social and emotional adjustment [Text] / L. Barone, F. Lionetti, J. Green // *Attach Hum Dev.* – 2017. – V. 19. – 4. – P. 323–339.
102. Beidel, D. C., Psychopathology of childhood social phobia [Text] / D. C. Beidel, S. M. Turner, T. L. Morris // *J Am Acad Child Adolesc Psychiatry.* – 1999. – 38 (6). – P. 643–650.
103. Belsky, J., Infant–mother attachment security, contextual risk, and early development: A moderational analysis [Text] / J. Belsky, R. M. P. Fearon // *Dev Psychopathol.* – 2002. – Vol. 14(2). – P. 293–310.

104. Bick, J., Effects of early institutionalization on emotion processing in 12-year-old youth [Text] / J. Bick, [et. al] // Dev. Psychopathol. – 2017. – Vol. 29. – P. 1749–1761.
105. Bosquet, M., The development and maintenance of anxiety symptoms from infancy through adolescence in a longitudinal sample [Text] / M. Bosquet, B. Egeland // Dev Psychopathol. – 2006. – 18 (2). – P. 517–550.
106. Bruce, L. C., Childhood maltreatment and social anxiety disorder: Implications for symptom severity and response to pharmacotherapy [Text] / L. C. Bruce, [et. al] // Depression and Anxiety. – 2012. –Vol. 29. –Iss. 2. – P. 131–138.
107. Brumariu, L. E., Mother-Child Attachment and Social Anxiety Symptoms in Middle Childhood [Text] / L. E. Brumariu, K. A. Kerns // J.of Applied Developmental Psychology. – 2008. – 29 (5). – P. 393–402.
108. Brumariu, L. E., Quality of attachment relationships and peer relationship dysfunction among late adolescents with and without anxiety disorders [Text] / L. E. Brumariu, I. Obsuth, I., K. Lyons-Ruth // J.of Anxiety Disorders. – 2013. –Vol. 27. –Iss. 1. – P. 116–124.
109. Burks, V. S., Knowledge structures, social information processing, and children’s aggressive behavior [Text] / V. S. Burks,[et. al] // Soc. Dev. Issues – 1999. –8. – P. 220–236.
110. Burstein, M., Shyness Versus Social Phobia in US Youth [Text] / M. Burstein, L. Ameli-Grillon, K. R. Merikangas, K // Pediatrics. – 2011. – 128 (5). – P. 917–925.
111. Calvete, E., Early maladaptive schemas and social anxiety in adolescents: The mediating role of anxious automatic thoughts [Text] / E. Calvete, I. Orue, B. L. Hankin // J.Anxiety Disord. – 2013. – Vol. 27(3). – P. 278–288.
112. Cameron, J. L., Social Origins of Developmental Risk for Mental and Physical Illness [Text] / J.L. Cameron, [et. al] // J. Neurosci. – 2017. –37 (45). – P. 10783–10791.

113. Cavanaugh, A. M., Adolescent loneliness and social anxiety The role of multiple sources of support [Text] / A. M. Cavanaugh, C. Buehler // *J. of Social and Personal Relationships*. – 2016. – Vol 33. – Iss. 2. – P. 149 – 170.
114. Colonnesi, C., The Relation Between Insecure Attachment and Child Anxiety: A Meta-Analytic Review [Text] / C. Colonnesi , [et. al] // *J. of Clinical Child & Adolescent Psychology*. – 2011. – Vol. 40. – Iss. 4. – P. 630–641.
115. Cyr, C., Attachment security and disorganization in maltreating and high-risk families: A series of meta-analyses [Text] / C. Cyr, [et. al] // *Dev/ Psychopathol*. – 2010. – V. 22. – 1. P. 87–108.
116. da Silva Ferreira, Facial emotion processing and recognition among maltreated children: a systematic literature review [Text] / G. C. da Silva Ferreira, J. A. S. Crippa, O. F. de Lima // *Front. Psychol*. – 2014. – Vol. 5. – P. 1460.
117. Delgado, B., Social anxiety and self-concept in adolescence [Text] / B. Delgado, C. J. Inglés, J. M. García-Fernández // *Revista de Psicodidáctica*. 2013. – 18. – P.179–194.
118. Di Blasi, M., The relationship between self-Image and social anxiety in adolescence [Text] / M. Di Blasi, [et. al] // *Child Adolesc Ment Health*. – 2015. – 20. – P. 74–80.
119. Di Tomasso, E., Attachment styles, social skills and loneliness in young adults [Text] / E. Di Tomasso, [et. al] // *Pers. IndividDiffer*. – 2003. – 35 (2). – P. 303–312.
120. Dodge, K. A. A social information processing model of social competence in children [Text] / K. A. Dodge // *In Minnesota symposium of child psychology* / ed. Perlmutter M. Hillsdale, N.J.: Erlbaum. – 1986. – P. 77–125.
121. Dodge, K. A., Mechanisms in the cycle of violence [Text] / K. A. Dodge, J. E. Bates, G. S. Pettit // *Science*. – 1990. – 250. – P. 1678–1683.
122. Doretto, V., Effects of Early Neglect Experience on Recognition and Processing of Facial Expressions: A Systematic Review [Electronic resource] / V.

Doretto, S. Scivoletto // *Behav Brain sci.* – 2018. – Vol. 8(1), 10. – doi:10.3390/brainsci8010010 2018.

123. Dozier, M., Attachment and psychopathology in adulthood [Text] / M. Dozier, K. Stovall-McClough, K. E. Albus // in *Handbook of attachment* / ed. Cassidy J., Shaver P., NY: Guilford Press, 2008. P. 718–744.

124. Dumontheil, I., Online usage of theory of mind continues to develop in late adolescence [Text] / I. Dumontheil, I. A. Apperly, S. J. Blakemore // *Dev. Sci.* – 2010. – 13. – P. 331–338.

125. Eng, W., Attachment in individuals with social anxiety disorder: The relationship among adult attachment styles, social anxiety, and depression [Text] / W. Eng, [et. al] // *Emotion.* – 2001. – 1(4). – P. 365–380.

126. Erath, S. A., Social anxiety and peer relations in early adolescence: behavioral and cognitive factors [Text] / S. A. Erath, K. S. Flanagan, K. L. Bierman // *J. of Abnormal Child Psychology.* – 2007. – 35. – P. 405–416.

127. Fernandes, V., Are there associations between early emotional trauma and anxiety disorders? Evidence from a systematic literature review and meta-analysis(Review) [Text] / V. Fernandes, F. L. Osório // *European Psychiatry.* – 2015. – Vol. 30. – Iss. 6. – P. 756–764.

128. Festa, C. C., Parental and Peer Predictors of Social Anxiety in Youth [Text] / C. C. Festa, G. S. Ginsburg // *Child Psychiatry Hum. Dev.* – 2011. – 42 (3). – P. 291–306.

129. Fett, A.-K. J., Trust and social reciprocity in adolescence – a matter of perspective-taking [Text] / A.-K. J. Fett, [et. al] // *J. Adolesc.* – 2014. – 37. – P. 175–184.

130. Fonagy, P., Playing with reality: I. Theory of mind and the normal development of psychic reality [Text] / P. Fonagy, M. Target // *The International J. of Psychoanalysis,* 1996. – 77(2). – P. 217–233.

131. Fortuna, K., Insecurity, stress, and symptoms of psychopathology: Contrasting results from self-reports versus interviews of adult attachment [Text] / K. Fortuna, G. I. Roisman // *Attach Hum Dev.* – 2008. – Vol. 10. – P. 11–28.
132. Fratto, C. M. Trauma-Informed Care for Youth in Foster Care [Text] / C. M. Fratto // *Arch. Psychiatr. Nurs.* – 2016. – V. 30. – I. 3. – P. 439–446.
133. Gómez, O., Social anxiety in adolescence: Psychoevolutionary and family factors [Text] / O. Gómez, C. Casas, R. Ortega-Ruiz // *Behavioral Psychology. Psicología Conductual.* – 2016. – 24. – P. 29–49.
134. Gómez-Ortiz, O., Social Anxiety and Psychosocial Adjustment in Adolescents: Relation with Peer Victimization, Self-Esteem and Emotion Regulation [Text] / O. Gómez-Ortiz, [et. al] // *Child Ind Res.* – 2018. – Vol. 11. – Iss. 6. – P. 1719–1736.
135. González-Díez, Z., The role of emotional maltreatment and looming cognitive style in the development of social anxiety symptoms in late adolescents [Text] / Z. González-Díez, I. Orue, E. Calvete // *Anxiety, Stress and Coping.* – 2017. – Vol. 30. – Iss. 1, 2. – P. 26–38.
136. Grazzani, I., Emotion comprehension and attachment: A conversational intervention with school-aged children [Text] / I. Grazzani, V. Ornaghi, C. R. Crugnola // *Eur Rev Appl Psychol.* – 2015. – 65. – P. 267–274.
137. Grienberger, J., Maternal reflective functioning, mother-infant affective communication, and infant attachment: exploring the link between mental states and observed caregiving behaviour in the intergenerational transmission of attachment [Text] / J. Grienberger, K. Kelly, A. Slade // *AttachHum Dev.* – 2005. – Vol. 7. – P. 299–311.
138. Groh, A. M., The significance of attachment security for children's social competence with peers: a meta-analytic study [Text] / A. M. Groh, [et. al] // *Attachment & Human Development.* – 2014. – 16 (2). – P. 103–136.
139. Groh, A. M., The Significance of Insecure and Disorganized Attachment for Children's Internalizing Symptoms: A Meta-Analytic Study

[Electronic resource] / A. M. Groh, [et. al] // Child Development. – 2012. – V. 88. – 2. –<https://ebs.mgppu.ru:5041/10.1111/j.1467-8624.2011.01711.x>

140. Hiraoka, R., Borderline personality features and emotion regulation deficits are associated with child physical abuse potential [Text] / R. Hiraoka, [et. al] // Child Abuse & Neglect. – 2016. – Vol. 52. – P. 177–184.

141. Humfress, H., General and relationship-specific models of social cognition: explaining the overlap and discrepancies [Text] / H. Humfress, [et. al] // J.of Child Psychology and Psychiatry. – 2002. – 43(7). – P. 873–883.

142. Humphreys, K. L., Signs of reactive attachment disorder and disinhibited social engagement disorder at age 12 years: Effects of institutional care history and high-quality foster care [Text] / K. L. Humphreys, [et. al] // Development and psychopathology. – 2017. – Vol. 29. – Iss. 2. – P. 675–684.

143. Hünefeldt, T., The relationship between 'theory of mind' and attachment-related anxiety and avoidance in Italian adolescents [Text] / T. Hünefeldt, [et. al] // J Adolesc. – 2013. – 36 (3). – P. 613–621.

144. Itier, R. J., Neural bases of eye and gaze processing: The core of social cognition [Text] / R. J. Itier, M. Batty // Neurosci. Biobehav. Rev. – 2009. – 33. – P. 843–863.

145. Keil, V., Children with social anxiety and other anxiety disorders show similar deficits in habitual emotional regulation: evidence for a transdiagnostic phenomenon [Text] / V. Keil, [et. al] // Eur Child Adolesc Psychiatry. – 2017. – 26. – P. 749–757.

146. Kerns K. A., Is insecure parent-child attachment a risk factor for the development of anxiety in childhood or adolescence? [Text] / K. A. Kerns, L. E. Brumasriu // Child Dev. Perspect. – 2014. –Vol. 8. –Iss. 1. – P. 12–17.

147. Kumsta, R., Psychological consequences of early global deprivation an overview of findings from the English & Romanian Adoptees Study [Text] / R. Kumsta, [et. al] // European Psychologist. – 2015. – Vol. 20. – P. 138–151.

148. Kuo, J. R., Childhood trauma and current psychological functioning in adults with social anxiety disorder [Text] / J. R. Kuo, [et. al] // J.of Anxiety Disorders. – 2011. –Vol. 25. –Iss. 4. – P. 467–473.

149. Lahousen, T., Psychobiology of Attachment and Trauma—Some General Remarks from a Clinical Perspective [Electronic resource] / T. Lahousen, H. F. Unterrainer, H.-P. Kapfhammer // Front. Psychiatry. – 2019. – <https://doi.org/10.3389/fpsyt.2019.00914>

150. Langa, K., Foster children's attachment security in the first year after placement: A longitudinal study of predictors [Text] / K. Langa, [et. al]// Early Childhood Research Quarterly. – 2016. – 36 – P. 269–280.

151. Lansford, J. E, A 12-Year Prospective Study of Patterns of Social Information Processing Problems and Externalizing Behaviors [Text] / J. E. Lansford, [et. al] // J.of Abnormal Child Psychology. – 2006. – 34. – P. 715–724.

152. Lawrence, K., Age, gender, and puberty influence the development of facial emotion recognition [E-resource]/K. Lawrence, R. Campbell, D. Skuse // Front. Psychol. – 2015. – 6(761). – URL: doi.org/10.3389/fpsyg.2015.00761

153. Lee, A., Insecure attachment, dysfunctional attitudes, and low self-esteem predicting prospective symptoms of depression and anxiety during adolescence [Text] / A. Lee, B. L. Hankin // J. Clin Child Adolesc Psychol. – 2009. – Vol. 38. – P. 219–231.

154. Lewis, S. M. Social cognition in early-onset schizophrenia: performance compared to schizoaffective disorder, genetic high risk, and controls [Text] / Lewis S. M. – The University of North Carolina, 2011. – 40 p.

155. Loscalzo, Y., Social anxiety and interpretation bias: examining clinical and subclinical components in adolescents [Text] / Y. Loscalzo, M. Giannini, A. C. Miers // Child Adolesc Ment Health. – 2018. – Vol. 23. – Iss. 3. – P. 169–176.

156. Lueger-Schuster, B., Child abuse and neglect in institutional settings, cumulative lifetime traumatization, and psychopathological long-term correlates in

adult survivors: The Vienna Institutional Abuse Study [Text] / B. Lueger-Schuster, [et. al] // Child Abuse and Neglect. – 2018. –Vol. 76. – P. 488–501.

157. MacFie, J., Effect of maltreatment on preschoolers' narrative representations of responses to relieve distress and of role reversal [Text] / J. MacFie, [et. al] // Developmental Psychology. – 1999. – 35(2). – P. 460–465.

158. Main, M., Discovery of a new insecure-disorganized/disoriented attachment pattern [Text] / M. Main, J. Solomon // Affective Development in infancy // Ed. B. Brazelton, Yogman M. W. – NJ: Ablex, 1986. – P. 95–124.

159. Malik, S., Emotion regulation as a mediator in the relationship between attachment and depressive symptomatology: A systematic review [Text] / S. Malik, A. Wells, A. Wittkowski // J.Affect. Disord. – 2015. – V. 172. – P. 428–444.

160. Manning, R. P.C., A systematic review of adult attachment and social anxiety [Text] / R. P.C. Manning, [et. al] // J.of Affect. Disord. – 2017. –Vol. 211. – P. 44–59.

161. Marta, G. R., Maltreatment and Emotion Recognition Among Brazilian Adolescents. [Text] / G. R. Marta, V. F. Doretto, S. Scivoletto // Frontiers in psychiatry. – 2018. – 9 (625).

162. Mathews, B. L., Emotional Competence and Anxiety in Childhood and Adolescence: A Meta-Analytic Review [Text] / B. L. Mathews, [et. al] // Clin Child Fam Psychol Rev. – 2016. – Vol. 19. – Iss. 2. – P. 162–184.

163. Mayer, J. D., What is emotional intelligence? [Text] / J. D. Mayer, P. Salovey // Emotional development and emotional intelligence: Implications for educators. – New York: Basic, 1997. – P. 3–31.

164. Mikulincer, M., An attachment perspective on psychopathology [Text] / M. Mikulincer, P. R. Shaver // World Psychiatry. – 2012. – 11 (1). – P. 11–15.

165. Miller, A. L, Dialectical Behavior Therapy with suicidal adolescents. [Text] / A. L. Miller, J. H. Rathus, M. M. Linehan. NY: Guilford Press, 2007.

166. Moor, B. G., Neurodevelopmental changes of reading the mind in the eyes [Text] / B. G. Moor, [et. al] // Soc. Cogn. Affect. Neurosci. – 2012. –Vol. 7. – Iss. 1. – P. 44–52.
167. Moss, E., Understanding disorganized attachment at preschool and school age: Examining divergent pathways of disorganized and controlling children [Text] / E. Moss, [et. al] // in disorganized attachment and caregiving / ed. Solomon J., George C., New York, NY: Guilford Press. – 2011. – P. 52–79.
168. Müller, L. E., Emotional neglect in childhood shapes social dysfunctioning in adults by influencing the oxytocin and the attachment system: Results from a population-based study [Text] / L. E. Müller, [et. al] // International J.of Psychophysiology. – 2019. – 136. – P. 73–80.
169. Murphy, T. P., Attachment's Links with Adolescents' Social Emotions: The Roles of Negative Emotionality and Emotion Regulation [Text] / T. P. Murphy, [et. al] // J. Genet. Psychol. –2015. – 176 (5). – P. 315–329.
170. Norton, A. R., The Role of Environmental Factors in the Aetiology of Social Anxiety Disorder: A Review of the Theoretical and Empirical Literature [Text] / A. R. Norton, M. J. Abbott // Behaviour Change. – 2017. –Vol. 34. –Iss. 2. – P. 76–97.
171. Ontai, L. L., Patterns of attachment and maternal discourseeffects on children's emotion understanding from 3 to 5 years of age [Text] / L. L. Ontai, R. A. Thompson // Social Development. – 2002. – Vol. 11(4). – P. 433–450.
172. O'Toole M. S., Social anxiety and emotion knowledge: a meta-analysis [Text] / M. S. O'Toole E. Hougaard, D. S. Mennin // J.of Anxiety Disorders. – 2012. – No 27(1). – P. 98–108.
173. Pace, C. S., Late-adopted children grown up: a long-term longitudinal study on attachment patterns of adolescent adoptees and their adoptive mothers [Text] / C. S. Pace, [et. al] // AttachHumDev. – 2019. – V. 21. – 4. – 372–388.

174. Perepletchikova, F. DBT for Pre-Adolescent Children: Research, Theory, and the Nuts and Bolts of Practical Application [Text] / F. Perepletchikova // J AM ACAD CHILD PSY. – 2018. – Vol. 57. – Iss. 10. – P. S331
175. Philpott, A. L., Understanding of mental states in later childhood: an investigation of theory of mind in autism spectrum disorder and typical development with a novel task [Text] / A. L. Philpott, [et. al] // Int. J. Dev. Disabil. – 2013. – Vol. 59. – No. 2. – P. 108–117.
176. Pile, V., Young people with higher social anxiety are less likely to adopt the perspective of another: Data from the Director task [Text] / V. Pile, [et. al] // J Behav Ther Exp Psychiatry. – 2017. – 55. – P. 41–48.
177. Premack, D., Does the chimpanzee have a theory of mind? [Text] / D. Premack, G. Woodruff // Behavior Brain Science. – 1978. – Vol. 1. – P. 515–526.
178. Raby, K. L., Attachment across the lifespan: insights from adoptive families [Text] / K. L. Raby, M. Doizer // CurrOpinPsychol. – 2019. – V. 25. – P. 81–85.
179. Raby, K. L., The interpersonal antecedents of supportive parenting: a prospective, longitudinal study from infancy to adulthood [Text] / K. L. Raby, [et. al] // Dev. Psychol.. – 2015. – 51 (1). – P. 115–123.
180. Radhakrishnan, R., Comparing Emotional Intelligence and Decision Making Ability of Institutionalized and Non Institutionalized Children [Text] / R. Radhakrishnan, S. Rajasree // CJoE. – 2013. –Vol. 1. –Iss. 2. – P. 60–65.
181. Reeb-Sutherland, B.C., Identification of emotional facial expressions among behaviorally inhibited adolescents with lifetime anxiety disorders [Text] / B. C. Reeb-Sutherland, [et. al] // Cogn. Emot. – 2015. – 29 (2). – P. 372–382.
182. Richards, A., Anxiety-related bias in the classification of emotionally ambiguous facial expressions [Text] / A. Richards, [et. al] // Emotion. – 2002. – 2. – P. 273–287.

183. Riskind, J. H., The Looming Maladaptive Style: Anxiety, Danger, and Schematic Processing / J. H. Riskind, [et. al] // J. Pers. Soc. Psychol. – 2000. – Vol. 79. – No. 5. – P. 837–852.
184. Riva Crugnola, C., Attachment patterns and emotion regulation strategies in the second year [Text] / C. Riva Crugnola, [et. al] // Infant Behav. Dev. – 2011. – Vol. 34. – P. 136–151.
185. Rutter, M., Deprivation-specific psychological patterns: effects of institutional deprivation. Monographs of the Society for Research in Child Development. Vol. 75 [Text] / M. Rutter, [et. al]. – NJ: Wiley-Blackwell, 2010. – 200 p.
186. Scherf, K. S., Facing changes and changing faces in adolescence: A new model for investigating adolescent-specific interactions between pubertal, brain and behavioral development [Text] / K. S. Scherf, M. Behrmann, R. E. Dahl // Developmental Cognitive Neuroscience. – 2012. –2 (2). – P. 199–219.
187. Schrier, A., Anxiety disorders in mothers and their children: prospective longitudinal community study [Text] / A. Schrier, [et. al] // Br J Psychiatry. – 2008. – 192. P. – 308–309.
188. Sharp, C. Theory of Mind and conduct problems in children: Deficits in reading the “emotions of the eyes” [Text] / C. Sharp // Cogn. Emot. – 2008. – Vol. 22. – Iss. 6. – P. 1149–1158.
189. Siegel, R. S., Peer victimization and social anxiety in adolescents: Prospective and reciprocal relationships [Text] / R. S. Siegel, A. M. La Greca, H. M. Harrison // J. of Youth and Adolescence. – 2009. – 38. – P. 1096–1109.
190. Simonian, S.J., Recognition of facial affect by children and adolescents diagnosed with social phobia [Text] / S. J. Simonian, [et. al] // Child Psychiatry Hum. Dev. – 2001. – 32. – P. 137–145.
191. Smyke, A. T., A randomized controlled trial comparing foster care and institutional care for children with signs of reactive attachment disorder [Text] / A. T. Smyke, [et. al] // Am. J. Psychiatry. – 2012. – Vol. 169. – P. 508–514.

192. Sonuga-Barke, E. J. S., Child-to-adult neurodevelopmental and mental health trajectories after early life deprivation: the young adult follow-up of the longitudinal English and Romanian Adoptees study [Text] / E. J. S. Sonuga-Barke, [et. al] // *The Lancet*. – 2017. – Vol. 389. – Iss. 10078. – P. 1539 – 1548.
193. Stein, B. D., Violence exposure among school-age children in foster care: relationship to distress symptoms [Text] / B. D. Stein, [et. al] // *J Am Acad Child Adolesc Psychiatry*. – 2001. – 40 (5). – P. 588–594.
194. Stein, D., The cross-national epidemiology of social anxiety disorder: Data from the World Mental Health Survey Initiative [Text] / D. Stein, C. C. Lim, A. Roest, et al. // *BMC Med*. – 2017. – Vol. 15. – Iss. 1(143).
195. Steinberg, L. Cognitive and affective development in adolescence [Text] / L. Steinberg // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2005. – 9. – P. 69–74.
196. Svanberg, P. O., Promoting a secure attachment: A primary prevention practice model [Text] / P. O. Svanberg, L. Mennet, S. Spieker // *Clinical Child Psychology and Psychiatry*. – 2010. – Vol. 15(3). – P. 363–378.
197. Symeonidou, I., Development of online use of theory of mind during adolescence: an eye-tracking study [Text] / I. Symeonidou, [et. al] // *J. Exp. Child Psychol*. – 2016. – 149. – P. 81–97.
198. Taillieu, T. L., Childhood emotional maltreatment and mental disorders: Results from a nationally representative adult sample from the US [Text] / T. L. Taillieu, [et. al] // *Child Abuse Negl*. – 2016. – Vol. 59. – P. 1–12.
199. Tonks, J., Assessing emotion recognition in 9- to 15-year-olds: preliminary analysis of abilities in reading emotion from faces, voices and eyes [Text] / J. Tonks, [et. al] // *Brain Inj*. – 2007. – 21. – P. 623–629.
200. Tottenham, N., Elevated amygdala response to faces following early deprivation [Text] / N. Tottenham, [et. al] // *Dev. Sci*. – 2011. – Vol. 14. – P. 190–204.

201. Tousignant, B., A comprehensive assessment of social cognition from adolescence to adulthood [Text] / B. Tousignant B., [et. al] // Cogn. Dev. – 2017. – V. 43. – P. 214–223.
202. Troisi, A., Adult attachment style and social anhedonia in healthy volunteers [Text] / A. Troisi, [et. al] // Pers. Individ. Differ. – 2010. – Vol. 48. – Iss. 5. – P. 640–643.
203. Troller-Renfree, S., The effects of early foster care intervention on attention biases in previously institutionalized children in Romania [Text] / S. Troller-Renfree, [et. al] // Dev. Sci. – 2015. – Vol. 18. – P. 713–722.
204. van den Dries, L., Fostering security? A meta-analysis of attachment in adopted children [Text] / L. van den Dries, [et. al] // Child. Youth Serv. Rev. – 2009. – Vol. 31. – P. 410–421.
205. Walker, J. The use of attachment theory in adoption and fostering [Text] / J. Walker // Adoption and Fostering. – 2008. – Vol. 32 – N. 1. – P. 49–57.
206. Waters, A.M., Attentional bias towards angry faces in childhood anxiety disorders [Text] / A. M. Waters, [et. al] // J. Behav Ther ExpPsychiatry. – 2010. – 41. – P. 158–164.
207. Weeks, M., Cognitive Biases and the Link Between Shyness and Social Anxiety in Early Adolescence [Text] / M. Weeks, L. L. Ooi, R. J. Coplan // The J.of Early Adolescence. – 2015. – Vol. 36. –Iss. 8. – P. 1095–1117.
208. Weimer, B. L., Adolescents' interactions with a best friend: Associations with attachment style [Text] / B. L. Weimer, K. A. Kerns, C. M. Oldenburg // J.Exp. Child Psychol. – 2004. – V. 88. – P. 102–120.
209. Weiss, B., Some consequences of early harsh discipline: Child aggression and a maladaptive social information processing style [Text] / B. Weiss, [et. al] // Child Dev. – 1992. – 63. – P. 1321-1335.
210. White, S., Child protection and disorganized attachment: A critical commentary [Text] / S. White, M. Gibson, D. Wastell // Child. Youth Serv.Rev. – 2019.– V.105. –<https://doi.org/10.1016/j.childyouth.2019.104415>

211. Wieckowski, A.T., Impaired fear recognition and social anxiety symptoms in adolescence [Text] / A. T. Wieckowski, [et. al] // J.of child and family studies. 2016. – 25 (11). – P. 3381–3386.

212. Wong, Q.J.J., The aetiology and maintenance of social anxiety disorder: A synthesis of complementary theoretical models and formulation of a new integrated model [Text] / Q. J. J. Wong, R. M. Rapee // J.Affect. Disord. – 2016. –Vol. 203. – P. 84–100.

213. Wright, B., Evidence-Based Parenting Interventions to Promote Secure Attachment: Findings From a Systematic Review and Meta-Analysis [Text] / B. Wright, E. Edginton // Global Pediatric Health. – 2016. – Vol. 3. – P. 1–14.

214. Zeegers, M. A. J., Does attachment security predict children's thinking-about-thinking and thinking-about-feeling? A meta-analytic review [Text] / M. A. J. Zeegers, [et. al]// Developmental review. – 2019. – 54.

Приложения

Приложение №1. Примеры стимульного материала. Методика «Чтение психического состояния по глазам» (RMET)

ПРИМЕР

Завистливое

Испуганное

Спокойное

Гневное

Рисунок П1. Карточка-пример в методике RMET

Командующее

Надеющееся

Сердитое

Брезгливое

Рисунок П2. Карточка №11 в методике РМЕТ

Удивленное

Уверенное

Шутливое

Счастливое

Рисунок ПЗ. Карточка №23 в методике РМЕТ

Приложение №2. Примеры заполненных протоколов в методике «Определение понятий для другого»

Предлагаемая подросткам методика «Определение понятий для другого» использовалась для тестирования рефлексивного компонента социального познания – способности к децентрации.

Согласно предложенной инструкции необходимо было объяснить заданные понятия таким образом, чтобы другой человек (такого же возраста) мог легко понять, какое слово было загадано. Можно было использовать любые признаки, но запрещено использовать однокоренные слова. Инструкция была написана на бланке и проговаривалась вслух.

Оценку полученных результатов проводили эксперты. Они отмечали насколько точно, на их взгляд, дано объяснение заданному понятию. Критерий точности определения фиксировался в шкальной оценке от 0 до 4 (где «0» - невозможно догадаться, а «4» отражает определение, по которому невозможно перпутать загаданное понятие с другим).

Также отмечались дополнительные параметры: использование культурных меток, недостаточность определения (при отсутствии основных видовых и родовых признаков) и избыточность определения (чересчур конкретное описание, когда дополнительные детали, по сути, не повышают точность описания).

Культурные метки это – такие слова или словосочетания, которые тесно связаны с предлагаемым для объяснения понятием в культуре. В нашем исследовании обнаружено, что подростки-сироты реже используют культурные метки, по сравнению с подростками из кровных семей.

Ниже представлены примеры заполненных протоколов методики «Определение понятий для другого» подростками из обследуемых групп.

Пример полного протокола методики с однозначно понятными определениями и использованием культурных меток
Девушка В., 14 лет, выборка подростков из кровных семей

Понятие	Объяснение
Береза	Дерево - белое с полосками. Есть сережки (семена). <i>Всегда ассоциируется с Россией</i>
Бутылка	Бывают из стекла и пластика. Есть горлышко. Используется для хранения жидкости. Закрывается пробкой или крышкой
Ребенок	<i>"Цветок жизни"</i> . Маленький, радостный человеческий детеныш
Ножницы	Режущий предмет. Состоит из двух перекрещенных железных лезвий и ручек. Разновидности: канцелярские, по металлу и т.д.
Яблоко	Фрукт, растет на дереве, цветущем белыми цветами. Сам плод обычно круглый, зелено-желто-красного цветов. <i>Этот плод ассоциируется с раздором (из греческой мифологии). Запретный плод.</i>
Пила	Такая ножовка. Обычно железная с выступающими зубцами и железной или деревянной ручкой.
Лиса	<i>В славянском фольклоре - самый хитрый и наглый зверек. У нее красный мех. Съела колобка.</i>

Пример полного протокола методики с понятными определениями и использованием культурных меток
Юноша С., 16 лет, выборка подростков-сирот

Понятие	Объяснение
Береза	Дерево, имеющее свое начало с Древней Руси. Белого цвета с серо-черными полосками
Бутылка	Пластиковая емкость для хранения напитков
Ребенок	<i>Кого приносит аист</i>
Ножницы	<i>Два конца, два кольца, а посередине гвоздик</i>
Яблоко	<i>Плод, которым злой змей угостил Еву</i>
Пила	Инструмент для рубки дерева. Не топор
Лиса	Животное, живущее в лесу. В сказках всегда очень хитрое

Приведены примеры протоколов с большим количеством использования культурных меток (выделены курсивом) для объяснения заданных слов. Мы можем обратить внимание, что их использование позволяет точно и однозначно опеределить, о каком слове идет речь.

Пример полного протокола методики с определениями, по которым невозможно догадаться о каких понятиях идет речь

Юноша О., 12 лет, выборка подростков-сирот

Понятие	Объяснение
Береза	Дерево, которое растет в разных лесах
Бутылка	Оно сделано из песка, и этот песок прожаривают, и получается стекло
Ребенок	Это полухищник и травоядный, и он может быть похож на папу и маму
Ножницы	Это механизм, который режет любые вещи
Яблоко	Это пища, которая дает жизнь
Пила	Резать доски и помогает резать дерево
Лиса	Это животное хищное и хитрая

Пример полного протокола методики с определениями, по которым невозможно догадаться о каких понятиях идет речь

Юноша К., 14 лет, выборка подростков-сирот

Понятие	Объяснение
Береза	Дерево
Бутылка	Стеклянная штучка
Ребенок	Тело
Ножницы	Два кружочка для пальцев
Яблоко	Фрукт
Пила	Холодное оружие, пилить
Лиса	Животное

Пример полного протокола методики с определениями, по которым невозможно догадаться о каких понятиях идет речь

Девушка А., 13 лет, выборка подростков из приемных семей

Понятие	Объяснение
Береза	Дерево
Бутылка	Емкость для воды
Ребенок	Человек
Ножницы	Предмет
Яблоко	Фрукт
Пила	Инструмент
Лиса	Животное

Представленные выше протоколы нередко встречаются у подростков-сирот. В этих объяснениях понятие не раскрывается полностью. Им скорее приписывается общая категория (дерево, фрукт, животное и т.д.).

Пример полного протокола методики, где наряду с понятными определениями встречаются такие, по которым невозможно догадаться о каких понятиях идет речь

Юноша С., 15 лет, выборка подростков-сирот

Понятие	Объяснение
Береза	Это дерево, которое достаточно растет везде
Бутылка	Бывают разные - стеклянные, пластмассовые. Бутылки предназначены для питья воды
Ребенок	Это человеческое дитя, которое растет, развивается и становится взрослым человеком
Ножницы	Предназначаются для разрезания бумаги
Яблоко	Это пищевой продукт, который растет на дереве
Пила	Сделано для того, чтобы выпиливать деревья и очень удобна на даче
Лиса	Это живое существо, живущее в лесу.

Также в этом примере мы видим нарушение инструкции в виде использования однокренных слов.

Пример полного протокола методики, где наряду с понятными определениями встречаются такие, по которым невозможно догадаться о каких понятиях идет речь

Юноша К., 16 лет, выборка подростков-сирот

Понятие	Объяснение
Береза	Белая, выделяющаяся
Бутылка	Емкость с крышкой в которую наливается вода, небольшого размера
Ребенок	Маленький, растущий организм, требующий внимания, заботы, ласки
Ножницы	Режущие, острые, блестящие, опасные
Яблоко	Растущее, вкусное, природное, круглое, с веточкой, если в нем побывал червяк, то оно абсолютно безвредное
Пила	Острая, зубчатая, колющая, опасная, блестящая, гнется
Лиса	Рыжая, похоже на волка, мягкая, хитрая, кусается

Пример протокола методики с избыточными определениями

Девушка А., 15 лет, выборка подростков-сирот

Понятие	Объяснение
Береза	Белая с черными полосами на стволе, кудрявая, со смолой, листья зеленые, из нее можно сделать сок
Ребенок	Маленький, всегда плачет, ездит в коляске, не дает спать по ночам, носит подгузники
Пила	Острая, режет деревья, ей можно убить человека, ей можно срубить елки или ненужные деревья

В данном протоколе продемонстрирован пример избыточного определения понятия. В объяснениях, отмеченных курсивом, объяснения излишне детализированы, конкретны.

Вот еще примеры избыточного объяснения:

Девушка А., 14 лет, выборка подростков из кровных семей

Ребенок	Это маленький человек, они очень милые и хорошие. Маленькие ангелы, которые всегда поднимают настроение. Они всегда беззащитные
----------------	---

Девушка Е., 14 лет, выборка подростков из приемных семей

Ребенок	Это плачущее, вечно хотящее есть, пить, какать и спать существо. Оно маленькое, но когда смеется милое. Обычно ты любишь с ним поиграть, когда оно смеется, а когда плачет - затыкаешь уши и говоришь мамке
----------------	---

Пример полного протокола методики с понятными определениями

Девушка Л., 14 лет, выборка подростков из кровных семей

Понятие	Объяснение
Береза	Разновидность дерева. Цвет белый с черными прочерками
Бутылка	Стеклянная или пластиковая емкость, в которой можно хранить жидкость, с горлышком для питья
Ребенок	Недавно родился, с 18 лет уже не называют так
Ножницы	Режут бумагу, два ушка, два лезвия
Яблоко	Фрукт, бывает зеленым, красным или червивым
Пила	Приспособление для резки деревьев, длинная и острая, есть фильм с названием этого слова
Лиса	Лесное животное, часто встречаются в русских сказках, обычно рыжая и хитрая (с белым кончиком хвоста)

Приложение №3. Исследование основных компонентов социального познания у подростков, оставшихся без попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей на основе многофакторной модели

Таблица П1

Сравнение показателей способности к ментализации и децентрации у подростков-сирот и подростков из приемных семей (тест «RМЕТ», методика «Определение понятий для другого», шкала «TAS-20-R»)

Компоненты соц. познания	Группы сравнения	Подростки из приемных семей (N=18)	Подростки-сироты (N=24)	Уровень значимости <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
		М (SD)	М (SD)	
Операциональный компонент	Способность к ментализации («RМЕТ»)	11,61 (2,89)	11,75 (2,29)	,959
	ТИЧ («TAS-20-R»)	19,89 (6,34)	17,57 (7,18)	,392
	ТОЧ («TAS-20-R»)	14,06 (5,53)	14,93 (5,32)	,985
	ВОМ («TAS-20-R»)	20,83 (4,93)	22,57 (5,02)	,398
	Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	54,78 (13,95)	55,07 (11,66)	,866
Рефлексивный компонент	Способность к децентрации («Определение понятий для другого»)	16,75 (4,56)	16,59 (4,42)	,843

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; *t* – уровень тенденции, $p < 0,1$

Как видно из таблиц П1 и П2, статистически значимых различий между подростками-сиротами и подростками из приемных семей не обнаружено.

Таблица П2

Сравнение социальной мотивации между группами подростков-сирот и подростков из приемных семей (шкалы SADS, BFNE, RSAS)

Компоненты соц. познания	Группы сравнения Параметры	Подростки из приемных семей (N=18)	Подростки-сироты (N=24)	Уровень значимости p (критерий Манна-Уитни)
		М (SD)	М (SD)	
Мотивационный комп.	Общий уровень социальной тревожности («SADS»)	8,56 (5,61)	11,61 (6,13)	,113
	Соц. дистресс («SADS»)	4,56 (3,24)	5,83 (3,97)	,383
	Соц. избегание («SADS»)	4,00 (2,70)	5,78 (2,88)	,142
	Страх негативной соц. оценки («BFNE»)	34,06 (7,85)	32 (7,99)	,396
	Соц. ангедония («RSAS»)	11,72 (5,98)	16,48 (7,37)	,053^t

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; t – уровень тенденции, $p < 0,1$

Таблица П3

Сравнение показателей способности к ментализации и децентрации у подростков из приемных и подростков из кровных семей (тест «RMET», методика «Определение понятий для другого», шкала «TAS-20-R»)

Компоненты соц. познания	Группы сравнения Параметры	Подростки из приемных семей (N=18)	Подростки из кровных семей (N=27)	Уровень значимости и p (критерий Манна-Уитни)
		М (SD)	М (SD)	
Операциональный комп.	Способность к ментализации («RMET»)	11,61 (2,89)	12,00 (1,83)	,755
	ТИЧ («TAS-20-R»)	19,89 (6,34)	17,13 (6,65)	,247
	ТОЧ («TAS-20-R»)	14,06 (5,53)	12,13 (4,82)	,537
	ВОМ («TAS-20-R»)	20,83 (4,93)	18,87 (4,09)	,218
	Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	54,78 (13,95)	48,13 (11,58)	,169
Рефлексивный комп.	Способность к децентрации («Определение понятий для другого»)	16,75 (4,56)	15,89 (5,08)	,833

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; t – уровень тенденции, $p < 0,1$

Таблица П4

Сравнение социальной мотивации между группами подростков из приемных и подростков из кровных семей (шкалы SADS, BFNE, RSAS)

Компоненты соц. познания	Группы сравнения	Подростки из приемных семей (N=18)	Подростки из кровных семей (N=27)	Уровень значимости и <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
		М (SD)	М (SD)	
Мотивационный компонент	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	8,56 (5,61)	8,59 (5,65)	,881
	Соц. дистресс («SADS»)	4,56 (3,24)	4,09 (2,69)	,858
	Соц. избегание («SADS»)	4,00 (2,70)	4,50 (3,62)	,837
	Страх негативной соци. оценки («BFNE»)	34,06 (7,85)	32,46 (8,34)	,357
	Соц. ангедония («RSAS»)	11,72 (5,98)	13,54 (7,27)	,549

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; *t* – уровень тенденции, $p < 0,1$

Как видно из таблиц П3 и П4, статистически значимых различий между подростками из приемных семей и из кровных семей не обнаружено.

Таблица П5

Связь способности к ментализации и децентрации с социальной мотивацией как компонентами социального познания у подростков из кровных семей (шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS, тест «RMET», методика «Определение понятий для другого»)

Параметры	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	Соц. дистресс («SADS»)	Соц. избегание («SADS»)	Страх негат. соци. оценки («BFNE»)	Соц. ангедония («RSAS»)
Способность к ментализации («RMET»)	-,130	-,036	-,211*	-,136	-,087
ТИЧ («TAS-20-R»)	,125	,137	,033	,265	,037
ТОЧ («TAS-20-R»)	,139	,026	,151	,178	,131
ВОМ («TAS-20-R»)	,218	,172	,224	-,049	,082
Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	,199	,156	,136	,229	,099
Способность к децентрации («Опред. понятий для другого»)	-,057	-,032	-,072	,001	-,069

коэффициент корреляции *r-Spearman*: * - $p < 0,05$; ** - $p < 0,01$

У подростков из кровных семей обнаруживается слабая связь между способностью к ментализации и социальным избеганием, как показано в табл. П5.

Таблица П6

Связь мотивационного компонента социального познания у подростков из приемных семей (шкалы SADS, BFNE, RSAS)

Параметры	Общий уровень социальной тревожности («SADS»)	Социальный дистресс («SADS»)	Социальное избегание («SADS»)
Страх негативной соц. оценки («BFNE»)	,061	,105	,028
Соц. ангедония («RSAS»)	,369	,314	,411

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman); ** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Как видно из таблицы П6 у подростков из приемных семей не обнаружены связи внутри мотивационного компонента социального познания.

Таблица П7

Распределение групп подростков (в %) по уровню социальной ангедонии («RSAS»)

Уровень соц. ангедонии	Подростки-сироты (N=64)		Подростки из кровных семей (N=101)		Подростки из приемных семей (N=18)	
	%	N	%	N	%	N
Нормальный уровень	26,6	17	46,5	47	38,9	7
Выраженный уровень	73,4	47	53,5	54	61,1	11

В таблице П7 представлено процентное соотношение подростков из обследуемых групп по степени выраженности социальной ангедонии. Больше всего подростков с выраженным уровнем обнаружено среди

подростков-сирот (73,4%). Это означает, что три четверти подростков из группы сирот не получают удовольствие от взаимодействия с окружающими! В группе подростков, которые воспитываются в кровной семье, таких чуть больше половины (53,5%). Подростки из приемных семей занимают промежуточное положение – 61,1% с выраженной социальной ангедонией.

Приложение №4. Исследование социального познания у подростков с разным типом привязанности на основе многофакторной модели

Таблица П8

Процентное распределение групп подростков в соответствии с типом привязанности («Тест привязанности»)

Группы Привязанность	Подростки, воспитываемые в организации для сирот(N=70)	Подростки, воспитываемые в кровных семьях(N=100)	Подростки, воспитываемые в приемных семьях (N=21)
	% (N)	% (N)	% (N)
Надежная	57,1 (40)	56 (56)	33,3 (7)
Избегающая	27,2 (19)	16 (16)	23,8 (5)
Амбивалентная	15,7 (11)	28 (28)	42,9 (9)

Таблица П8 отражает процентное распределение подростков обследуемых групп по типу привязанности.

В связи с малочисленностью получившихся подгрупп с избегающим и амбивалентным типами привязанности, мы объединили эти типы в общую категорию «ненадежный тип привязанности».

Таблица П9

Связь способности к ментализации и децентрации с социальной мотивацией у подростков с надежной привязанностью в объединенной выборке (тест «RMET», методика «Определение понятий для другого», шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS)

Параметры	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	Соц. дистресс («SADS»)	Соц. избегание («SADS»)	Страх негативной соц. оценки («BFNE»)	Соц. ангедония («RSAS»)
Способность к ментализации («RMET»)	-,043	-,019	-,082	-,196	-,100
ТИЧ («TAS-20-R»)	,187	,211	,117	,153	,122
ТОЧ («TAS-20-R»)	,223	,153	,231	-,027	,190
ВОМ («TAS-20-R»)	,217	,129	,244	-,009	,413**
Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	,242	,205	,213	,084	,267*
Способность к децентрации («Определение понятий для другого»)	-,163	-,165	-,152	,072	-,213*

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman); ** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Как видно из таблицы П9 у подростков с надежным типом привязанности в объединенной выборке обнаруживаются положительные связи между социальной ангдеонией с общим уровнем алекситимии и внешне-ориентированным мышлением. То есть более низкий уровень получаемого удовольствия от общения с окружающими связан с более низкой способностью к распознаванию своих чувств. Кроме того, ангедония отрицательно связана с децентрацией. То есть чем меньше подростку нравится общаться с окружающими людьми, тем меньше он способен к смене позиции, умению смотреть на ситуацию глазами другого человека.

Таблица П10

Связь мотивационного компонента социального познания у подростков с надежной привязанностью в объединенной выборке (шкала SADS, шкала BFNE, шкала RSAS)

Параметры	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	Соц. дистресс («SADS»)	Соц. избегание («SADS»)
Страх негативной соц. оценки («BFNE»)	,163	,193	,096
Соц. ангедония (Шкала «RSAS»)	,463**	,344**	,484**

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman); ** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Как видно из таблицы П10 у подростков с надежным типом привязанности в объединенной выборке выявлены прямые связи между показателями социальной тревожности и социальной ангедонией.

Таблица П11

Связь социальной мотивации со способностями к децентрации и ментализации у подростков с ненадежным типом привязанности в объединенной выборке (тест «RMET», методика «Определение понятий для другого», шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS)

Параметры	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	Соц. дистресс («SADS»)	Соц. избегание («SADS»)	Страх негативной соц. оценки («BFNE»)	Соц. ангедония («RSAS»)
Способность к ментализации («RMET»)	-,265*	-,234*	-,218*	-,144	-,106
ТИЧ («TAS-20-R»)	,066	,119	-,030	,315*	-,074
ТОЧ («TAS-20-R»)	,155	,144	,093	,132	,067
ВОМ («TAS-20-R»)	-,084	-,061	-,086	-,367**	,042
Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	,109	,156	,013	,131	,039
Способность к децентрации («Определение понятий для другого»)	,022	-,021	,079	-,139	-,158

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman); ** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Как видно из таблицы П11 у подростков с ненадежным типом привязанности в объединенной выборке обнаруживаются связи между способностью к ментализации и социальной тревожностью. Чем менее точен подросток в распознавании состояния другого человека, тем сильнее выражен уровень социальной тревожности. А страх получения негативной оценки в свой адрес связан с алекситимией.

Таблица П12

Связь мотивационного компонента социального познания у подростков с ненадежным типом привязанности в объединенной выборке (шкалы SADS, BFNE, RSAS)

Параметры	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	Соц. дистресс («SADS»)	Соц. избегание («SADS»)
Страх негативной соц. оценки («BFNE»)	,185	,206	,134
Соц. ангедония («RSAS»)	,431**	,369**	,427**

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции *r-Spearman*);

** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции *r-Spearman*)

Как видно из таблицы П12 у подростков с ненадежным типом привязанности в объединенной выборке обнаруживаются связи между компонентами социальной мотивации.

Подобный результат получен и в отношении подростков с надежным типом привязанности.

Как видно ниже из таблиц П13 и П14 у подростков из кровных семей с ненадежным типом привязанности больше трудностей в описании своих чувств другим, и сильнее выражена негативная социальная мотивация, по сравнению с подростками из кровных семей с надежной привязанностью.

Сравнение показателей способности к децентрации, ментализации и уровня алекситимии у подростков из кровных семей с надежным и ненадежным типом привязанности (тест «RMET», методика «Определение понятий для другого», шкала «TAS-20-R»)

Компоненты социального познания	Группы подростков, воспитывающихся в кровной семье Параметры	Ненадежный тип привязанности (N=43)	Надежный тип привязанности (N=54)	Уровень значимости <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
		M (SD)	M (SD)	
Операциональный комп.	Способность к ментализации («RMET»)	11,4 (3)	12,2 (1,9)	,141
	ТИЧ («TAS-20-R»)	18,3 (6,8)	15,9 (5,5)	,211
	ТОЧ («TAS-20-R»)	14,4 (4,4)	11,7 (4,9)	,037*
	ВОМ («TAS-20-R»)	18,8 (4)	19,8 (5,9)	,609
	Общий уровень алекситимии («TAS-20-R»)	51,6 (10,5)	47,3 (12,2)	,172
Рефлексивный комп.	Способность к децентрации («Определение понятий для другого»)	17,7 (5,5)	17,6 (5)	,982

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; *t* – уровень тенденции, $p < 0,1$

Сравнение показателей социальной мотивации у подростков из кровных семей с надежным и ненадежным типом привязанности (шкалы SADS, BFNE, RSAS)

Компоненты социального познания	Группы подростков, воспитывающихся в кровной семье Параметры	Ненадежный тип привязанности (N=44)	Надежный тип привязанности (N=56)	Уровень значимости <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
		M (SD)	M (SD)	
Мотивационный компонент	Общий уровень соц. тревожности («SADS»)	10,5 (6,1)	5,5 (4,3)	,000**
	Соц. дистресс («SADS»)	5,1 (3,3)	2,9 (2,4)	,001**
	Соц. избегание («SADS»)	5,5 (3,4)	2,7 (2,5)	,000**
	Страх негативной соц. оценки («BFNE»)	34,7 (9,4)	31,3 (9,5)	,085t
	Соц. ангедония («RSAS»)	14,3 (7,1)	11,1 (5,3)	,023*

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; *t* – уровень тенденции, $p < 0,1$

**Приложение №5. Исследование выраженности симптомов
эмоционального неблагополучия у подростков, оставшихся без
попечения родителей, и подростков из приемных и кровных семей**

Таблица П15

**Показатели эмоционального неблагополучия у подростков-сирот и
подростков, воспитывающихся в кровных семьях(Опросники «Детской
депрессивности» и «Личностной тревожности»)**

Показатели	Группы подростков для сравнения	Воспит. в организации для сирот (N=70)	Воспит. в кровной семье (N=104)	Уровень значимости <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
		M (SD)	M (SD)	
Общий уровень депрессивности		12,3 (7)	12,5 (7,9)	,934
Общий уровень личн. тревожности		43,1 (19,9)	40,9 (21,8)	,517

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; *t* (тенденция) , $p < 0,1$

Таблица П16

**Показатели эмоционального неблагополучия у подростков
воспитывающихся в приемных семьях и подростков-сирот (Опросники
«Детской депрессивности» и «Личностной тревожности»)**

Показатели	Группы подростков для сравнения	Воспитыв. в приемной семье (N=18)	Воспит. в организации для сирот (N=24)	Уровень значимости <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
		M (SD)	M (SD)	
Общий уровень депрессивности		14,61 (4,5)	13,8 (6,4)	,646
Общий уровень личн. тревожности		48,06 (26,1)	42,6 (21,4)	,453

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; *t* (тенденция) , $p < 0,1$

Таблица П17

**Показатели эмоционального неблагополучия между подростками
воспитывающимися в приемных и кровных семьях
(Опросники«Детской депрессивности» и «Личностной тревожности»)**

Показатели	Группы подростков для сравнения	Воспитыв. в приемной семье (N=18)	Воспит. в кровной семье (N=27)	Уровень значимости <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
		M (SD)	M (SD)	
Общий уровень депрессивности		14,61 (4,51)	10,96 (6,40)	,062t
Общий уровень личн. тревожности		48,06 (26,10)	47,93 (23,59)	,926

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; *t* (тенденция) , $p < 0,1$

Как видно из представленных таблиц П15, П16 и П17 статистически достоверных различий по уровню депрессивности и личностной тревожности между группами подростков не обнаружено.

Таблица П18

Показатели эмоционального неблагополучия у подростков из кровных семей с надежным и ненадежным типом привязанности («Опросник детской депрессивности», «Опросник личностной тревожности»)

Группы подростков, воспитывающихся в кровной семье	Ненадежный тип привязанности (N=44)	Надежный тип привязанности (N=56)	Уровень значимости <i>p</i> (критерий Манна-Уитни)
	М (SD)	М (SD)	
Общий показатель депрессивности	16,2 (8,8)	9,6 (6,2)	,000**
Общий уровень личн. тревожности	45,8 (22,8)	36,5 (20,7)	,056^t

** - $p < 0,01$; * - $p < 0,05$; ^t – уровень тенденции, $p < 0,1$

Как видно из таблицы П18 у подростков из кровных семей с ненадежным типом привязанности сильнее выражена депрессивная симптоматика (пичем средний показатель соответствует среднему уровню выраженности симптомов). Также на уровне тенденции между этими группами обнаруживается различие по выраженности личностной тревожности.

Связь компонентов социального познания с симптомами эмоционального неблагополучия у подростков в объединенной выборке (тест «RMET», методика «Определение понятий для другого», шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS, «Опросник детской депрессивности», «Опросник личностной тревожности»)

Параметры	Общий показатель депр.	Школьная тревожность	Самооценочная тревожность	Межличностная тревожность	Магическая тревожность	Общий уровень личностной тревожности
Способн. к ментализации	-,063	-,298**	-,273**	-,084	-,258**	-,286**
ТИЧ	,396**	,423**	,333**	,385**	,351**	,435**
ТОЧ	,336**	,223*	,224*	,324**	,226*	,295**
ВОМ	-,070	,143	-,088	-,122	,040	-,017
Общий уровень алекситимии	,296**	,397**	,231**	,307**	,296**	,357**
Способн. к децентрации	-,011	-,286**	-,168*	-,060	-,152*	-,197**
Общий уровень соц. тревожности	,370**	,275**	,286**	,174*	,185*	,287**
Соц. дистресс	,336**	,291**	,273**	,219**	,239**	,320**
Соц. избегание	,356**	,212**	,246**	,118	,097	,208**
Страх негативной соц. оценки	,227**	,295**	,342**	,333**	,212**	,370**
Соц. ангедония	,403**	,089	,123	,095	,043	,108

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman); ** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Как видно из таблицы П19 в объединенной выборке компоненты социального познания связаны с симптомами эмоционального неблагополучия. Например, менее точная способность к ментализации связана с тревожностью. Общий показатель алекситимии связан как с депрессивной, так и с тревожной симптоматикой.

Связь компонентов социального познания с симптомами эмоционального неблагополучия у подростков-сирот (тест «RМЕТ», методика «Определение понятий для другого», шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS, «Опросник детской депрессивности», «Опросник личностной тревожности»)

Параметры	Общий показатель депр.	Школьная тревожность	Самооценочная тревожность	Межличностная тревожность	Магическая тревожность	Общий уровень лич. тревожности
Способн. к ментализации	-,036	-,314**	-,329**	-,060	-,359**	-,351**
ТИЧ	,388**	,522**	,346*	,394**	,393**	,508**
ТОЧ	,292*	,427**	,345*	,407**	,367*	,490**
ВОМ	-,169	,064	-,232	-,283	,114	-,096
Общий уровень алекситимии	,326*	,550**	,272	,332*	,426**	,499**
Способн. к децентрации	,096	-,308*	-,037	-,105	-,079	-,162
Общий уровень соц. тревожности	,374*	,197	,257*	,016	,154	,207
Соц. дистресс	,311**	,260*	,237	,116	,183	,261*
Соц. избегание	,364**	,119	,203	-,075	,117	,123
Страх негативной соц. оценки	,252*	,409**	,285*	,298*	,184	,353**
Соц. ангедония	,256*	,075	-,103	-,073	-,042	-,047

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman); ** - $p < 0.01$ (коэффициент

Как видно из таблицы П20 в группе подростков-сирот компоненты социального познания также связаны с симптомами эмоционального неблагополучия. Обнаруживается как связь менее точной способности к ментализации с тревожностью, так и связь показателей алекситимии с депрессивной и тревожной симптоматикой.

Связь компонентов социального познания с симптомами эмоционального неблагополучия у подростков из приемных семей (тест «RMET», методика «Определение понятий для другого», шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS, «Опросник детской депрессивности», «Опросник личностной тревожности»)

Параметры	Общий показатель депр.	Школьная тревожность	Самооценочная тревожность	Межличностная тревожность	Магическая тревожность	Общий уровень личн. тревожн. в-ти
Способн. к ментализации	-,174	-,328	-,216	-,325	-,129	-,270
ТИЧ	,514*	,298	,334	,336	,157	,275
ТОЧ	,725**	,195	,258	,524*	,233	,258
ВОМ	,364	-,084	,080	,002	-,035	-,051
Общий уровень алекситимии	,547**	,169	,269	,313	,167	,199
Способн. к децентрации	-,075	,052	,065	-,255	-,167	-,021
Общий уровень соц. тревожности	,242	,237	,254	,034	,162	,185
Соц. дистресс	,322	,325	,334	,151	,225	,289
Соц. избегание	,133	,160	,177	-,006	,111	,108
Страх негативной соц. оценки	-,198	,477*	,352	,115	,111	,418
Соц. ангедония	,506*	,062	,163	,328	,055	,072

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman); ** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Как видно из таблицы П21 в группе подростков из приемных семей получившихся связей существенно меньше. Обнаружена прямая связь депрессивной симптоматики с уровнем алекситимии и социальной ангедонии. Школьная тревожность связана со страхом получения в свой адрес негативной оценки, а межличностная тревожность с трудностями описания чувств другим людям.

Связь компонентов социального познания с симптомами эмоционального неблагополучия у подростков из кровных семей (тест «RMET», методика «Определение понятий для другого», шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS, «Опросник детской депрессивности», «Опросник личностной тревожности»)

Параметры	Общий показатель депр.	Школьная тревожность	Самооценочная тревожность	Межличностная тревожность	Магическая тревожность	Общий уровень личностной тревожности
Способн. к ментализации	-,070	-,270**	-,231*	-,086	-,201*	-,250*
ТИЧ	,303*	,389**	,253	,382**	,321*	,378**
ТОЧ	,247	,045	,076	,245	,060	,103
ВОМ	-,065	,341*	-,051	,067	,077	,127
Общий уровень алекситимии	,207	,388**	,141	,350*	,237	,304*
Способн. к децентрации	-,038	-,341**	-,243*	-,014	-,203*	-,241*
Общий уровень соц. тревожности	,416**	,317**	,291**	,297**	,197	,346**
Соц. дистресс	,351**	,283**	,253*	,294**	,264*	,352**
Соц. избегание	,403**	,265*	,259*	,251*	,072	,261*
Страх негативной соц. оценки	,253**	,233*	,386**	,362**	,255**	,396**
Соц. ангедония	,510**	,079	,233*	,179	,090	,194

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции *r-Spearman*); ** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции *r-Spearman*)

Как видно из таблицы П22 в группе подростков, которые воспитываются в кровной семье, обнаруживается достаточно большое количество связей между симптомами эмоционального неблагополучия и компонентами социального познания. Значительно количество связей между социальной тревожностью и способностью к децентрации с разными видами личностной тревожности.

Связь компонентов социального познания с симптомами эмоционального неблагополучия у подростков с надежным типом привязанности в объединенной выборке (тест «RМЕТ», методика «Определение понятий для другого», шкалы «ТAS-20-R», SADS, ВFNE, RSAS, «Опросник детской депрессивности», «Опросник личностной тревожности»)

Параметры	Общий показатель депр.	Школьная тревожность	Самооценочная тревожность	Межличностная тревожность	Магическая тревожность	Общий уровень личн.тре
Способн. к ментализации	-,026	-,169	-,135	,050	-,049	-,110
ТИЧ	,344**	,348**	,145	,193	,088	,246
ТОЧ	,211	,068	-,065	,101	-,126	-,029
ВОМ	-,107	,204	-,172	-,142	-,178	-,100
Общий уровень алекситимии	,154	,313*	-,060	,066	-,139	,030
Способн. к децентрации	,031	-,280**	-,102	,032	-,067	-,140
Общий уровень соц. тревожности	,358**	,386**	,287**	,193	,199	,350**
Соц. дистресс	,299**	,357**	,220*	,189	,250*	,325**
Соц. избегание	,355**	,338**	,288**	,155	,097	,295**
Страх негативной соц. оценки	,202*	,292**	,297**	,207*	,178	,321**
Соц. ангедония	,228*	,035	,091	,050	,034	0,88

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman); ** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Как видно из таблицы П23 у подростков объединенной выборки с надежным типом привязанности обнаруживаются связи между социальной тревожностью и симптомами депрессии и личностной тревоги. Большее количество связей мы видим с показателем школьной тревожности, включая как показатели алекситимии, так и способность к децентрации.

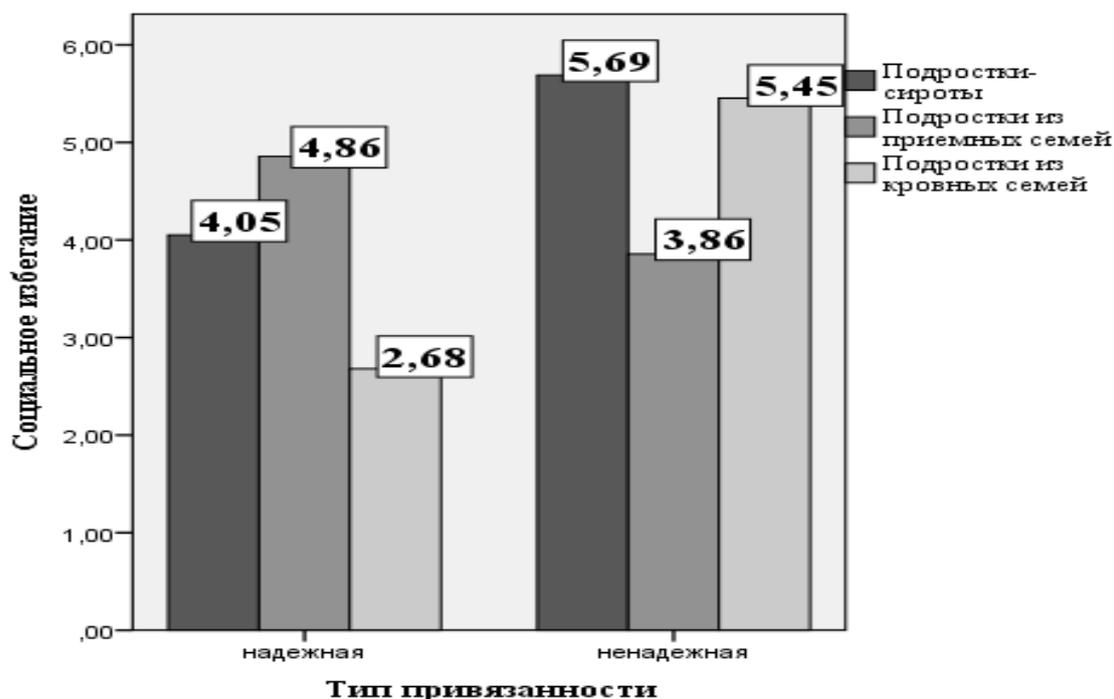
Связь компонентов социального познания с симптомами эмоционального неблагополучия у подростков с ненадежным типом привязанности в объединенной выборке (тест «RМЕТ», методика «Определение понятий для другого», шкалы «TAS-20-R», SADS, BFNE, RSAS, «Опросник детской депрессивности», «Опросник личностной тревожности»)

Параметры	Общий показатель депр.	Школьная тревожность	Самооценочная тревожность	Межличностная тревожность	Магическая тревожность	Общий уровень личн. тревожности
Способн. к ментализации	,058	-,407**	-,326**	-,105	-,408**	-,381**
ТИЧ	,235	,417**	,391**	,440**	,533**	,510**
ТОЧ	,206	,290*	,394**	,360**	,444**	,455**
ВОМ	,025	,105	,030	-,073	,330*	,136
Общий уровень алекситимии	,214	,449**	,411**	,391**	,611**	,552**
Способн. к децентрации	-,044	-,299**	-,234*	-,145	-,281*	-,271*
Общий уровень соц. тревожности	,285**	,094	,178	,014	,029	,106
Соц. дистресс	,276*	,167	,234*	,154	,108	,214*
Соц. избегание	,244*	,011	,086	-,067	-,057	-,010
Страх негативной соц. оценки	,119	,266*	,326**	,400**	,148	,320**
Соц. ангедония	,538**	,137	,078	,069	-,071	,066

* - $p < 0.05$ (коэффициент корреляции r -Spearman); ** - $p < 0.01$ (коэффициент корреляции r -Spearman)

Как видно из таблицы П24 у подростков объединенной выборки с ненадежным типом привязанности картина иная. Здесь мы видим большое количество связей операционального компонента с личностной тревогой (включая как показатели алекситимии, так и менее точную способность к ментализации). Связи с социальной тревожностью обнаруживаются в основном со страхом получения негативной оценки в свой адрес.

Приложение №6. Связь факторов социальной и межличностной ситуации развития с компонентами социального познания и эмоциональным неблагополучием у подростков, оставшихся без попечения родителей

Рисунок ПЗ. Показатель социального избегания (SADS) у подростков в зависимости от типа привязанности и социальной группы

Таблица П25

Данные описательной статистики для подростков разных социальных групп и типа привязанности по показателю избегания

Фактор А: Социальная группа	Фактор В: Тип привязанности	Среднее (M)	Стандартное отклонение (SD)	Объем выборки (N)
Подростки-сироты	Надежный тип	4,05	2,16	39
	Ненадежный тип	5,69	2,89	29
	Всего	4,75	2,61	68
Подростки из приемных семей	Надежный тип	4,86	3,89	7
	Ненадежный тип	3,86	2,51	14
	Всего	4,19	2,98	21
Подростки из кровных семей	Надежный тип	2,68	2,51	50
	Ненадежный тип	5,45	3,38	42
	Всего	3,95	3,24	92
Всего	Надежный тип	3,40	2,59	96
	Ненадежный тип	5,27	3,12	85
	Всего	4,28	2,99	181

Рисунок ПЗ и таблица П25 демонстрируют распределение групп подростков по показателю социального избегания.

Так, при надежной привязанности средний показатель социального избегания выше у подростков из приемных семей, у подростков-сирот этот показатель чуть ниже, самый низкий показатель у подростков из кровных семей. При ненадежной привязанности наиболее высокий показатель социального избегания у подростков-сирот, немного ниже этот показатель у подростков из кровных семей, самый низкий показатель социального избегания демонстрируют подростки из приемных семей.

Подростки с надежным типом привязанности в большей степени склонны к применению стратегии избегания. Выделенный нами фактор Привязанность оказывает отдельное влияние на избегание социальных ситуаций, в то время как место проживания подростка обнаруживает влияние только в совокупности с типом привязанности.

Таким образом, один из аспектов социальной ситуации (проживание в учреждении, приемной или кровной семье) в совокупности с типом привязанности, оказывает влияние на общий показатель социальной тревожности, и, в частности, на ее поведенческий компонент. Мы можем оценить, какие подростки чаще избегают контактов, не вступают в них, прерывают взаимодействие. Важно отметить, что тип привязанности как отдельный фактор оказывает влияние на все шкалы мотивационного компонента социального познания.

Данные двухфакторного дисперсионного анализа позволяют сделать вывод, что негативная мотивация общения в большей степени характерна для подростков-сирот.

Таблица П26

Данные описательной статистики для подгрупп подростков-сирот с разным типом привязанности и возрастом изъятия из кровной семьи по способности к ментализации

Фактор А: Тип привязанности	Фактор В: Возраст изъятия из кровной семьи	Среднее (М)	Стандартное отклонение (SD)	Объем выборки (N)
Надежный тип	Ранний	12,50	2,07	6
	Дошкольный	11,33	2,16	6
	Младший школ.	11,85	2,88	13
	Всего	11,88	2,49	25
Ненадежный тип	Ранний	7,86	1,07	7
	Дошкольный	13,00	1,41	6
	Младший школ.	10,00	2,86	14
	Всего	10,11	2,83	27
Всего	Ранний	10,00	2,86	13
	Дошкольный	12,17	1,95	12
	Младший школ.	10,89	2,97	27
	Всего	10,96	2,79	52

Таблица П27

Данные описательной статистики(привязанность, возраст изъятия из семьи) подгрупп подростков-сирот по способности к ментализации

Фактор А: Тип привязанности	Фактор В: Возраст изъятия из кровной семьи	Среднее (М)	Стандартное отклонение (SD)	Объем выборки (N)
Надежный тип	Ранний	12,50	2,07	6
	Дошкольный	11,33	2,16	6
	Подростк.	11,54	1,98	13
	Всего	11,72	2,01	25
Ненадежный тип	Ранний	7,86	1,07	7
	Дошкольный	13,00	1,41	6
	Подростк.	11,50	0,70	2
	Всего	10,40	2,75	15
Всего	Ранний	10,00	2,86	13
	Дошкольный	12,17	1,95	12
	Подростк.	11,53	1,85	15
	Всего	11,23	2,37	40

Таблица П28

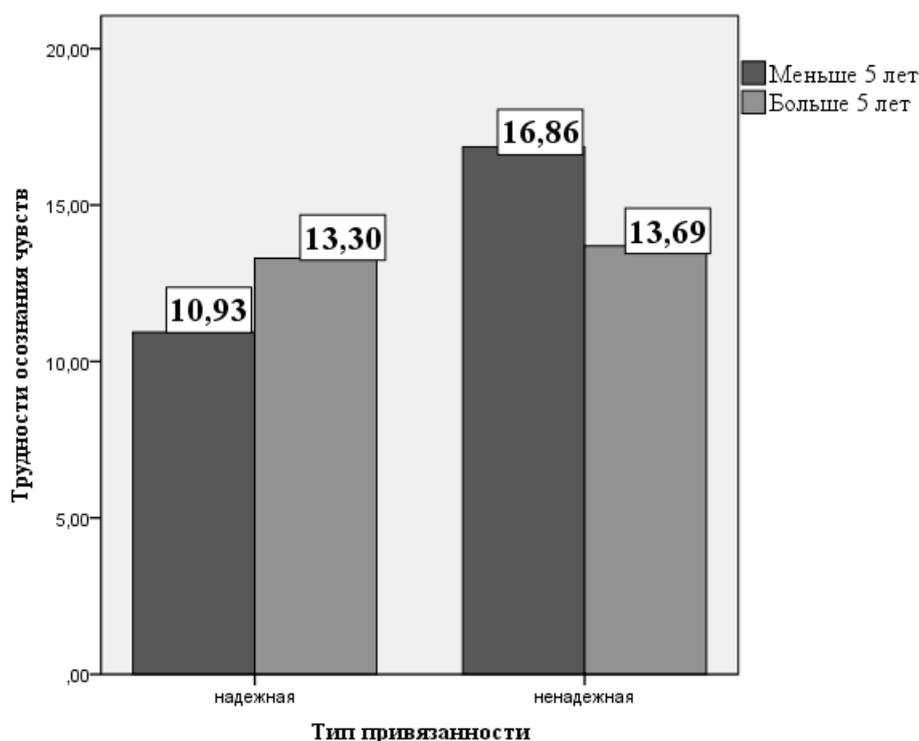
Данные описательной статистики (привязанность, возраст изъятия из семьи) по показателю страха социальной оценки

Фактор А: Тип привязанности	Фактор В: Возраст изъятия из кровной семьи	Среднее (M)	Стандартное отклонение (SD)	Объем выборки (N)
Надежный тип	Ранний	29,00	5,60	7
	Дошкольный	29,00	7,40	6
	Подростковый	29,38	3,71	13
	Всего	29,19	5,01	26
Ненадежный тип	Ранний	33,57	6,11	7
	Дошкольный	28,17	5,91	6
	Подростковый	19,00	8,49	2
	Всего	29,47	7,64	15
Всего	Ранний	31,29	6,11	14
	Дошкольный	28,58	6,40	12
	Подростковый	28,00	5,50	15
	Всего	29,29	6,01	41

Таблица П29

Данные описательной статистики (привязанность, количество прожитых в учреждении лет) по показателю трудностей описания чувств другим людям

Фактор 1: Привязанность	Фактор 2: Количество прожитых в учреждении лет	Средн. (M)	Стандартное отклон. (SD)	Размер выборки (N)
Надежн. прив.	Менее, чем 5 лет	10,93	4,80	15
	Более, чем 5 лет	13,30	3,95	10
	Всего	11,88	4,55	25
Ненадежн. прив.	Менее, чем 5 лет	16,86	4,88	7
	Более, чем 5 лет	13,69	3,68	13
	Всего	14,80	4,23	20
Всего	Менее, чем 5 лет	12,82	5,49	22
	Более, чем 5 лет	13,52	3,72	23
	Всего	13,18	4,63	45

Рисунок П4. Трудности описания чувств другим людям (шкала TAS-20-R) у подростков–сирот в зависимости от типа привязанности и количества прожитых в учреждении лет

Таблица П29 и рисунок П4 демонстрируют результат о совокупном влиянии количества лет, прожитых в учреждении с типом привязанности подростков-сирот на способность к описанию чувств другим людям.

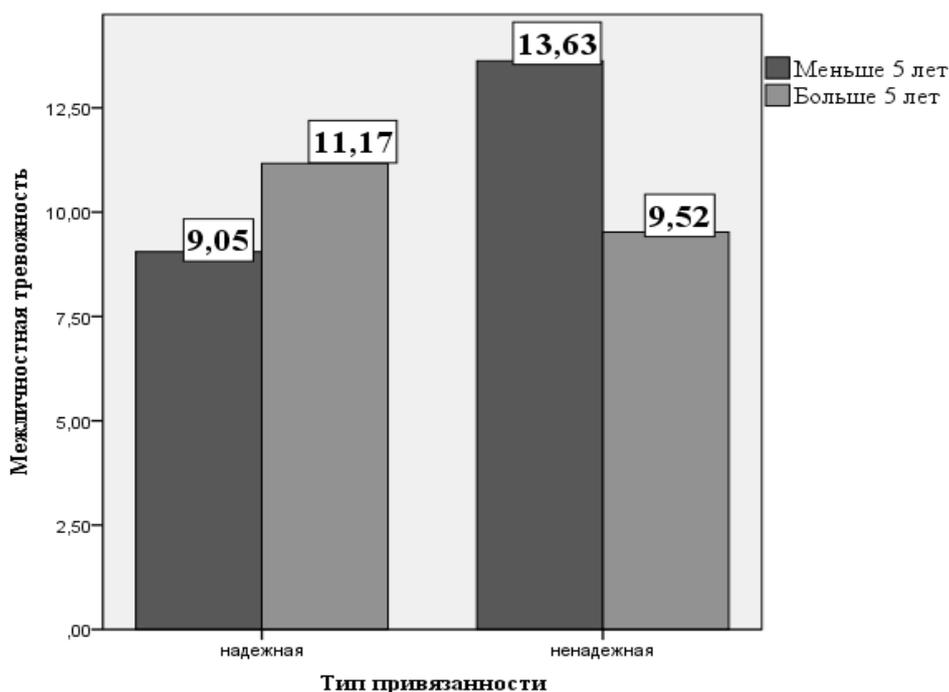
При надежном типе привязанности больше трудностей в описании чувств испытывают подростки, проживающие в учреждении более 5 лет. При ненадежном типе привязанности, напротив, больше трудностей обнаруживают те подростки, которые прожили в учреждении менее 5 лет. Содержательное объяснение представлено в основном тексте работы.

Ниже в таблице П30 и рисунке П5 графически представлен результат о совокупном влиянии количества лет, прожитых в учреждении и типе привязанности подростков-сирот на уровень межличностной тревожности.

Наблюдается та же тенденция, которую мы наблюдали ранее. Содержательное описание дано в Главе 3данной работы.

Данные описательной статистики для подгрупп подростков-сирот с разным типом привязанности и количеством прожитых в учреждении лет по показателю межличностной тревожности

Фактор 1: Привязанность	Фактор 2: Количество прожитых в учреждении лет	Средн. (M)	Стандартное отклон. (SD)	Размер выборки (N)
Надежн. прив.	Менее, чем 5 лет	9,05	5,54	19
	Более, чем 5 лет	11,17	4,88	18
	Всего	10,08	5,27	37
Ненадежн. прив.	Менее, чем 5 лет	13,63	6,86	8
	Более, чем 5 лет	9,52	4,95	21
	Всего	10,66	5,72	29
Всего	Менее, чем 5 лет	10,41	6,20	27
	Более, чем 5 лет	10,28	4,92	39
	Всего	10,33	5,44	66

Рисунок П5. Межличностная тревожность («Опросник личностной тревожности») у подростков–сирот в зависимости от типа привязанности и количества лет, прожитых в учреждении